

Библиотечка россиеведения Выпуск № 2

**ЯРОСЛАВСКОЕ
ВОССТАНИЕ. ИЮЛЬ 1918.**

Москва "ПОСЕВ" 1998

Библиотечка россиеведения Выпуск № 2
Журнал «ПОСЕВ», специальный выпуск за 1998 год

**ЯРОСЛАВСКОЕ
ВОССТАНИЕ. ИЮЛЬ 1918.**

Издание Исполнительного Бюро Совета НТС

Редактор и составитель В.Ж. Цветков при участии игумена Петра (Кузовлёва), Ю.В. Марковина и Б.Н. Колодижа

Издание первое, октябрь 1998 г.

Очередной выпуск «Библиотечки россиеведения» содержит материалы научной конференции, посвященной 80-летию восстания в Ярославле, организованной при участии членов «Мемориала» и НТС.

В выступлениях участников по-новому оцениваются события одного из драматичных эпизодов гражданской войны в России, впервые в научный оборот вводится ряд документальных материалов из центральных и местных архивов, напечатаны воспоминания руководителя восстания полковника А.П. Перхурова, генерала К.И. Гоппера.

Издание иллюстрировано картами-схемами и фотографиями, показывающими ход восстания и итоги бомбардировки города большевиками.

Заказы и отзывы направлять по адресу
Издательство «Посев», Российский филиал
103031 МОСКВА К-31 Амосову Ю.К.
Тел./факс (095) 925 9248
Альманах «Белая гвардия»
Цветкову В.Ж.

Лицензия ЛП № 090031 от 27.7.1992 Министерства печати и информации РФ

Подписано в печать 30.05.1998 Формат 60х90 1/16 Усл. Печ. л. 13

Печать офсетная, тираж 3000.

Отпечатано с оригинал-макета.

ЯРОСЛАВСКОЕ ВОССТАНИЕ. ИЮЛЬ 1918.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

<i>От составителей</i> _____	4
1. В. Цветков «Восстание на Ярославской земле» _____	5
2. Ю. Марковин «Ярославское восстание 1918 года: от мифотворчества к правде» _____	14
3. Б. Колодиж «Июльское 1918 года антибольшевицкое восстание в Ярославле: политико-историческое осмысление» _____	19
4. Игумен Петр (Кузовлев) «Русская православная церковь и гражданская война в России (1918-1920 гг.)» _____	28
5. Е. Ермолин «Идеология Ярославского восстания» _____	37
6. Я. Смирнов «Новые документы по истории Ярославского восстания 1918 года» _____	45
7. Резолюция Губернского общественного собрания _____	49

Приложения

а. Воспоминания генерал-майора А.П. Перхурова _____	51
б. Из воспоминаний генерал-майора К.И. Гоппера о ярославском восстании 1918 года _____	79
в. Документы Ярославского восстания _____	97

Схема №1. Восстание в Ярославле 6-22 июля 1918 г.

Схема №2. Ярославль и Ярославский уезд в июле 1918 г.

Посвящается памяти погибших граждан Ярославля...

От составителей

23 июля 1998 года в Ярославле по инициативе губернского общественного собрания (ЯГОС), Комитета ГОС по безопасности и правам человека, Комитета ГОС по гражданским инициативам состоялась конференция: «К 80-летию июльского 1918 года восстания в Ярославле: мифы и реальность».

В ней приняли участие историки, публицисты, правоведы. Несмотря на то, что прошло уже 80 лет после восстания, до сих пор его оценка остается предметом политических споров. Но уже очевидно, что это был не «спровоцированный Антантой мятеж», а **НАРОДНОЕ ВОССТАНИЕ** против политики советской власти, в котором приняли участие представители практически всех сословий российского общества. Документальные свидетельства, воспоминания участников восстания убедительно доказывают это.

Программы, разработанные в ходе восстания, могли стать основой для построения новой системы управления Белой, Национальной России.

Исторический центр города был практически полностью уничтожен варварскими бомбардировками артиллерией и самолетами. До сих пор неизвестно точное число погибших горожан. Зато было «расчищено место» для «социалистической перестройки» Ярославля, и утвержденный в начале 20-х гг. «План реконструкции» города стал предтечей сталинских «Генеральных планов», беспощадно ломавших многовековую архитектурную застройку российских городов.

Долг историков - дать объективную оценку событий 80-летней давности, и, что самое главное, провести историческую и политическую реабилитацию как участников восстания, так и их потомков. А без этого говорить о «национальном примирении и соглашении», о «восстановлении исторической правды» не приходится.

ВОССТАНИЕ НА ЯРОСЛАВСКОЙ ЗЕМЛЕ

Одним из драматических событий «второй русской смуты» является восстание в Ярославле - 6-21 июля 1918 года. 80 лет назад в городе, помнившем стольных киевских князей Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха, произошло одно из наиболее сильных и организованных восстаний против советской власти.

Лето 1918-го года - 18 июля - день гибели Императорской Семьи в Екатеринбурге, начало «красного террора» и «военного коммунизма». Уже создавались первые «комбеды», была запрещена частная торговля, а законодательство о «социализации земли» делало «государство рабочих и крестьян» единственным собственником земли. В городах ввели карточки почти на все продукты, была провозглашена массовая национализация предприятий. Ответом на это стали многочисленные восстания, охватившие центр России.

В отечественной историографии длительное время господствовала схема, согласно которой ярославское восстание стало результатом заговора, подготовленного французской разведкой и российскими «контрреволюционными, антисоветскими подпольными центрами»¹. Но наивно полагать, что антибольшевицкое сопротивление возникло бы без организующих его центров, ведь сами большевики пришли к власти, опираясь на богатый «опыт» нелегальной работы. Однако любой, даже самый тщательно продуманный план заговора, может быть, обречен на неудачу без поддержки местного населения.

Организаторами восстания стало местное отделение «Союза защиты родины и свободы», созданного Б.В. Савинковым. В начале 1918 года это была наиболее сильная и авторитетная антисоветская структура в Центральной России. Савинковский «союз» объединялся с местными организациями «Союза офицеров», «Союза фронтовиков» и «Союза георгиевских кавалеров». Его ячейки имелись не только в Ярославле, но и во всех крупных верхневолжских городах - Рыбинске, Муроме, Костроме. Наличие хорошо разветвленной подпольной сети позволило создать ядро будущего сопротивления. «Союз защиты» координировал работу с антибольшевицким подпольем и в Москве, но из-за слабости последнего и возраставшей активности ВЧК основное внимание уделялось провинциальным центрам². Активно использовалась и поддержка со стороны французской военной миссии.

Ярославское восстание представляло собой одну из первых попыток организации единого антибольшевицкого фронта. Ярославль мог бы стать объединяющим центром для частей чехословацкого корпуса, армии Комитета членов Учредительного Собрания («Комуча»), наступавших на Москву с востока, и для французского десанта, высадка которого в Архангельске и последующее наступление его на Вологду и Вятку предполагалось в начале июля.

После провалов Московского подполья в мае-июне 1918 года уцелевшая часть организации во главе с полковником А.П.Перхуровым - будущим главой восстания, отправилась в Ярославль. Другая часть московского отделения «Союза» во главе с полковником Бредисом отправилась в Рыбинск. Но большая часть воен-

ных сил союза во главе с ген. Рачковым выехала в Казань, где, перейдя линию фронта, соединилась с частями армии «Комуча».

Успех восстания могла обеспечить только внезапность и решительность действий подпольщиков. Их оперативность должна была парализовать возможное сопротивление местной ЧК. Ярославские офицеры рассчитывали на поддержку из Калужского центра (до 200 человек). В случае удачного выступления в Ярославле предполагалось развернуть широкое повстанческое движение, опираясь на подпольные ячейки в Рыбинске, Муроме, Ростове и Иваново-Вознесенске. Эти города, в свою очередь, должны были стать центрами, вокруг которых собиралось бы недовольное крестьянство. Но к началу восстания из Калуги прибыло только 30 человек, 12 из Костромы и 50 наиболее активных членов Московской организации³.

Офицерский союз в самом Ярославле, опиравшийся на военспецов, служивших в различных учреждениях Ярославского военного округа, насчитывал 120 человек. Общепризнанными лидерами его были - полковник Лебедев и генерал В.И. Карпов. Организация имела вид боевого подразделения, ее члены разделялись на отделения по 5-6 человек в каждом, которые в свою очередь сводились в 2 батальона - кадры будущих повстанческих отрядов.

Начало восстания - образец быстрой и успешной операции. В ночь на 6 июля, на Леонтьевском кладбище, недалеко от городского вокзала полковником Перхуровым было собрано 105 бойцов, выступивших на рассвете в центр города. По воспоминаниям участников их вооружение состояло всего из... 12 револьверов. Но уже к полудню, после короткого боя был полностью разоружен и арестован коммунистический отряд, ликвидирован большевистский штаб в доме генерал-губернатора, заняты почта, телеграф, радиостанция, казначейство. Весь центр Ярославля оказался в руках повстанцев. Однако удержать часть города за р.Которослью не удалось и именно с этой стороны, а также со стороны железнодорожной станции Всполье началось позднее наступление советских войск. Повстанцев поддержало православное духовенство. Расположенный в 10 верстах от города Толгский монастырь стал базой восставших. Через него осуществлялась связь с волостными центрами и деревнями уезда. Восставших поддерживал и Митрополит Ярославский и Ростовский Агафангел (Преображенский).

Силы полк. Перхурова именовались «Ярославский отряд Северной Добровольческой армии» и его численность (реальная) колебалась от 400 до 1000 штыков. Хотя по некоторым данным численность восставших доходила до 2 - 6 тысяч, это скорее всего была численность «записавшихся», но не «сражавшихся» на фронте⁴. Восставших поддержала городская милиция, а губернский комиссар прапорщик Фалалеев возглавил один из отрядов и погиб в бою. Почти все участковые комиссары милиции также перешли на сторону повстанцев, что не было редкостью. Милиция была сформирована еще до октября 1917 года и многие должности в ней занимали противники большевиков (достаточно вспомнить того же Антонова - руководителя восстания в Тамбовской губернии).

Поскольку отряду не удалось удержать артиллерийские склады на окраине города, пришлось воспользоваться лишь тем оружием, которое хранилось в старом арсенале вблизи казарм бывшего кадетского корпуса. И хотя в распоряжении повстанцев было 2 трехдюймовые пушки и на их сторону перешел автоброневой дивизион под командованием поручика Супонина (25 офицеров, 2 пушечных бронавто-

мобиля «Путилов - Гарфорд», 5 крупнокалиберных пулеметов), противостоять превосходящим силам красных было очень сложно. Первоначальный успех восстания не удалось использовать в полной мере и Перхуров принял оборонительную тактику. Расчет же на то, что сам факт восстания поднимет Ярославскую и соседние губернии, оказался несостоятельным. Точный учет повстанцев не проводился, а имевшиеся списки офицеров-подпольщиков, очевидно, были уничтожены. Бойцы знали друг друга и им даже не требовалось специальных знаков различия. Офицеры носили георгиевские ленточки в петлицах и на фуражках, георгиевский шеврон на левом рукаве, некоторые надели и погоны, отличительным знаком для добровольцев стали белые или трехцветные повязки на левом рукаве. По неподтвержденным данным повстанцы восстали под георгиевским знаменем и трехцветным российским флагом⁵.

Б.В. Савинков, председатель «Союза защиты родины и свободы».

Весь фронт от реки Которосли до железнодорожного моста через Волгу был разделен на 6 участков, на каждом из которых был сосредоточен отряд (около 100-150 бойцов при 6 пулеметах), ядро которого составляли члены офицерских организаций. Через несколько дней после начала боев один из броневиков вышел из строя, по второй сражался до последних дней в качестве своеобразного подвижного резерва, переезжая от одного участка фронта к другому. Стрелкового оружия (трехлинейных винтовок, револьверов) хватало на всех, но вскоре, в результате непрерывных боев, стал ощущаться острый недостаток патронов. Пришлось использовать необычный способ «первооружения» - на передовые позиции стали посылать для набивки пулеметных лент. Таким образом, бойцы имели две винтовки - одну для стрельбы - «Берданку» и «трехлинейку» на случай штыковой атаки⁶.

Помимо офицеров в состав Ярославского отряда входила учащаяся молодежь - добровольцы кадеты, лицеисты Демидовского Юридического лицея, гимназисты. Это была та самая «русская молодежь», которая, как и везде в России, составила основу Белого движения в период его становления в начале 1918 года. Но вскоре после начала восстания стало ясно, что силами одних офицерско-добровольческих частей удержать город не удастся и необходимо привлечь на свою сторону окрестных крестьян и рабочих.

Большие надежды возлагались на рабочих железнодорожных мастерских (еще осенью 1917 года поддерживавших «Викжель»), которые, как казалось, могли бы выставить на фронт около 300 человек, однако реально на фронт вышло только около 140 бойцов (но и это довольно большой показатель для восстания). Рабочие ремонтировали броневики в мастерских, готовили бронепоезд для контратак на позиции красных (бронепоезд курсировал на Заволжском участке фронта между станциями Уроч и Филино)⁷.

В этом проявилась специфика антибольшевицкого сопротивления, а именно - тенденция к расширению собственной социальной базы - поиск новых союзников. Ошибочно было бы полагать, что с самого начала белые надеялись только на свои собственные силы. По оценке самого Перхурова накануне восстания в местное отделение «Союза» неоднократно приходили «ходоки» не только из окрестных сел, но даже и из Тверской и Костромской губерний, говоря, что они готовы «выступить с голыми руками» против большевиков». Для крестьянства, указывали они, «наступает голод и отсутствие полной возможности купить хлеба, потому что куда ни поедут, повсюду рискуют, что у них хлеб отберут и даже арестуют, или побьют... Некоторые просто высказывались против существующей власти, некоторые были согласны на наши лозунги «Учредительное собрание», «земля - народу», и что если будет восстания, то они поддержат их своей добровольной мобилизацией»⁸. Если даже не брать в расчет столь оптимистические заверения представителей поволжских деревень, то следует отметить, что крестьянство было равнодушно по отношению к тем событиям, которые происходили в Ярославле.

П. А. Богданов-Хорошев, один из лидеров ярославских меньшевиков

Наибольшую активность проявляли жители Диево-Городищенской, Толгобольской волостей. 8 июля, собравшись по звону колокола и отслужив молебен о даровании победы в «борьбе с безбожной властью», волостной сход села Диево-Городищево принял решение идти на помощь ярославцам, и отряд двинулся к городу. Действиями крестьян руководили свои же односельчане - (офицеры «военного времени») Конапов, Москвин, Тарасов, Ершов, Перелыгин. Данное явление также вполне типично для истории повстанчества гражданской войны, когда бывшие фронтовики становились наиболее активными организаторами и участниками антибольшевицкого сопротивления. На ярославских позициях сражалось около 50 крестьян-добровольцев, многие, получив оружие из городского арсенала, возвращались в свои села⁹.

Полученное оружие сыграло впоследствии свою роль в антисоветской борьбе, в т.ч. «кулацком бандитизме», нападениях на большевистских работников. Правда за повстанцами пошли только наиболее активные и заинтересованные в борьбе против советской власти крестьяне. Таковых было еще мало (в основном - бывшие фронтовики и крестьянская молодежь), большинство же оставалось пассивным, выжидая более крупных успехов повстанцев.

Примечательна и программа, принятая повстанцами. Уже в своем первом обращении-приказе к населению города Перхуров заявил о своей связи с южнорусским Белым движением: «на основании полномочий, данных мне главнокомандующим Северной Добровольческой армией, находящейся под верховным командованием генерала Алексева, я, полковник Перхуров, вступил в командование воо-

руженными силами и во временное управление гражданской частью в Ярославском районе...»¹⁰. Программа «демократической контрреволюции» уже не поддерживалась повстанцами и ими выдвигались лозунги весьма близкие к политической программе белого движения и в чем-то даже предвосхитившее ее.

Так, например, полковник Перхуров был объявлен «главноначальствующим Ярославской губернии», то есть занял должность, которая стала использоваться в практике южнорусского белого движения только с 1919 года. При нем же было сформировано и гражданское управление. В городе была восстановлена городская управа, в которую вошли как представители политических партий, так и «деловые», «цензовые элементы», двое кадетов и двое меньшевиков. Управа, несмотря на бесконечные бои и почти полное окружение советскими войсками, пыталась наладить нормальную работу городского хозяйства, водопровода, электростанции. В обращении управы «К населению города Ярославля» ясно говорилось о том, что только «единая, собранная, сплоченная национальной идеей Россия должна выйти победительницей в начавшемся разгаре борьбы. Перст истории указал на наш город и нужно верить, что Бог спасет нашу Родину в тяжелую настоящую годину. - Воспрянь же Русь, и крикни клич и принеси еще жертву для освобождения. ... Нужно твердо помнить и отчетливо знать, что выход только в победе, мужестве и самоотвержении. Твердо решившись отстоять свое благополучие, нужно собрать все свои душевные и телесные силы и довести дело до конца, не предаваясь малодушию и унынию...». «Воззвание» заканчивалось призывом «Да здравствует Всенародно-законно-избранное Учредительное Собрание» (см. Документы в приложении).

«Помощником Главного начальствующего по гражданской части» стал член партии меньшевиков - И.Савинов. После подавления восстания он направился в Костромскую губернию, надеясь организовать там центры сопротивления, но был арестован и расстрелян Костромской ЧК. Таким образом, в рядах восставших наблюдалось редкое партийное единство - от социал-демократов до кадетов и монархистов. Партийные разногласия как бы отходили на задний план перед надеждами на возможную победу восстания.

Примечательен и еще один документ, по существу определивший программу будущих политических преобразований - «Обращение к гражданам города Ярославля», изданное 13 июля. В нем отмечалось, что «все органы и распоряжения так называемой «Советской власти» упраздняются. Но, помимо этого, ликвидировались и органы управления, созданные при Временном правительстве, не созывалось волостное земство, функции городской думы брала на себя городская управа. Упразднялась милиция, волостные земельные комитеты. В самом Ярославле их заменяла власть «Управления Главного начальствующего по гражданской части», а в «прочих городах губернии - власть «начальников уездов», восстанавливались полномочия волостных старшин. Возрождались окружные суды, а функции общей полиции передавались «уездной и городской страже» (предшественнице Государственной стражи на юге России) (см. Документы в приложении)¹¹.

Этот законодательный акт примечателен прежде всего, потому, что в нем почти с абсолютной точностью воспроизводилась система местного управления на белом юге России в 1919 году. Во время Ярославского восстания Добровольческая армия еще только начинала свой 2-й Кубанский поход и ни о какой развернутой политической программе не было и речи. И в эти же дни за сотни верст от

Северного Кавказа, в центре России уже начали формироваться структуры власти, повторенные затем в проектах денкинского правительства лишь через год. Этот факт не получил еще должного внимания со стороны историков, поскольку, как правило, белое движение на юге России и Ярославское восстание рассматривались изолированно друг от друга. Косвенно подтверждается факт взаимодействия руководства Добровольческой

Демидовский Юридический Лицей

армии, ее «Верховного руководителя» ген. М.В.Алексеева с деятелями как «Союза защиты» так и, вероятно, с самим Перхуровым¹². Поэтому можно утверждать, что в случае победы ярославского восстания, взятия Москвы, а на это мог рассчитывать ген. Алексеев, здесь была бы реализована структура власти Белой России: временная военная диктатура, приоритет исполнительной власти над представительной, представительство не партийное, а сословно-профессиональное. Ярославская земля могла бы стать основой для осуществления программы создания будущей «национальной России».

Однако, этим планам не суждено было воплотиться в жизнь. Кольцо красных войск, вначале весьма слабое, к концу июля стало сжиматься все сильнее и становилось очевидным, что повстанцы не смогут надолго удержать город. Попытки поднять восстания в Рыбинске (8 июля) и Муроме (9 июля) были подавлены. Полк Красной гвардии, рабочие отряды и самая надежная опора советского режима - части венгерских и австрийских «интернационалистов» начали наступление на Ярославль. Из-за Которосли и со стороны ст. Всполье город постоянно обстреливали бронепоезда. Начались бомбежки с воздуха и из тяжелой артиллерии. Особенно опасным в последние дни восстания стал заволжский участок фронта (посад Тверицы - его и защищали крестьяне-добровольцы), через который красные делали неоднократные попытки прорваться в город.

Город беспрерывно бомбили. Только короткие июльские ночи были для горожан более или менее спокойны, но с рассветом в небо снова поднимались большевицкие аэропланы и сбрасывали сотни бомб на город. Так по данным «Чрезвычайного штаба по ликвидации мятежа» во главе с Я.Ленцманом «за два полета сброшено более 12 пудов динамитных бомб, большая часть которых, по полученным сведениям, попала в район расположения штаба противника около бывшего губернаторского дома.... Летчиками замечены сильные повреждения зданий и возникшие пожары.... Артиллерийский огонь противник не открывал (интересно, откуда можно было бы его открывать, если у повстанцев было всего 2 пушки на позициях вблизи города - В.Ц.), ограничившись одним или двумя выстрелами из мелкокалиберных орудий (следствие нехватки снарядов - В.Ц.), по-видимому с броневиков. В настоящее время, в виду упорства противника, решено усилить бомбардировку, применяя для этой цели наиболее разрушительной силы бомбы»¹³.

Уничтоженный лицей

Последние дни боев в городе бушевали пожары, пожарная часть была разрушена, уничтожена городская водонасосная станция. Итогом варварской бомбардировки стало практически полное разрушение центра города, гибель многих исторических памятников. Огромные разрушения были в Афанасиевском монастыре, бывшем Спасо-Преображенском монастыре, основанном еще в начале XIII века ростовским князем

Константином Всеволодовичем. В огне пожара погибла ценнейшая библиотека Демидовского лицея, сгорел и сам лицей, уничтожены городская больница, гостиный двор, 15 фабрик, 9 зданий начальных училищ. Спустя шесть лет, обгорелые корпуса заводов и заросшие бурьяном пустыри напоминали об июльских боях 1918 года. При этом ряд советских историков относили все эти разрушения исключительно на счет «итогов двухнедельного хозяйничанья «защитников свободы»»¹⁴.

Дальнейшее продолжение вооруженной борьбы становилось бесперспективным. Мнения защитников города разделились. Большинство их - местные жители во главе с ген. Карповым, отказались покинуть город и решили продолжать борьбу в случае поддержки со стороны городских рабочих. Другая часть, около 50 бойцов - членов офицерских организаций, во главе с Перхуровым решилась на отчаянный прорыв на пароходе к Толгскому монастырю с целью возможной последующей организации партизанских отрядов вокруг Ярославля и поддержки обороняющихся извне. Однако, эта попытка не увенчалась успехом и крестьяне, получив оружие, закопали его в лесу. Офицерская группа Перхурова еще в течение месяца бродила по заволжским лесам и деревням (за это время никто из бойцов его отряда не был выдан советским властям местными крестьянами, напротив, они повсюду встречали доброжелательное отношение). Группе Перхурова удалось перейти фронт и соединиться с частями Народной армии «Жомуча», оперировавшей в данном районе¹⁵.

Александр Петрович Перхуров. Родился в 1876 году в семье потомственных дворян Тверской губернии. Закончил Московский кадетский корпус, Александровское военное училище и Академию Генерального штаба по 2 разряду, в 1903 году. Первую мировую войну начал в чине капитана 14 Сибирской стрелковой артиллерийской бригады. Произведен в полковники в июле 1915 года и назначен командиром 5-й батареи этой же бригады. К производству в чин генерал-майора был представлен в октябре 1917 года, однако данный приказ не вступил в силу. Являлся одним из активных участников «Союза офицеров армии и флота», был лично знаком с Б.Савишковым, в ноябре 1917 года, очевидно, вместе с ним выезжал в Ростов на Дону для координации действий с командованием Добровольческой армии. В 1919 году произведен Верховным Правителем России адмиралом А.В.Колчаком в генерал-майоры, за подготовку и руководство Ярославского восстания, получив почетное именование Перхуров - Ярославский. Воевал в составе Народной армии Жомуча, а затем Западной армии ген. Ханжонина. Во время Сибирского «Ледяного похода» он сидел в плен красным партизанам под Красноярском. Позднее работал в штабе Приуральского военного округа, но в 1922 году был арестован по обвинению в подготовке «контрреволюционного вооруженного восстания» и расстрелян по приговору Ярославского ревтрибунала.

Оставшиеся в Ярославле бойцы сдались 21 июля «Германской комиссии военнопленных №4» и хотя ее председатель лейтенант Балк заверил сдавшихся повстанцев, что комиссия займет позицию «вооруженного нейтралитета» и не выдаст их большевикам, на следующий же день передал всех советским властям¹⁶.

Вообще роль т.н. «интернационалистов» в подавлении восстания в русском городе долгое время также оставалась одним из «белых пятен» в его истории. Но очевидно, что представители Германии входили в непосредственный контакт с советским военным руководством. Заинтересованность Германского Генштаба в поддержке большевиков и борьбе с их противниками была очевидной. Сам Балк, не скрывая гордости, так писал о своем участии в событиях 1917-1918 гг. в эмиграции: «...После октябрьской революции некоторое время я был в комендатуре Смольного, под фамилией бывшего корнета Василевского...» По словам Балка, во время подавления Ярославского восстания он «...командовал батареей. Солдаты были исключительно мадьяры из отряда, сформированного еще летом 1917 года на Волге (очевидно 1-й Московский интернациональный батальон и 1-й польский революционный полк - прим. В.Ц.) Немало колоколен удалось сбить. Похвастая: не будь нашей организации, еще неизвестно, во что бы обернулось дело...»¹⁷

Интервью с Балком было опубликовано в газете «Возрождение» и, по версии автора интервью И.Мазинга, непосредственным руководителем артиллерийского обстрела города был будущий красный маршал - В.К.Блюхер, (настоящая его фамилия, якобы, Тиц), являвшийся также агентом германского Генштаба. Вряд ли подобная версия правомерна, ведь летом 1918 года Блюхер был на Урале, однако, можно предположить, что артиллерией большевиков действительно командовал кто-либо из «интернационалистов» - военнопленных, бывших офицеров германской или австро-венгерской армии.

Таким образом, сотрудничество Германии с большевистским правительством продолжалось и после Октября 1917 года и после марта 1918 г., когда был подписан Брестский мир. Для военного и политического руководства Германии было очень выгодно поддерживать с одной стороны гетмана П.Скоропадского, а с другой - Л.Троцкого, поскольку и тот и другой, в то время, работали на одну цель - разрушение государственного единства России.

После сдачи в плен сразу же началась расправа над повстанцами. По оценке С.П.Мельгунова, практически без суда было расстреляно 428 человек, в большинстве своем местные офицеры, студенты, кадеты, лицеисты¹⁸. Если учесть прорвавшихся из окружения (около 100 человек) и погибших на позициях во время обороны (около 600), то получится, что почти все участники восстания были убиты (сколько было убито во время беспощадных самосудов в первые часы после сдачи неизвестно). Число погибших во время варварских бомбардировок мирных жителей вообще не поддается учету.

Итак, Ярославское восстание завершилось. Несмотря на формальное поражение, оно позволило оттянуть часть большевицких сил от Поволжского фронта. А ведь это было время наиболее ожесточенных боев под Казанью и Симбирском. Восстание показало, что и в центре России, который традиционно считался оплотом советской власти, имеются многочисленные противники нового режима. Однако, после подавления восстания здесь уже не было возможности рассчитывать на продолжение сколько-нибудь серьезного антибольшевицкого сопротивления.

Восстание, хотя и продолжалось больше двух недель, потерпело поражение по причине, прежде всего, огромного превосходства сил красной гвардии и варварских, ничем не оправданных бомбардировок города большевиками. Тот факт, что в восстании приняли участие крестьяне и рабочие, свидетельствует о расширении социальной базы участников антисоветской борьбы. Теперь уже не только офицеры, кадеты, юнкера и гимназисты, но и крестьяне и рабочие сражались в одних рядах, объединенные одними лозунгами и одной программой.

Ярославское восстание, безусловно, является ярким примером в ряду других антибольшевических восстаний 1918 года и его беспристрастное изучение еще станет предметом научных разработок историков, публицистов и краеведов.

-
1. Берг С., Королев В., Розанова О. И др. Ярославский сборник, посвященный годовщине Великой Октябрьской революции и июльским событиям. Ярославль, 1918.; Розанова С., Громов А., Васильев А. И др. Из истории ярославского белогвардейского мятежа (6-22 июля 1918 года). Сборник второй. Ярославль, 1922.; Шестнадцать дней. Материалы по истории ярославского белогвардейского мятежа (6-21 июля 1918 г.). Ярославль, 1924.; Балашов Р. Пламя над Волгой (ликвидация белогвардейского мятежа в Ярославле летом 1918 г.). Ярославль, 1984.
 2. Дело Бориса Савинкова. М., 1925.
 3. Гонпер К. Четыре катастрофы. Воспоминания. Рига., б.г. с. 42-43.
 4. Балашов Р. Указ. Соч. С. 73.; Российский центр хранения и изучения документации по новейшей истории. (РЦХИДНИ). Ф.5., Оп.1., Д. 2569., Л.4 об.,6.
 5. Красная книга ВЧК., т.1, М., ГИЗ, 1920; с.40-41; (Извлечения из воинского устава Северной Добровольческой армии).
 6. Калинин Д. У белых под пятой.// Шестнадцать дней. Указ.соч. с.65,67.
 7. Там же. С. 80.
 8. Там же. С. 66.
 9. Там же. С. 63. Показания полковника Перхурова на процессе Ярославского Революционного трибунала.
 10. Перхуров А.П. Исповедь приговоренного. Рыбинск., 1990. С.22 -24.
 11. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Коллекция листовок. Л.1.
 12. Временное Положение о гражданском управлении в местностях, находящихся под Верховным управлением Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. Ставрополь, 1919.
 13. ГАРФ. Ф.446., Оп.2., Д.101., Л. 94.; Федюк В.П. Белые. Антибольшевическое движение на юге России. 1917-1918 гг. М., 1996. С. 64.
 14. Калинин Д. Указ.соч. с. 83. Оперативная сводка Чрезвычайного штаба от 19 июля 1918 года.; РЦХИДНИ. Ф.5., Оп.1., Д. 2569., Лл. 6-6об.
 15. Там же. С. 87.
 16. Там же. С.80-83. Показания полковника Перхурова...
 17. «Возрождение». № 1574.; Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Часть 2. Образование областных противобольшевических движений. Кн.4., С.96-97.
 19. Мельгунов С.П. Красный террор в России. М., 1990. С.45.

ЯРОСЛАВСКОЕ ВОССТАНИЕ 1918 ГОДА: ОТ МИФОТВОРЧЕСТВА К ПРАВДЕ

Из множества фактов и даже направлений сокрытия истины, целенаправленного искажения правды о Ярославском восстании июля 1918 года мы выделим сегодня только два: разрушение города и терминологические ярлыки. Остановимся на них подробнее.

Во время работы НИГ «Ярославль- 1918» (Научно-исследовательской группы по изучению документов, связанных с восстанием лета 1918 года в Ярославле, созданной областным обществом «Мемориал») нам удалось познакомиться с архивами Ленина, Троцкого, Дзержинского тех дней (Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории, РЦХИДНИ, г. Москва), а также подшивками газет «Правда» и «Известия» за июль 1918 года (библиотека Парламентского центра, г. Москва).

Вывод однозначен: насилие, как средство удержания власти, в руках руководящей верхушки большевиков не было продиктовано ни насилием со стороны свергаемых господствующих классов, ни интересами пролетариата, якобы пришедшего к власти. Напомним, что демократическим путем сменить власть можно было только решением Учредительного собрания. Но избранное всенародно, а поэтому и наиболее адекватно выражающее интересы народа, оно было разогнано большевизмом правительством. Осуществили это вооружённые матросы, введённые в Петроград по решению того же правительства. Силами тех же вооружённых матросов были расстреляны демонстрации, поддерживавшие Учредительное собрание. Значит не интересы пролетариата, как пришедшего к власти класса, а свои партийно-властные интересы защищали вооружённым насилием большевики. И это не было эпизодом. Это было основным способом большевиков по захвату и удержанию власти. Причём способом, который не только практически осуществлялся, но и теоретически обосновывался. Подчас очень неуклюже и натянуто.

Так, на первой полосе газеты «Правда» №150 за субботу 20 июля 1918 года под заголовком «Ярославль» писалось:

«...восстание в Ярославле должно быть подавлено ценою каких угодно разрушений и жертв...

... когда правящим классам России в их целях казалось необходимым, они без малейшего колебания предавали огню целые города - вспомним хотя бы сожжение Москвы в 1812 году... (которое) во всех учебниках изображается как величайший подвиг патриотизма и государственной мудрости...»

Далее в статье признаётся, что «...во время военных действий в Ярославле сильно пострадали ярославские рабочие и ... городская беднота...»

И снова подчеркнём, что это не случай, не эпизод, а политическая и военно-стратегическая линия: большевизмская власть именно так поступала ДО июля 1918 года и ПОСЛЕ него. Подтвердим это утверждение:

3 июня 1918 года. Записка Ленина с поручением Тер-Габриэлян, председателю ЧК Бакинского Совнаркома: «...передать Теру, чтобы он всё приготовил для сожжения Баку полностью...»¹.

28 февраля 1920 года. Телеграмма в Реввоенсовет Кавказского фронта: «Смилге Орджоникидзе. Нам до зарезу нужна нефть. Обдумайте манифест населению, что мы перережем всех, если сожгут или испортят нефть и нефтяные промыслы...»².

10 сентября 1918 года Ленин телеграфирует Троцкому: «...По-мосму, нельзя жалеть города, и откладывать дольше, ибо необходимо беспощадное истребление, раз только верно, что Казань в железном кольце.»³.

Не опыт ли Ярославля здесь применен?!

Петроград, Ярославль, Казань, Баку... Перечень можно продолжать и продолжать.

Таким образом, четко прослеживается признаваемая, даже постулируемая большевиками линия на насильственное удержание власти ценою «каких угодно жертв». Кстати, не будем заблуждаться в том, что, мол, все эти по существу террористические акты, а то и прямо преступления, совершались не в горячке революционных боев, не оценивались в качестве таковых. Теперь каждый неоднократно может прочесть на этих документах ленинские указания: «не размножать», «вернуть», «секретно», «...писать этого нельзя даже в секретных бумагах. Верните мне сие, я сожгу...»⁴ и т.п. Почему? Ленин отвечает сам: «Боюсь, это вызовет нарекания...». Значит автор понимал, осознавал всю безправственность и юридическую преступность таких указаний и тем более их исполнений.

К этим действиям вплотную примыкают явные и тайные расстрелы, повешения, другие убийства, внедряемая большевиками система заложничества. Не буду останавливаться на них подробно, не потому, что они неактуальны, что стали они достаточно известны в последнее время, когда открывается доступ к десятилетиями засекреченным документам, а чтобы не отклониться от главной темы сегодняшнего разговора. Поэтому не привожу документы полностью, а только отдельные фразы из них:

- «...повесить там 100 - 1000 их чиновников и богачей...»⁵.

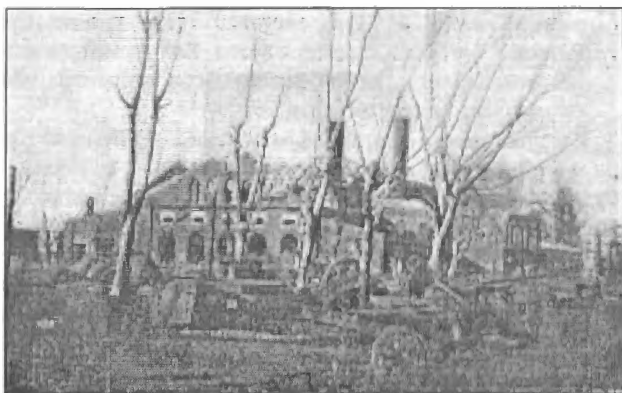
- «...Перевешаем кулаков, попов, помещиков. Премия 100 000 руб. за повешенного.»⁶.

- «...Чем большее число...удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше»⁷.

- «...(испременно повесить, дабы народ видел) не меньше 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийц...»⁸.

«...Тайно подготовить террор: необходимо - и срочно...»⁹.

- «...провести беспощадный массовый террор... сомнительных запретить в концент-

Завод Слюякова после обстрела

рационный лагерь...»¹⁰. Это - август 1918 года - одно из первых упоминаний о концетрационных лагерях в советское время. Большевицкой власти ещё не было и года!)

- «...отправляйте... неблагонадёжных в концентрационные лагеря...»¹¹.

- «...усилить взятие заложников...»¹².

Все приведённые цитаты, фразы, слова - из Ленина. Практически во всех случаях он выступает инициатором террористических действий. Вот последнее: «...я лично буду проводить в Совете Обороны и в Цека не только аресты всех ответственных лиц, но и расстрелы...»¹³.

Только советское правительство, председатель СНК провозгласили террор средством государственной политики, применили заложничество в широких масштабах. Всё это нашло самую активную реализацию во время Ярославского восстания лета 1918 года, а частью началось отсюда.

Так что же произошло в июле 1918 года в Ярославле? Восстание или мятеж?

Советская историография основывалась на том, что был Ярославский МЯТЕЖ, а отсюда уже все оценки и самого явления, и деятельности его участников. Так всё и происходило: термины, а точнее - ярлык оказывался самоцелью и такому определению его места были подчинены все «научные» изыскания... Признаемся, что таковыми (т.е. научными) назвать их нельзя, т.к. целью здесь являлся не поиск исторической истины, а обоснование идеологической установки. Как образно говорят нынче, телегу ставили впереди лошади. А ведь от этого зависело, если не всё, то очень многое и главное в нём - положительная или отрицательная оценка исторического события:

- восстание - значит хорошо, прогрессивно;

- мятеж - плохо, реакционно.

Отметим, что современники происходившего летом 1918 года были менее скрупулёзны в определении ярославских событий. Официоз большевицкой партии в уже цитированном номере (Правда №150 от 20 июля 1918 года) писал: «восстание в Ярославле». Товарищ Иванов, рыбинский военный уездный комиссар, ещё меньше разграничивал интересующие нас понятия, докладывая «вверх» о происходящем. Так, в одной телеграмме он сообщал: «...белогвардейское восстание подавлено...»; в следующей: «...приняты самые энергичные меры к подавлению белогвардейского мятежа и водворению революционного порядка». И даже в одной и той же телеграмме: «...отрядами Кузьмина мятеж ликвидирован...», а пятью строчками ниже: «...ликвидация контрреволюционного восстания...» Впрочем, такой «плюрализм» был характерен и для высказываний высшего партийного, государственного руководства. В стенограмме V-го съезда Советов за 6 июля 1918 года (день начала ярославских событий) записано, что Свердлов назвал их контрреволюционным мятежом. А Ленин сообщал, что «Ярославское восстание белых подавлено». Если такой разноречивой терпим в простом общении, в обыденном сознании, то научный анализ без точного понимания определений невозможен. Какова же сущность понятий «восстание» и «мятеж»? Мы обратились к энциклопедиям и словарям и пришли к неожиданному выводу: в 30-50-е годы и даже позже, до 90-х годов нашего столетия в СССР научного определения этих понятий НЕ СУЩЕСТВОВАЛО.

Приводим результаты наших поисков (весьма не полных, но достаточно показательных):

1. Малая советская энциклопедия. Т.2, 1929 г.

ВОССТАНИЕ - массовый отказ от повиновения действующим в государстве

Владимирская улица после обстрела

законам и органам власти и посягательство на изменение государственного порядка или порядка управления. Восстание предполагает всегда массовость действий и, в случае палачия вооружённых отрядов у восставшей части населения, называется вооружённым восстанием. По дореволюционному уголовному законодательству России восстание именовалось бунтом или мятежом...

МЯТЕЖ - нет.

2. Толковый словарь русского языка.

Т.1. Изд. 1935 г., с.375.

ВОССТАНИЕ - массовое организованное выступление против правительственной власти.

Т.2. Изд. 1938 г., с.294.

МЯТЕЖ - Вооружённое выступление, возникшее в результате заговора против государственной власти.

3. Советская историческая энциклопедия. Т.3. Изд. 1963 г.

Понятия **ВОССТАНИЕ** - нет. Восстание вооружённое, см. Вооружённое восстание.

ВООРУЖЁННОЕ ВОССТАНИЕ - форма открытой борьбы народных масс с оружием в руках против господств. классов и нац. угнетения, один из способов революционного завоевания государственной власти... господствующие классы, как правило, не уступают своей власти добровольно... когда мирный путь взятия власти не возможен, за власть приходится бороться с оружием в руках. Выступление групп заговорщиков, перевороты, путчи, в которых не участвуют массы, не являются вооружённым восстанием. (Вооружённые восстания, носящие реакционный характер, в советской литературе назывались мятежами).

4. Русский толковый словарь, изд. 1994 г.

ВОССТАНИЕ - Массовое вооружённое выступление. **МЯТЕЖ** - Стихийное восстание, а также вооружённое выступление в результате заговора против государственной власти.

Отметим, что Ярославские события июля 1918 года вполне подпадают под определения восстания, предложенные Малой советской энциклопедией (1929 г.), Толковым словарём русского языка (1935 г.), Советской исторической энциклопедией (1963 г.), а также Русским толковым словарём (1994 г.).

Что касается понятия «мятеж», косвенно данное Малой советской энциклопедией (1929 г.) и Советской исторической энциклопедией (1963 г.) в толковании

Тактика «выжженной земли» в действии

термина «Восстание», а также содержащиеся в Толковом словаре русского языка (1935 г.), Русском толковом словаре (1994 г.), то они могут быть применены к июльским 1918 года событиям только с доказательством его «заговорщического» происхождения, что весьма спорно.

В Ярославском восстании были заложены принципы всех дальнейших взаимоотношений власти и народа в России: насилие, нетерпимость, классовый подход... Последнее не только в практике, но и в теории; не только в политической практике, понимаемой как борьба за власть, но и в идеологизированной теории, науке.

-
1. РЦХИДНИ. Ф.2., Оп.2., Д. 109.
 2. РЦХИДНИ. Ф.2., Оп. 1., Д. 1306.
 3. В.И. Ленин. ПСС. Т.50., с. 178.
 4. РЦХИДНИ. Ф.2., Оп.2., Д. 1119.
 5. РЦХИДНИ. Ф.2., Оп.2., Д. 447.
 6. РЦХИДНИ. Ф.2., Оп.2., Д. 380.
 7. Известия ЦК КПСС. 1990, № 4., с. 193.
 8. РЦХИДНИ. Ф.2., Оп.2., Д. 6898.
 9. РЦХИДНИ. Ф.2., Оп.2., Д. 492.
 10. Ленин В.И. ПСС. Т.50., с.144.
 11. РЦХИДНИ. Ф.2., Оп.1., Д. 9852.
 12. Ленин В.И. ПСС. Т.50., с. 343.
 13. Там же. Т.51., с. 216.
 14. Ленин В.И. ПСС. Изд. 4-е., Т. 27., с. 508.

ИЮЛЬСКОЕ 1918 ГОДА АНТИБОЛЬШЕВИЦКОЕ ВОССТАНИЕ В ЯРОСЛАВЛЕ: ПОЛИТИКО- ИСТОРИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

Известный исследователь французской революции Франсуа Фюре справедливо заметил, что историк революции просто «обязан объявить о своей политической принадлежности, о своих мыслях и намерениях». «...Главное заключено в его оценке, которая совершенно не обязательна, когда речь идет о Мервингах, но абсолютно необходима для событий 1789 или 1793 гг.». Когда такая оценка высказывается, - считает Франсуа Фюре, - все становится понятным - «автор реалист, либерал или якобинец» (см.: Франсуа Фюре. Постыжение французской революции. Санкт-Петербург, «Инапресс», 1998, с.11). Попытка историка, исследующего революционные события, периоды социальных потрясений, ридится в тогу беспристрастного интерпретатора фактов - есть политическое лицемерие.

Ярославское антибольшевицкое восстание, 80-летие которого отмечается в июльские дни 1998, будучи объектом исторического анализа, прошедшим сквозь тотальную идеологическую цензуру советской историографии, нуждается прежде всего в политико-историческом переосмыслении, что в данном случае совпадает с его исторической реабилитацией.

Известно, что в ортодоксальной советской историографии Ярославское восстание определялось в качестве «белогвардейского мятежа», организованного «подпольными шайками заговорщиков», находившихся «на полном содержании англо-французских и американских империалистов».

Под «шайками заговорщиков» подразумевался «подпольный офицерский союз» во главе с Борисом Савинковым - «эсером-террористом» и «ярким врагом Советской власти». Тот самый «офицерский союз», который присвоил себе «насквозь лживое и лицемерное название»: «Союз защиты родины и свободы». Французский посол Нуланс «дал указание Савинкову организовать мятеж в Ярославле и Рыбинске». В свою очередь Савинков «назначил вожаком мятежа в Ярославле полковника Перхурова». Дата выступления заговорщиков - 6 июля оказалась не случайной, ибо «мятеж в Ярославле по плану интервентов должен был на «несколько дней предшествовать высадке английского десанта в Архангельске».

Такова оценочная диспозиция «белогвардейского мятежа» в Ярославле в представлении одного из известных советских историков-краеведов (Л.Б. Генкин .Ярославль в годы гражданской войны и иностранной интервенции. - В кн. Ярославль социалистический. Очерки истории города. Ярославское кн. изд-во, 1960, С.40-43).

Далее автор утверждает, что «ядро мятежников» составили «300 офицеров-заговорщиков», направленных савинковским «союзом» в Ярославль «из Москвы Калуги и других городов». В самом же Ярославле «заговорщики опирались на местную буржуазию, помещиков и их сынков». Историк относит к числу активных пособников заговорщиков и «контрреволюционную часть духовенства».

«Перхуров перед началом мятежа, - свидетельствует автор, - счел своим долгом лично испросить благословения у архиепископа ярославского Агафангела ..., являвшегося одним из руководителей заговора...». И последний благословил мятежников на «богоугодное дело...». На сторону белогвардейцев стали «матерые контрреволюционеры» из числа пробравшихся «на некоторые руководящие посты в советском аппарате». «Так, на-

Даниловская улица после обстрели

пример, замаскированными врагами и пособниками заговорщиков были начальник отдела Управления губисполкома, комиссар автопулеметной роты, начальник команды мотоциклистов, некоторые руководящие работники милиции».

Наконец, во время мятежа «усердно служили белогвардейцам главари меньшевиков и эсеров», которые «заверили Савинкова и Перхурова, что крестьяне и рабочие якобы поддержат заговорщиков». «Конечно это было ложью, - свидетельствует историк, - рабочие и крестьяне не поддержали перхуровцев». Здесь остановимся, заметив, что в реальности лож исходила не от мифических меньшевиков и эсеров, вводивших в заблуждение Перхурова, а от самого историка, опиравшегося на марксистско-ленинскую догму о классовой борьбе, согласно которой рабочие и крестьяне лояльные к коммунистическому режиму - «народ», а все остальные - «прислужники буржуазии» и «враги народа». Действительность же была гораздо более сложной.

К лету 1918 года, как свидетельствуют исторические источники, уже многие рабочие и крестьяне не видели в большевицком режиме истинно «народной власти». Без массовой поддержки со стороны образованной части общества и городских низов, поддержавших восстание с оружием в руках или с затаенной пассивностью обывателя, «сотни офицеров», собравшихся на Леонтьевское кладбище Ярославля в ночь на шестое июля, не удалось бы в один день свергнуть советскую власть, а затем в течение 16 дней удерживать город, находясь в огненном кольце регулярных войск с артиллерией и авиацией. Восставшие прекратили сопротивление лишь под угрозой полного разрушения города.

По данным некоторых источников ряды ярославских повстанцев, непосредственно подчинявшихся Перхурову, насчитывали до 6 тысяч человек. Если предположить, что не менее 5 тысяч из них следует относить к числу примкнувших к «офицерам-заговорщикам», то это число составит не менее четырех процентов от всего населения города, включая грудных младенцев. По меркам исторической психологии такой удельный вес людей, выражающих социальный протест и рискующих жизнью во имя идеи, вполне достаточен, чтобы быть отнесенным к массовому типу протеста.

Уместно напомнить, что в июньские дни 1988 года на первый митинг Ярославского народного фронта - одного из первых в России пришли три тысячи ярославцев. Пришли, чтобы выразить мирный протест против диктатуры партократии. И тем не менее одного этого митинга оказалось достаточно, чтобы сокрушить в общественном сознании ярославцев миф о «единстве партии и народа». Вернемся, однако, к цитируемому источнику.

Вслед за означенной выше диспозицией, автор живописует картину «кровавой расправы над партийными и советскими работниками», в центре которой - миф о «барже смерти» на Волге с тремястами заключенными, «многие из которых погибли от голода или от пуль».

В первый день мятежа действительно имели место бессудные эксцессы: убийства председателя исполкома городского Совета Д. Закгейма и комиссара Ярославского военного округа С.М. Нахимсона. Известно, что агрессию участников массовых выступлений не всегда можно сдержать. Тем не менее в последующие дни штабу Перхурова удалось остановить бессудные расправы и грабежи, пресечь незаконис. И даже более того, предпринять отчаянные усилия к налаживанию городского самоуправления и продовольственного снабжения населения, включая арестованных.

Что же касается так называемой «баржи смерти», то на ней находились не 300 арестованных активистов советской власти, ожидавших суда, а всего лишь 82 человека, и смертельная угроза для них исходила не столько со стороны белогвардейцев, сколько со стороны красных, подвергавших город непрерывному массивированному обстрелу. Достоверно известно, что Перхуров, узнав, что на баржу в течение нескольких суток не доставляется продовольствие, дал поручение офицеру-добровольцу доставить хлеб арестованным, пусть и с риском для жизни. Однако под огнем красных лодка была потоплена, а офицер тяжело ранен (см.: В. Мясников. Водяная тюрьма. - газета «Золотое кольцо», 27 мая 1993 года; ж-л «Волга», 1993, № 3, с. 170).

Тотальный террор, учиненный большевиками в ходе подавления восстания и в последующие годы, не идет ни в какие сравнения с так называемыми «расправами» восставших. Если гнев восставших был обращен на конкретных активистов большевицкого режима, то бессудные расправы большевиков носили характер массовых политических репрессий, беспримерных по своей жестокости.

В большевицком карательном рвении уничтожались пленные, расстреливались мирные жители - по малейшему подозрению в соучастии в восстании или просто по признаку социального происхождения.

Репрессии вершились по прямым директивам советской власти. В архивах сохранился ряд правительственных телеграмм и записей разговоров московских начальников с командирами красных частей, блокировавших Ярославль, в которых даются санкции и указания на любые карательные меры. В одной из таких телеграмм говорится: «Белогвардейское восстание в Ярославле должно быть подавлено беспощадными мерами. Пленных расстреливать: ничто не должно остановить или замедлить суровой кары... Террор применительно к местной буржуазии и ее прихвостней... должен быть железным и не знать пощады». Или еще: «...Не присылайте пленных в Москву, так как это загромождает путь, расстреливайте всех на месте, не разбирая, кто он...» (см.: «Общий отчет о работе группы по исследованию политических репрессий в ходе Ярославского восстания 1918 года и после подавле-

ния восстания». Ярославль, 1998, с.4). В большевицкой «Правде» от 14 июля 1918 года в публикации «Массовый террор» содержался уже публичный призыв к истреблению «сотен гадов и паразитов...». «Поп, офицер, банкир, фабрикант, монах, купеческий сынок - все равно... Никакой пощады...».

В эти дни объектом тотального террора стал целый город, со всеми его жителями, жилыми строениями и памятниками архитектуры. Взятый в кольцо блокады, город расстреливался с применением зажигательных снарядов и авиационных бомб, с использованием тактики «выжженной земли».

Разрушение Ярославля с использованием указанной тактики стало первым наиболее серьезным и последовательным воплощением ленинской стратегии ведения гражданской войны. Ее смысл заключался в готовности разрушать города России из соображений революционной целесообразности. Ленин внимательно следил за ходом подавления «белогвардейского мятежа». И наверняка имел в виду «ярославский опыт», когда 10 сентября 1918 телеграфировал Троцкому под Казань: «Удивлен и встревожен замедлением операции против Казани, особенно если верно сообщение мне, что вы имеете полную возможность артиллерией уничтожить противника. Помоему, нельзя жалеть города..., ибо необходимо беспощадное истребление, раз только верно, что Казань в железном кольце» (см.: В.И. Ленин. ПСС, т.50, с.178).

Аналогия с ярославской ситуацией полная. Однако указание о «беспощадном истреблении» города с населением было столь чудовищным, что Ильич решил засекретить текст телеграммы, сделав следующее заключение: «Секретно. Шифром (оригинал мне вернуть). (Прислать мне копию шифра).»

Естественно, установить масштабы репрессий хотя бы с относительной точностью до сих пор не удалось. Большевики не вели внесудебных «расстрельных списков», тщательно секретили места массовых захоронений. Различные источники называют число расстрелянных пленных только в период с 6 до 22 июля в разбросе от 163 до 870 человек (см. «Общий отчет о работе группы по исследованию политических репрессий в ходе Ярославского восстания и после подавления восстания...», с.8). Думается, что последняя цифра наиболее близка к истине. Однако, в нее не входят сотни расстрелянных без следствия и суда крестьян, выступивших с оружием в руках в поддержку ярославских и рыбинских повстанцев в целом ряде волостей губернии (см.: Юрий Шевяков. Бой у монастыря. - «Золотое кольцо», 27 июня 1998 года, и др.). По свидетельству лейтенанта Балка, возглавлявшего Германскую Комиссию (комендатуру) в Ярославской губернии (такие комендатуры действовали и в других губерниях России в рамках секретных протоколов к Брестскому миру), 21 июля 1918 года были расстреляны 428 повстанцев, сдавшихся в плен немцам, но переданных затем большевикам (см.: Игорь Бунич. Пятистолетняя война в России... Санкт-Петербург, «Облик», 1997, с. 167). Кстати, именно он и передал большевикам сдавшихся ему в плен членов штаба Ярославского восстания, которые в первый же день после его подавления, в числе 57 человек, были расстреляны без всякого суда.

Балк с немецкой педантичностью вел картотеку лиц, проходивших через его комендатуру, выдаваемых затем большевикам и немедленно расстреливаемых. Согласно картотеке Балка, в Ярославской губернии с марта по ноябрь 1918 года было расстреляно 50247 человек. Цифра эта до последнего времени не часто попадала в поле зрения ярославских историков-краеведов. Но она с поразительной наглядностью свидетельствует о масштабах большевицкого террора в губернии, с одной стороны, и о массовом характере антибольшевицких настроений - с другой.

В официальной советской историографии проблема массовых антибольшевических настроений, как первопричина июльского 1918 года восстания в Ярославле, полностью игнорировалась. А вина за убийства и разрушения возлагалась на самих восставших и их «англо-французских пособников». 75 тысяч снарядов обрушили большевики на древнейший огород, православную святыню России, а счет за это предъявили странам Антанты. В 1922 году на Генуэзской конференции этот счет был оценен большевиками в качестве «Претензии России к государствам, ответственным за интервенцию и блокаду» на сумму в 124 миллиона 159 тысяч рублей золотом.

Прошло 80 лет после подавления Ярославского восстания и семь лет после крушения коммунистической тоталитарной системы, но в историческом центре Ярославля, в Демидовском сквере, примыкающем к Советской площади, до сих пор возвышается памятник, на котором начертано: «Борцам за Советскую власть. Павшим во время подавления белогвардейского мятежа в июле 1918 года» и «Вечная слава героям». Возвышается памятник в качестве монументального воплощения кровавой коммунистической морали, идеологии советского исторического мифотворчества. Историческая правда с огромным трудом проникает в общественное сознание ярославцев. А правда эта заключается в том, что июльские 1918 года события в Ярославле были не «белогвардейским мятежом», а «антибольшевическим восстанием», или еще точнее - «народным восстанием», ибо тщательно подготовленное выступление подпольной военной организации сразу же переросло в широкое движение «народного сопротивления коммунистическому режиму». Причем это движение возникло не спонтанно, а предусматривалось планом. Известно, что Перхуров, посланный Савинковым в Ярославль в конце июня 1918 г., пришел к обнадеживающему выводу, что восстание будет поддержано населением (см.: Ричард Пайпс. Русская революция. Часть вторая. Москва, «РОССПЭН», 1994, с.331).

Приходится удивляться феноменальному провалу памяти, обнаруживаемому нынешними наследниками большевизма. Они упорно не желают вспоминать, что сам «октябрьский переворот» был совершен с использованием денег кайзеровской Германии. Эта тайна семь десятилетий хранилась за «семью печатями». Но стала общезвестной после извлечения из ленинского «секретного» фонда следующего документа на бланке Народного комиссара по иностранным делам, датированного 16 ноября 1917 года:

«Председателю Совета Народных комиссаров.

Согласно резолюции, принятой на совещании народных комиссаров товарищей Ленина, Троцкого, Подвойского, Дыбенко и Володарского, мы произвели следующее:

1. В архиве министерства юстиции из дела об «измене» товарища Ленина, Зиновьева, Козловского, Коллонтай и др. мы изъяли приказ германского имперского банка № 7433 от второго марта 1917 года с разрешением платить деньги тт. Ленину, Зиновьеву, Каменеву, Троцкому, Суменскон, Козловскому и др. за пропаганду мира в России.

2. Были просмотрены все книги банка Ниа в Стокгольме, заключающие счета тт. Ленина, Троцкого, Зиновьева и др., открытые по приказу германского имперского банка № 2754. Книги эти переданы Мюллеру, командированному из Берлина.

Уполномоченные народным комиссаром по иностранным делам Е. Поливанов, Г. Залкинд». (Цитируется по: А.Г. Латышев. Ленин: первоисточники. Москва, «Март», 1996, с.45).

Летом 1917 года Ленин и его ближайшие соратники едва избежали скамьи подсудимых по обвинению в преступных связях с германскими властями. Органы дознания при Временном правительстве подготовили «Дело по обвинению Ленина, Зиновьева и других в государственной измене» с подбором документальных доказательств, размещавшихся в нескольких шкафах.

Имеются и другие свидетельства получения крупных денежных сумм от немецкого правительства в 1917-1918 гг. вождем большевиков через Парвуса и Ганецкого - уполномоченных по финансовым связям партии.

Проблема происхождения большевистских денег и их роли в антибольшевицком сопротивлении обсуждалась среди белого офицерства в качестве само собой разумеющейся темы. Так, один из активных сподвижников Савинкова и Перхурова В.Ф. Клементьев вспоминал: «До середины апреля 1918 года наша организация не имела денежных средств. Ставить работу и развивать ее было не на что. Мне не раз приходилось слышать от сочувствующих нам лиц: «Раз у вас нет крупных денежных средств, нечего воду мутить! Без денег ничего не выйдет. Ленин со своей гоп-компанией никогда бы не захватил власть в России, если бы ему не оказал всемерную помощь деньгами и опытными агитаторами немецкий генеральный штаб» (см.: В.Ф. Клементьев. В большевистской Москве (1918-1920). Москва, Русский путь, 1998, с. 160).

Коммунисты считают незазорными любые союзы с «классовым врагом», но объявляют «врагами народа» всех, кто делает это вопреки воле партии.

Французы действительно давали деньги Савинкову на борьбу с большевиками, но это вовсе не свидетельствует о том, что они участвовали в разработке его конкретных планов и в Ярославском восстании как таковом (см.: Ричард Пайпс. Русская революция. Часть вторая., с.327-331).

В современной историографии нередки попытки дать оценку восстанию, безотносительно к тому, против какого режима власти выступили восставшие. Так профессор ЯрГУ В.П. Федюк сослался на документ, обнаруженный им в государственном архиве Российской Федерации, из которого следует, что Савинков согласовывал свои действия с генералом Алексеевым. Следовательно, Ярославское восстание было бело-гвардейским.

Но в такой характеристике нет ничего, из того, что нуждается в осуждении, ибо Белая гвардия, как мы все более осознаем, вовсе не стремилась к восстановлению «власти помещиков, буржуазии и черносотенного духовенства», не преследовала каких-либо частных или классовых целей, а сражалась в развязанной не ею гражданской войне за идею спасения России и ее тысячелетних православных ценностей (см.: «За Россию», №4 (336), 1997, с. 6-7).

Но никто не пытался в этой дискуссии охарактеризовать большевистский режим, каким он сложился к середине 1918 года.

Этот режим был не легитимным, возникшим в результате насильственного переворота, осуществленного по-военному организованной партией профессиональных революционеров. Режим не санкционированный народом и сразу же принявший форму однопартийной диктатуры над народом, основанной на массовом терроре. По ленинской логике подмены понятий, диктатура пролетариата обернулась диктатурой партии, а та в свою очередь диктатурой партийных олигархов, или «вождей», по ленинскому определению. Этот режим был диктаторским, основанным на политической монополии одной партии, прикрытой «прозрачной маской советской власти» (см. Франсуа Фюре. Прошлое одной иллюзии. Пер. с франц. Москва, 1998, с. 109).

У большевиков была возможность пойти по пути легитимации власти, опираясь на поддержку Учредительного собрания, избранного впервые в истории страны на основе всеобщего, прямого, равного избирательного права и тайного голосования. Кстати, сам Ульянов (Ленин) баллотировался в депутаты Учредительного собрания сразу от двух округов, беспокоясь, получит ли он право на один или два мандата (см.: Д. Штурман. О вождах российского коммунизма. Книга 1. Москва, «Русский путь», 1993, с.80).

Но большевики, получив на выборах лишь 24 процента голосов, в январе 1918 года разгоняют Учредительное собрание, расстреляв многотысячную демонстрацию питерских рабочих, студентов, чиновников и представителей творческой интеллигенции, выступивших в его поддержку. Всего через два месяца после октябрьского переворота питерские рабочие заплатили кровью за попытку мирного волеизъявления. Депутат Учредительного собрания, один из основателей партии социалистов-революционеров А.А. Аргунов писал в эти дни, находясь в казематах Петропавловской крепости, что с приходом к власти большевиков взамен свергнутого самодержавия Россия получила «штыкодержавие», в котором «царит злоба, ненависть, самосуд и штык»... (см.: История России. Советское общество 1917-1991. М., «Тerra», 1997, С.99-100).

Уже на второй день после октябрьского переворота большевицкий Совнарком принимает Декрет о печати, согласно которому по малейшему подозрению в инакомыслии закрываются газеты и журналы. Для наблюдения за прессой учреждаются «специальные комиссариаты» с широкими полномочиями по ведению расследований и передаче дел в следственные комиссии и революционные трибуналы.

Уже 28 ноября 1917 года Ленин подписывает Декрет об аресте вождей гражданской войны против революции, которым вводится понятие «врагов народа», подлежащих «аресту и преданию суду революционных трибуналов». Вечером этого же дня на квартире графини Паниной, где проходило заседание ЦК кадетской партии, проводятся аресты. Среди арестованных и препровожденных в Петропавловскую крепость - несколько «неприкасаемых» - депутатов Учредительного собрания. Двоих из них, Ф.Ф. Кокошкина и А.И. Шингарева, переведенных по состоянию здоровья из Трубецкого бастиона в Мариинскую тюремную больницу, зверски убивают ворвавшиеся в больничные корпус матросы и красногвардейцы.

Красное колесо политических репрессий накатывается на правых (кадеты) и на левых (меньшевики и эсеры). Главная роль в «очистке земли российской от всяких вредных насекомых, от блох-жуликов, от клопов и прочее и прочее», как писал Ленин в записках декабря 1917 года, не предназначенных к печати, отводится ВЧК - Всероссийской чрезвычайной Комиссии при СНК по борьбе с контрреволюцией и саботажем под председательством «железного Феликса», определяющего задачи своей организации в борьбе с врагами советской власти и нового образа жизни. Только по сообщениям печати, в первые семь месяцев 1918 года в ЧК казнили более 2 тысяч человек. В ночь с 16 на 17 июля в Екатеринбурге в подвале особняка Ипатово отряд чекистов без следствия и суда расстрелял царя Николая II и всю его семью. Трупы жгут и травят серной кислотой, а в Москву Ленину и Свердлову идет телеграмма: «Царь казнен..., семья ... укрыта в надежном месте».

Не случайно даже самые знаменитые теоретики марксизма Роза Люксембург и Карл Каутский стали первыми критиками большевицкого режима, внушившего им ужас. Так, Каутский в августе 1918 года писал, что большевики, разгнав Учре-

дительное собрание, запретив партии меньшевиков и эсеров, к середине 1918 года установили в России «царство террора».

Гильотина террора опускалась практически над всеми слоями населения, включая самих рабочих, обрекаемых на голод и принудительный труд, крестьян, подвергаемых продовольственному террору в виде расстрельного изъятия «излишков» хлеба, духовенство, непременно «реакционное» и «черносотенное», которое необходимо уничтожать вместе с «реакционной буржуазией» с такой свирепостью, как советовал Ильич в одном из своих секретных циркуляров, «чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать», интеллигенцию, «мнящую себя мозгом нации», а на деле являющуюся «говном» (см: Ленин В.И. ПСС, т.51, с.524).

Практика большевизма ввергла в отчаяние и уныние наиболее чувствительных к бедам народа деятелей российской культуры. Максим Горький в «Несвоевременных мыслях», опубликованных в газете «Новая жизнь» по июль 1918 года, Иван Бунин в «Окаянных днях», являющих собой дневниковые записи января-июня 1918 года, Владимир Короленко в «Письмах к Луначарскому», Леонид Андреев в публицистике этого времени, Илья Эренбург, академик Иван Павлов - все они увидели в большевизме насилие, возведенное в ранг государственной политики. Илья Эренбург, избегавший ссориться с режимом, тем не менее писал в «Киевской жизни» от 5(18) сентября 1919 года: «Большевики разрушили государство, общество, церковь... Возвели в культ гражданскую войну и повседневное убийство... Никогда насилие не культивировалось с такой страстью, как в дни «диктатуры пролетариата» (Цитируется по: «Литературная газета», 8 января 1992 г.). «Фанатики и фантазеры, - писал Горький в одном из своих первых очерков в «Новой жизни», - возбуждая в рабочей массе надежды, не осуществимые..., увлекают русский пролетариат к разгрому и гибели...» (см. М. Горький. Несвоевременные мысли. М., «Современник», 1991, с.81).

Всемирно известный ученый - физиолог Павлов встал в оппозицию к советской власти с первых ее шагов, при жизни Ленина, пытавшегося «приручить» академика, но безуспешно. Павлов стал наиболее жестким критиком коммунистического режима, посчитав его предтечей фашизма и его зеркальным отражением. В декабре 1934 года в открытом письме Председателю СНК СССР Молотову, впервые опубликованном в первом номере «Вестника архива Президента Российской Федерации» за 1995 год, Павлов пишет:

«Вы напрасно верите в мировую пролетарскую революцию... Вы сеете по культурному миру не революцию, а с огромным успехом фашизм. До Вашей революции фашизма не было... То, что Вы делаете, есть, конечно, только эксперимент... Мы жили и живем под неослабевающим режимом террора и насилия... Пощадите же родину и нас».

Логик из Кембриджа, один из самых знаменитых умов Европы Бертран Рассел, посетив Россию в мае-июне 1920 года, добросовестно ознакомившись с жизнью Петрограда, Москвы и сельского Поволжья, с настроениями еще уцелевших представителей левых партий - меньшевиков и эсеров, написал в вышедшей затем книге «Практика и теория большевизма» (Лондон, 1921): «Большевизм приветствуют больше за границей, чем в собственной стране. В России его ненавидят, как тиранию...».

О настроениях в рабочей среде, от имени которой вершилось большевицкое насилие, красноречиво свидетельствует декларация Собрания уполномоченных

фабрик и заводов, состоявшегося в марте 1918 года в Петрограде:

«Мы, петроградские рабочие в большинстве своем приняли переворот, совершенный от нашего имени и без нашего ведома и участия... Но прошло уже 4 месяца, и мы видим нашу веру жестоко посрамленной, наши надежды грубо растоптанными... Советы, не согласные с политикой правительства, бесцеремонно разгоняются... И не раз уже петроградские рабочие слышали из уст представителей новой власти угрозы пулеметами, испытали расстрелы своих собраний и своих манифестаций. Нам обещали хлеб, а на деле дали небывалый голод... Под видом социализма нам дали окончательное разрушение промышленности и расстройством финансов. Нам дали расхищение народного достояния и накопленных капиталов людьми с ненасытным аппетитом. Нам дали царство взяточничества и спекуляции... Профессиональные союзы разрушены. Заводские комитеты не могут нас защитить. Городская дума разогнана. Кооперативам ставят помехи... Где свобода слова, собраний, союзов, печати, мирных манифестаций? Все... раздавлено вооруженной рукой. Мы дошли до позора бессудных расстрелов... Мы требуем... постановления об отставке Совета народных комиссаров» (Цитируется по: Коммунистический режим и народное сопротивление в России 1917-1991. Москва, «Посев», 1998, С.43-44).

Подобные настроения имели широкое распространение и в Ярославской губернии. Они выражались и в открытых формах протеста, что и убедило Перхурова в возможности успеха июльского восстания в Ярославле.

Уже упомянутый нами сподвижник Перхурова В.Ф. Клементьев свидетельствует в своих мемуарах, что «советские власти причисляли Ярославль к разряду ненадежных», почему и «должны были держать здесь верные части». И далее: «Если же большевики располагали в Ярославле достаточными силами, то такую необыкновенную легкость занятия города можно объяснить только тем, что симпатии населения, солдат, рабочих и крестьян были не на стороне советской власти. Да это так и было на самом деле... В момент Ярославского восстания все население, кроме «малочисленной, хотя и квалифицированной коммунистической организации», было против большевиков... Поэтому-то Ярославль так легко был взят, прочно занят, обращен в крепость и в течение 16 дней упорно оборонялся, ожидая помощи от высадившихся в Архангельске союзников...»

Историки-ортодоксы и левые политики тем не менее считают, что Ярославское восстание не имеет никаких оправданий, поскольку явилось вооруженным выступлением против существующей власти. Но, во-первых, за семь месяцев до этого подобный шаг совершили сами большевики. Во-вторых, в условиях большевизма «шттыкодержавия» иного способа борьбы с коммунистическим режимом уже просто не было. И, наконец, в-третьих, это выступление оправдано не только исторически, не только нравственно, но и с политико-правовой точки зрения, поскольку право на восстание против режима, нарушающего права человека предусмотрено в Декларации независимости США (4 июля 1776 г.) и во «Всеобщей декларации прав человека» (3 пункт преамбулы). Таким образом, есть все основания к политико-исторической реабилитации Ярославского восстания вслед за Кронштадтским восстанием, что уже сделано в 1994 году.

Вместе с тем, как нам представляется, не следует менять фигуры на пьедестале «жертв восстания». В поминальной службе нуждаются все убиенные, «белые» и «красные», одинаково вовлеченные в братоубийственную гражданскую войну ленинской партией большевиков.

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ (1918-1920 ГГ.)

Существует две исторические традиции относительно развития событий в России после октября 1917 года:

- а) большевицкая;
- б) антибольшевицкая.

Но в той и другой называется важный исток причин гражданской войны: Октябрь 1917 года. Такой же точки зрения придерживается Русская Православная Церковь.

Важным обстоятельством в этой связи следует считать избрание митрополита Тихона Патриархом Московским и Всея Руси, причисленного к лику святых. Это был антипод кровавому палачу и автору Октября - В.И. Ленину.

Большевицкая традиция считает дату начала Гражданской войны - 23 февраля 1918 г. Белая традиция эту дату сдвигает почти на полгода раньше - 15 ноября 1917 г., когда на Дон прибыл генерал Алексеев, где образуется Добровольческая армия и возникает Белое движение - в основе которого была идея защиты традиционных ценностей русского общества, являющаяся стержнем возрождения Русского национального самосознания.

В дни, когда Красное колесо уже начало свой путь по необъятным просторам Российской империи, в Москве проходил Поместный собор Русской Православной Церкви. Однако, в его Деяниях мы не находим документов свидетельствующих о поддержке Белого движения, ведь оно еще только зарождалось. Но в своем послании в связи с избранием Патриархом Св. Тихон пишет: «Испытание изнурительной войной и гибельная смута терзает Родину Нашу, скорби и от нашествия иноплеменного и междоусобных брани»¹. Так было, когда мученический путь страстотерпца только начался, пока Св. Тихона больше беспокоила смута духовная - кризис веры, чему и посвящена значительная часть Патриаршего послания.

«Находясь в плену марксистских представлений,- пишет Д.В.Поспеловский, согласно которых религия есть не более, чем надстройка над неким материальным базисом, Ленин первое время был всецело убежден в том, что он разом покончит с Церковью одним ударом - попросту лишив ее собственности»². Таковыми были декреты о земле от 8 ноября и земельных комитетах от 17 декабря, где Церковь лишалась прав собственности на землю, а затем и другие документы.

С целью «раскачать» православие - как духовно-идеологическую основу общества, издается Декрет об отделении Церкви от государства от 20 января 1918 года, который вызвал бурю негодования у верующих. Именно в связи с ним «в эти глухие январские дни 1918 года по всей России и в церквях читалось послание Смирненного Тихона... с анафематствованием большевиков»: «ныне же к вам, употребляющим власть на преследование ближних, истребление невинных, простираем мы наши слова утешения: обратитесь не к разрушению, а к устроению порядка и законности, дайте народу желанный и заслуженный им отдых от междоусобной брани. А иначе, взыщется от вас всякая кровь праведная, вами проливаемая, и

от меча погибните сами вы, взявшие меч»³. Строки этого послания неоднократно воспроизводились на плакатах денкинского Отдела пропаганды. Распространение посланий Святейшего Патриарха вместе с программными заявлениями лидеров Белого движения - Колчака и Деникина, создавало впечатление, что Церковь своим осуждением советской власти поддерживает Белое дело, Белую армию.

Под своим «анафематствованием» Св. Тихон, безусловно разумел революционных комиссаров, молодчиков из ЧК, которые оскверняли святыни, расстреливали духовенство, насиловали монахинь. Но результат этих репрессий получился обратный - в стране началось религиозное возрождение.

Любопытно, что в этот день наряду с названным посланием вышел Указ Св. Тихона духовенству о невмешательстве в политику. Так Св. Тихон стремился оградить духовенство от нежелательных для него последствий.

Серьезным событием в жизни России стал Брест-Литовский мирный договор, к которому Св. Патриарх Тихон отнесся отрицательно, что вызвало особую ярость Ленина, однако Св. Тихону было неизвестно, что Брест-Литовский мирный договор с Германией был платой за финансирование Октября Германией. Не осуществив разгром России в первой мировой войне, Германия, используя «красную смуту» осуществила против нее интервенцию. «В принципе никто в германском посольстве, - пишет Р. Пайпс - не желал, чтобы большевики оставались у власти надолго: речь шла о коротком периоде, о времени, пока длится война. Решение этого вопроса осложнялось непоследовательностью кайзера, который то обрушивался на «большевических евреев» и требовал международного крестового похода против них, то говорил о большевиках, как о лучших партнерах Германии»⁴.

От себя добавим: еще бы! Сколько они вывезли хлеба и золота из России!

Осью всех событий 1918 г., не считая Брест-Литовского мирного договора, стало еще три события:

а) Съезд Советов 6 июля и убийство немецкого посла Мирбаха;

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Тихон

б) Июльское вооруженное восстание против большевиков в Ярославле, Костроме, Угличе, Рыбинске и Муроме.;

в) Убийство Царской семьи.

Они происходили на фоне активизации советско-германских отношений, пока большевики верили в победу дружественной им Германии. Когда в Германии рухнула империя и произошла революция, Антанты стала осуществлять свои планы в отношении России. И это имеет непосредственное отношение к восстаниям весной-летом 1918 года, т.к. последние их не поддержали. Что же это за союзники по борьбе с большевизмом!

В 1918 г. Россия праздновала первую годовщину Октября, на которую Св. Патриарх Тихон откликнулся «Посланием к Совету народных комиссаров». Реакция СНК не замедлила себя ждать. 24 ноября на квартире Св. Тихона был произведен обыск, а Св.Тихон был арестован. Вечером 24 декабря, когда большевики поняли, что арестом патриарха Тихона настраивают против себя не только православных подданных, но и иностранные державы, Святейший был освобожден из-под стражи...»⁵.

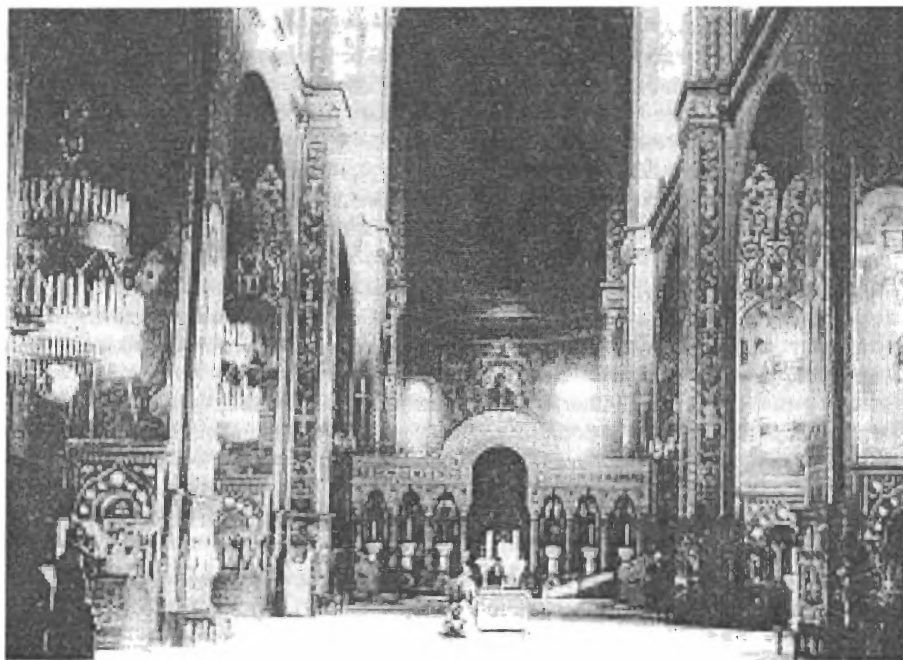
Послания Патриарха от 8 июля и 25 сентября 1919 г., призывали священнослужителей воздерживаться от поддержки той или иной стороны в междоусобной борьбе. Казалось бы, летом-осенью 1919 г., когда белые уже подходили к сердцу России - Москве, Патриарх Тихон мог если не открыто поддержать Белое дело, то, во всяком случае, ожидать скорой победы белых армий. Однако Патриарх, находясь под бдительным контролем ВЧК, призывал к невмешательству Церкви в политическую борьбу: «Помытайте же архипастыри и отцы, и канонические правила и заветы Святых Апостолов:»блюдите себя от творящих распри и раздоры». Уклоняйтесь от участия в политических партиях и выступлениях, повинуйтесь вашему человеческому началству в делах внешних, не подавайте никаких поводов, оправдывающих подозрительность советской власти, подчиняйтесь и ее велениям, поскольку они не противоречат вере и благочестию, ибо Богу, по апостольскому наставлению, должно повиноваться более, чем людям».

Один из активных участников Белого движения на юге России князь Г.Н.Трубецкой в своих воспоминаниях отмечал, что «пастырским посланием, помечен-

Святой мученик Митрополит Ярославский и Ростовский Агафангел (Преображенский). Арестован ГПУ и сослан в Нарымский край в 1922 году.

Принят мученическую кончину и причислен к Лику Святых Мучеников по определению Архиерейского Собора Русской Православной Церкви Заграницей.

Внутренний вид кафедрального Успенского собора в Ярославле (уничтожен большевиками в 1918 году).

ным 25 сентября (днем памяти Преподобного Сергия), Патриарх вменил в обязанность пастырям церкви стоять в стороне от гражданской войны. Я помню как нас, стоявших тогда близко к Добровольческой армии, огорчило это послание Патриарха, но впоследствии я не мог не преклониться перед его мудрой сдержанностью. Всюду, где епископы или священники служили молебны по поводу победоносного продвижения Добровольческой армии, духовенство принуждено было, вслед за тем, разделить участь Белой армии».

Но, несмотря на провозглашенное «невмешательство», православное духовенство не могло остаться в стороне от того, что происходило с Православной Россией. Примечательны в этом отношении факты участия церкви в южнорусском Белом движении.

«В переживаемое нами время каждый должен понять с кем он, - с Добровольческой армией, защитницей Руси Православной, или с безбожной большевицкой властью», - так в сентябре 1919 г. оценивал журнал «Донская христианская мысль» перспективы гражданской войны. «Христианин может принять только ту войну, цели которой могут быть благословлены Церковью», отмечал в одной из своих проповедей протоиерей Валентин Свенцицкий, бывший в 1918-1919 гг. в рядах белой армии на юге России.

Белое дело в период «Ледяного похода» еще не призывало к спасению Русского Православия от советской власти, выдвигая политические цели борьбы «за Учре-

длительное собрание», решение земельного, рабочего вопросов и т.д. Однако, к концу 1918 г. после занятия Северного Кавказа, белое движение стало выступать уже от имени будущей общероссийской власти. Его лидерами признавалось необходимым дать «твердое идеологическое обоснование» своей программе. Православное духовенство юга России к этому времени уже определилось в своей поддержке белой армии. Немалую роль в этом сыграл развернувшийся на Дону, Кубани и Ставрополье «красный террор», массовое закрытие храмов, осквернение святынь, грабежи. В течение 1918 г. священнослужители регулярно совершали торжественные молебны, крестные ходы по случаю побед Добровольческой армии, отпевали погибших бойцов, обращались с призывами о поддержке Белых. На юге в то время находилось свыше 500 бежавших из Советской России представителей духовенства. А протопресвитер военного и морского духовенства в годы первой мировой войны - о. Георгий Шавельский был назначен на ту же должность и в белой армии. Он стал активным сторонником принятия Добровольческой армией «знамени крестоносной борьбы новосоздаваемого Христолюбивого Русского Воинства с большевицкими врагами Церкви и Отечества», фактически по его инициативе в мае 1919 г. был создан «Юго-восточный Церковный Собор», определивший порядок церковного управления на территориях, занятых Вооруженными Силами Юга России (ВСЮР).

Церковная жизнь на юге постепенно восстанавливалась, однако повседневная тяжелая работа требовала верховного окормления. Святейший Патриарх, находясь в Москве, не мог руководить епархиями, отделенными линией фронта. Создавалась реальная угроза, что в отдельных губерниях, казачьих областях вопросы местной церковной жизни будут решаться «самостийно». Созываемый собор должен был учредить статус «высшего церковного управления, объединяющего церковную жизнь нескольких епархий», определить его состав и порядок работы.

Предсоборное совещание, начавшее свою работу в праздник Святой Пасхи 27 апреля 1919 г. в Екатеринодаре, обратилось с просьбой к старейшему на юге России архипастырю - архиепископу Ставропольскому Агафодору созвать Юго-восточный Церковный Собор в Ставрополе в течение ближайшего месяца. Согласно Агафодору вскоре было получено и 19 мая 1919 г., после торжественного молебна, заседания Собора начались.

Сам по себе акт созыва Собора не был санкционирован Святейшим Патриархом Тихоном, однако еще во время работы Всероссийского Поместного Собора (1917-1918 гг.) было признано допустимым осуществление самостоятельного церковного управления в пределах отдельных епархий, как это было сделано по благословению Патриарха и с санкции Высшего Церковного Совета в отношении Украины. Поэтому с канонической точки зрения работа Собора считалась

«воинствующие безбожники за работой»

вполне правомерной. Деятельность создаваемого Управления представлялась временной. По словам выступавшего на Соборе проф. П.В. Верховского «все постановления Собора будут носить временный характер... настоящий Собор является красивым, но не имеющим сепаратного характера, он является вынужденным, исключительным и будет блюсти каноны и церковные правила...» Несмотря на то, что на Соборе участвовали представители лишь пяти кавказских епархий (Ставропольской, Донской, Владикавказской, Сухумско-Черноморской и Бакинской), признавалось, что «Временное Церковное Управление» будет руководить «всеми епархиями уже освобожденных и постепенно освобождаемых» ВСЮР. Члены Собора были уверены в «скорейшем освобождении Святейшего Патриарха», после чего временное разделение Церкви устраняется.

Собор работал с 19 по 23 мая. За это время были утверждены практически все постановления, касающиеся церковной жизни - от организации Высшего Временного Церковного Управления (далее - ВВЦУ) до проектов восстановления приходов. В соответствии с принятым «Положением» Управление признавалось носителем «высшей церковной власти на юге России». По сути ВВЦУ становилось правительственным органом, близким по статусу к другим управлениям деникинского Особого Совещания при Главкоме ВСЮР. Деятельности Православной Церкви на юге России придавалось значение государственной политики. Председателем стал архиепископ донской и новочеркасский Митрофан (Тимошкевич), а в состав ВВЦУ вошел протопресвитер Шавельский. Практически весь аппарат протопресвитера армии и флота стал аппаратом Управления, а его начальник канцелярии И. Махароблидзе, возглавил канцелярию ВВЦУ.

Компетенцию Управления составили «все те дела, которые подлежали ведению и решению возглавляемых Патриархом Священного Синода и Высшего Церковного Совета... в полном соответствии с установленными правилами Всероссийского Поместного Собора». Уравнение в компетенции стало одной из причин последующего разделения Русской Православной Церкви. Однако весной 1919 г. уверенность в неизбежной и скорой победе Белого дела и скорейшем освобождении Патриарха была столь велика, что работа автономного ВВЦУ не воспринималась еще как длительная. Примечательно, что сами руководители Белого движения подчеркивали необходимость активного участия Церкви в борьбе с советской властью. Об этом говорил в своем обращении к Собору Главком ВСЮР ген. Деникин: «...Церковь в плену. Раньше у «приказных», теперь - у большевиков... Необходима борьба. И я от души приветствую Поместный Собор юга России, поднимающий меч духовный против врагов Родины и Церкви...»

«Духовная борьба с большевизмом» признавалась основной в работе восстанавливаемых церковных приходов. Исходя из принятого Московским Поместным Собором приходского устава, создавался приходской отдел при ВВЦУ, вводились должности приходских инструкторов, создавались церковно-приходские советы. Предполагалось не ограничиваться только «упорядочением церковно-приходского хозяйства», но и «объединить приходы на почве всякого рода продовольственной, производственной, кредитной (приходские кооперативы) благотворительной и прочей взаимопомощи». Приход должен был стать также центром духовного возрождения, центром «борьбы с безверием, унынием и беспримерным нравственным падением», для «укрепления любви к Родине и к ее святыням, среди тех, кто в кровавых боях творит свой жертвенный подвиг».

Помимо принятия положений о ВВЦУ, о церковном приходе, собор принял обращения к Верховному Правителю России адмиралу А. В. Колчаку, Всевеликому Войску Донскому, Терскому и Кубанскому казачьим войскам, ко «всем чадам Православной Церкви» и к красноармейцам. В них уже напрямую говорилось о необходимости вооруженной борьбы с советской властью: «все воинства, сражающиеся с большевиками... орудие в руках Божиих... Да укрепит же и да ниспошлет Господь Вседержитель силы на предстоящий бранный подвиг по освобождению не только родного края, но и московских кремлевских святынь...» В то же время Собор ходатайствовал перед Главкомом ВСЮР о «смягчении участи» всех тех, кто «совершил великий грех перед святой Церковью и Родиной, но совершил его по недоразумению». Соборный призыв не остался без внимания и приказом от 13 июня 1919 г. ген. Деникин объявил об амнистии военнопленным красной армии, подчеркнув при этом: «велико должно быть значение мудрого голоса Церкви и в настоящую тяжелую для государства годину, когда во многих местах его, под напором большевизма и низинных страстей, рухнули основы религии, права и порядка...».

Повседневная церковная жизнь на юге России, так или иначе, оказывалась связанной с белой властью, ведь эта власть поддерживала Церковь. Летом-осенью 1919 г. во время победоносного для Белой армии «похода на Москву», почти во всех городах, станицах, селах юга России восстанавливался порядок богослужения, возрождалась приходская жизнь. Труднее налаживалась церковная жизнь в прифронтовых районах. В Киеве, несмотря на постоянно угрозу смены власти, во Владимирском соборе совершались постоянные молебны о «даровании победы Христоробивому Белому воинству», отпевали погибших. В полностью разграбленном Мгарском Спасо-Преображенском монастыре близ г. Лубны уже через неделю после его освобождения начались богослужения. Создавались просветительские общества, подобные «Всероссийскому Братству Святого Креста» в Ростове-на-Дону, Екатеринодаре, Севастополе. Делались попытки формирования специальных воинских частей, с целью «спасения Православной Руси» не только словом, но и делом. «Союз русских национальных общин», возглавляемый ген. Нечволодовым, предполагал назвать эти части - «Легионы Святейшего Патриарха Тихона», но данная идея так и не была реализована.

Многие священнослужители, особенно на Дону и Кубани, участвовали в проповеднической работе в рядах белой армии. Сохранилось большое количество приказов, распоряжений о награждениях священников за «неусыпные труды при исполнении служебных обязанностей», за совершение церковных треб во время «гонений» саном протоиерея и игумена, камилавкой и скуфьею, наперсным крестом на георгиевской ленте, архипастырским благословением от епархиальных советов. В самом Новочеркасске был заложен храм «Освобождения Дона» в честь Чудотворной иконы Божией Матери Аксайской. Дон и Кубань в 1918-1919 гг. были выделены в самостоятельные епархии: Кубанскую (из состава Ставропольской) и Ростовскую и Новочеркасскую (из состава Екатеринославской). С июня 1919 г. в Новочеркасске при епархиальном училище начали работу военно-проповеднические курсы, готовившие пропагандистов для работы на фронте, в запасных частях предполагалось ежегодно готовить до 30 пропагандистов. Во всех полках ВСЮР были восстановлены должности полковых священников.

Отделом пропаганды Особого Сопровождения было опубликовано несколько

различных изданий православной литературы, выходявших в специальной серии «Библиотека добровольца. Духовные советы воину». На страницах журнала «Донская христианская мысль» периодически публиковались «Материалы для проповеди», в которых «особое внимание» уделялось борьбе с «идеями большевизма», в частности с идеями социального равенства, отрицания Бога. Постоянно указывалось, что воевать надо не с красноармейцами, которым необходимо «доброе пастырское наставление и руководство», но с идейными коммунистами и комиссарами.

Таким образом, в 1919-1920 гг. окончательно сформировалась идеология Белого дела, в котором Русскому Православию отводилась ведущая роль. Возрождение традиционных духовных ценностей, основ русской государственности, нравственной свободы, семьи, а самое главное - Веры в Бога - все это присутствовало на страницах политических программ южнорусского Белого движения.

После поражения «похода на Москву» и отступления Белых многие священнослужители вынуждены были оставлять свои приходы, опасаясь репрессий со стороны советской власти, храмы приходили в еще большее запустение. Члены ВВЦУ или уходили «в затвор» в монастыри (как, например, епископ Донской Митрофан, затворившийся в Старочеркасском Ефремовском монастыре), или уходили вместе с отступавшими Белыми армиями. Большинство южнорусских епархий оказались обезглавленными. Россию покинули митрополит киевский Антоний, архиепископ волынский Евлогий, кишиневский Анастасий, курский Феофан, епископ Лубенский Серафим, архиепископ полтавский Феофан, архиепископ таврический Димитрий. Это сделало возможным быстрое распространение на Украине как униатской церкви, пытавшейся насадить здесь свои обряды, так и «обновленцев-живоцерковников». Хотя в 1919 г на Украине не восстанавливалась автокефалия, занятые Добровольческой армией епархии включались в ведение ВВЦУ.

По-особому сложилась судьба Православной Церкви в белом Крыму в 1920 г. Сменивший Деникина на посту Главкома ген. П.Н. Врангель был убежденным сторонником придания православию характера общегосударственной идеологии. Не случайно, в своих воззваниях он постоянно подчеркивал, что белая армия борется за «поруганную веру и оскорбленные ее святыни». В своих воспоминаниях Врангель отмечал, что в 1918-1919 гг. «войсковое духовенство сплошь и рядом было не на высоте. В связи с общей работой по возрождению армии я считал совершенно необходимым... проведение целого ряда мер для повышения нравственного уровня в войсках, в том числе духовно-религиозного воспитания». В этой цели он идет на беспрецедентный шаг, утвердив в должности «епископа армии и флота» (новая должность, заменившая собой протопресвитера армии) епископа Севастопольского Вениамина (Федченкова). Он совмещал тем самым управление своей епархией с руководством армией и флотом, которые теперь также получали статус самостоятельной епархии. Деятельность епископа Вениамина, часто выезжавшего на фронт, посещавшего лазареты, неоднократно выступавшего на торжественных парадах и молебнах, оказывалась более заметной, чем деятельность ВВЦУ, которое постепенно передавало часть своих полномочий (в частности в проповеднической работе) армейскому духовенству. Во главе Управления встал архиепископ таврический Димитрий, а почетным председателем стал будущий глава Русской Зарубежной Церкви митрополит киевский Антоний (Храповицкий).

В белом Крыму священнослужители активно участвовали в боевой жизни Белой армии. Один из офицеров вспоминал, что накануне наступления Белых «кажется, в первый раз за всю гражданскую войну полковые священники были на месте: напутствовали части в бой, хоронили убитых, и жителям напоминали, что пришло Христолюбивое воинство». Управление военным и морским духовенством учредило должности 10 штатных «проповедников» в армии. Праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня (14 сентября) был объявлен Врангелем «Днем Покаяния». А предшествующие дни (12 и 13 сентября 1920 г.) - «днями траура и молитвенной памяти убиенных и в смуте погибших». В эти дни запрещались «всякого рода публичные зрелища и увеселения». Много внимания уделялось совершению массовых праздничных богослужений, молебнов, в частности во время прибытия в Крым Чудотворной Иконы Богородицы Знаменая (Курская Коренная), вывезенной из Коренной пустыни отступавшими из Курска Белыми войсками. В Севастополе, Ялте, Симферополе, и даже вблизи самой линии фронта служились торжественные молебны, проводились крестные ходы. Как и в июне 1919 г. после окончания работы Юго-восточного Собора Врангелем был отдан приказ об амнистии военнопленных красноармейцев. Специальным распоряжением для них были изготовлены нательные кресты.

Незадолго до эвакуации из Крыма в октябре 1920 г, по представлению епископа Вениамина предполагалось ввести новые должности - корпусных благочинных. Тем самым, иерархия военного духовенства приобрела бы законченный вид, объединив всех священников епархиального управления армии и флота.

Гражданская война... Казалось бы должна остановиться церковная жизнь, не нужной станет проповедь любви и милосердия к ближнему. Но в это трагическое для нашего Отечества время Русская Православная Церковь не осталась в стороне от происходящего. Более того, в это время гораздо острее, напряженнее стала чувствоваться необходимость пастырского наставления, нравственной помощи русским людям.

¹ Послание Святейшего Патриарха Тихона о вступлении на Патриарший престол, ... 18(31) 12. 1917 - Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти 1917-1943, М., 1994. С.70.

² Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С.49.

³ Вострышев М. Патриарх Тихон. «ЖЗЛ», М, 1995. С.88.

⁴ Пайпс Р. Русская революция. В 2-х тт., т.2., М., 1994, с.312.

⁵ Вострышев М. Указ. Соч. С.129.

ИДЕОЛОГИЯ ЯРОСЛАВСКОГО ВОССТАНИЯ

В истории каждого города есть свои звездные часы. Одним из таких решающих, поистине судьбоносных моментов в жизни Ярославля стало антикоммунистическое восстание в июле 1918 года. В нем приняли участие многие ярославцы, поддержавшие почин офицерских организаций и «Союза защиты Родины и свободы» Б. Савинкова.¹

Эти дни стали моментом духовного, политического самоопределения. И такое самоопределение не могло не принять идеологическую форму. Иными словами, по необходимости самосознание участников восстания отливалось в завершенные формулы, было вынесено как тезис, как лозунг, как программное условие деятельности, борьбы.

До последнего времени анализ идеологии Ярославского восстания зачастую подменялся не критичной трансляцией давно сложившихся на сей счет предрассудков. В исследовательской литературе использовался набор стереотипов, еще в 1920-е годы введенный в оборот ярославским истпартом. Он был практически воспроизведен позднее в посвященных июльским событиям книгах Л.Б. Генкина и Р.В. Балашова.² Скажем, нередко восстание называли «эсеровским мятежом», безуспешно пытаясь нащупать его связь с начавшимся одновременно восстанием левых эсеров в Москве, спровоцированным большевиками. Встречаешь и мнение о намерении восставших в Ярославле реставрировать дофевральский монархический строй. Особого внимания взглядам восставших советские авторы не уделяли. Это и неудивительно, ведь историки советского времени делали акцент на связях восстания с планами «интервенции» (т.е. военной помощи союзников антикоммунистическому сопротивлению в России) и на процессе подавления движения

Были и более точные, хотя совершенно не развернутые, к тому же оформленные в духе эпохи суждения и сведения. В 1924 году очевидцы восстания С. Дмитриев и Н. Первухин фиксировали, что «многоцветная платформа «союза защиты», призывавшая под национальный флаг все внебольшевицкие группировки, объединила в составе перхуровских вооруженных сил, кроме (...) денежной группы (т.е. купцов и промышленников - Е.Е.), в большинстве настроенной монархически, и представителей кадетствующей интеллигенции, также преимущественно молодежь из местных гимназий и других учебных заведений, а также Демидовского лицея», учащиеся которого неоднократно и прежде «выносили на своих общестуденческих собраниях протесты против насилий, чинимых большевиками над демократией».³

Лишь в недавнее время появились первые серьезные попытки анализа ситуации в восставшем городе, полного и объективного осмысления идеологии восставших. Они опираются на освоение полного комплекса доступных документов восстания. Были введены в научный оборот новые материалы и актуализированы давно опубликованные документы, долгое время остававшиеся вне научного осмысления. Важный вклад в решение этой задачи внес старший научный сотрудник Государственного

Толгский монастырь (один из центров восставших в Ярославском уезде)

архива Ярославской области, кандидат исторических наук В.Н. Козляков.⁴ В 1992 году он писал о полной неизученности агитационной деятельности штаба Добровольческой армии в Ярославле. С тех пор ситуация несколько улучшилась. Однако специально вопрос об идейной платформе восстания так и не был поставлен.

В настоящей работе мы не будем говорить о реальных или гипотетических взглядах участников восстания, воздержимся и от реконструкции идей, которые не получили прямого выражения в дни восстания. Основное внимание будет уделено публичному идеологическому оснащению восстания в течение тех шестнадцати дней, когда центр Ярославля находился в руках восставших. Нас интересует то, как формулировали восставшие свои идеалы, цели и задачи сами для себя и для всех россиян. Поэтому основным источником будут листовки восставших. По подсчетам В.Н. Козлякова с 6 по 19 июля было издано 27 листовок, большинство их приходится на первую неделю событий. Штаб восстания выпускал разножанровые листовки с обращениями к гражданам города, информировал о записи добровольцев, воссоздании городской управы и т.п.. Нами привлекаются также мемуарные свидетельства.

Концентрация событий в ходе восстания не давала места для идеологических дискуссий. Представители самых разных партий (кадеты, правые эсеры, меньшевики), профсоюзов, сторонники различных взглядов на будущее России объединились в эти дни, и произошла стихийно выработка общей платформы, платформы общественного согласия. Объединение усилий совершалось небеспроблемно, но вполне последовательно. В формулировании идеологической платформы восстания участвовало как военное руководство (А.П. Перхуров, И.А. Вревкин, П.П. Карпов), так и гражданское управление, составленное в основном из местных земских деятелей разной политической ориентации (кадеты А.М. Кизнер, В.С. Лопатин, И.П. Горелов, Н.И. Соболев, меньшевики И.Т. Савинов, П.А. Богданов-Хорошев, Б.В. Дюшен, Ф.Д. Мешковский, эсер Н.А. Мамырин), которые объединились для решения насущных задач. Ведущую роль в составлении листовок восставших играло гражданское управление.⁵ Можно предположить, что в подготовке этих документов участвовали и другие вовлеченные в восстание лица, скажем преподаватель ярославского Демидовского лицея, известный впоследствии министр в правительстве А.В. Колчака, а потом сменовеховец Ю.В. Ключников, а также меньшевик Х.И. Иоффе (губернский комиссар труда при Временном правительстве) и др.

Красноречив появившийся в первый день восстания программный плакат: «Да здравствует свободная Россия. Долой большевиков. Да здравствует Учредительное собрание».⁶ Здесь, по сути, суммированы основные идеи восставших, представлено самое лаконичное их общественно-политическое кредо. Более полное обоснование генеральной цели восставших дано в воззвании штаба Северной Добровольческой армии к жителям города Ярославля, появившемся в первый день восстания, в субботу 6 июля 1918 года. Граждане Ярославля призываются к участию в деле спасения «нашей родины и нашего народа от позора, рабства и голода». Здесь идет речь о «установлении форм широкого государственного народоуправства»: «Народное собрание, законно и в нормальных условиях избранное, должно создать основы государственного строя, установить политическую и гражданскую свободу и на точном основании закона закрепить за трудовым крестьянством всю землю в его полную собственность».⁷

Таким образом, восставшие с самого начала отказались от планов реставрации монархического строя, заявив о себе как о непредрешенцах. Такого рода платформа, разумеется, не была изобретением ярославцев. Это на тот момент практически общее кредо антибольшевизмского белого движения в стране, определившее как его силу, так и его слабость. С одной стороны, непредрешенство означало стремление не к прошлому, а к будущему, к более совершенным формам общественного устройства, к «строительству новой свободной и великой России»⁸ (как формулировалось в обращении ярославского отряда Северной Добровольческой армии и городской управы). Это могло служить объединению всех, кто непредубежденно искал для России лучшего будущего. С другой - это стремление не отливалось в предельно конкретную, наглядную и всем понятную программу социального устройства.

Формы новой российской государственности, по этой логике, должно было ввести вновь избранное учредительное (народное) собрание. Речь в ярославском воззвании, отметим, не шла об Учредительном собрании, избранном в конце 1917 года и разогнанном большевиками, поскольку условия его формирования были, очевидно, далеки от «нормальных».

В формулировке цели восстания в Ярославле обращают на себя внимание два акцента. Первый из них - необходимость политической и гражданской свободы. Она была остро осознана и прочувствована на фоне того деспотического произвола, который с самого начала характеризовал власть большевиков. Второй акцент - передача крестьянам земли в полную собственность на основе закона. К тому моменту, как известно, земля была социализирована как «общенародное достояние» и передана крестьянам «на началах уравнительного землепользования» (согласно Декрету о земле, принятому Вторым Всероссийским съездом Советов 26 октября 1917 года, чья правомочность восставшими не признавалась). В ярославской формуле речь идет не об общенародности земельного фонда, не о его «социализации», а о праве *полной* собственности крестьянина на землю и о *законных* гарантиях этой собственности.

Далее в воззвании говорилось о водворении «строгого законного порядка», как «самой первой мере». Можно было бы задаться вопросом об источнике новой законности. В городе приказом А.П. Перхурова от 8 июля была восстановлена деятельность городского самоуправления «на основах Закона Временного Правительства 1917 г.».⁹ 13 июля своим постановлением А.П. Перхуров для «воссоздания

законности, порядка и общественного спокойствия», упразднив все органы «Советской власти» и отменив все ее декреты и постановления, восстановил «органы власти и должностных лиц, существовавших по действовавшим законам до октябрьского переворота 1917 года» (с некоторыми коррективами).¹⁰

Произведенные коррективы дали повод советскому историку Р.В. Балашову считать, что это было движение «по пути реставрации старых порядков. Были отменены не только все декреты Советской власти, но и постановления Временного правительства. В губернии и уездах, согласно постановлению, восстанавливались земства, земские и городские управы, в волостях - власть волостных старшин. Восстанавливался также старый суд и полиция (...) программа Перхурова - это программа полной реставрации старого строя с помещиками и урядниками, капиталистами и околоточными». ¹¹ Представляется, что постановление не может быть интерпретировано столь прямолинейно. Многие предусмотренные в нем меры, отступавшие от дооктябрьской практики, были вынужденными, они были продиктованы специфической сложившейся к тому времени ситуации, прежде всего условиями военных действий, а в частности - отсутствием самого Временного правительства как такового, со всеми производными от него институциями. В этой связи и казалось, очевидно, более оправданным возвращение к исторической традиции посредством устранения анархии, ставшей следствием непродуманных реформ. Это влекло за собой сокращение звеньев низовой представительской демократии, оказавшейся неэффективной в экстремальных условиях войны и подступавшей разрухи.

Характерно, что собравшийся в дни Ярославского восстания в столице белой Сибири Омске съезд «представителей торговли, промышленности и домовладения Сибири и Урала» гораздо более решительно, чем авторы ярославских документов, констатировал, что «в общественных государственно-ответственных слоях населения намечалась глубокая тоска по твердому и властному государственному управлению (...) вылившаяся в итоге в мысль о необходимости диктатуры как временного управления, руководимого в своих действиях соображениями целесообразности, не связанного никакими тормозами общественного контроля, быстро и решительно в проявлениях правительственной воли и поэтому единственно способного к установлению прочного порядка в стране, к завершению вместе с союзниками мировой войны и к созыву Всероссийского Учредительного собрания, но в условиях уже упорядоченной внутренне и мирной извне жизни России», в «политической мысли русского народа» «обнаруживается, что приемы управления и устройство власти по образцу Временного правительства бесспорно изжиты и ни в коем случае не могут быть воскрешаемы». ¹² (Демократические процедуры и механизмы были энергично редуцированы и в лагере красных.)

Следует учесть, что документ А.П. Перхурова регламентировал лишь временный порядок управления в экстремальных условиях и ничуть не противоречил генеральным целям восставших. Весьма загадочно выглядит поэтому фраза Р.В. Балашова: «Интересно то, что о большинстве нововведений не были сделаны даже оговорки, что они вводятся до Учредительного собрания, от имени которого якобы действовала Северная добровольческая армия со своим перхуровским штабом». ¹³ Она заставляет подозревать у А.П. Перхурова чуть ли не бонапартистские замашки, что весьма далеко от истины. Именно те пункты постановления, где А.П. Перхуров устанавливает собственные полномочия и определяет полномочия всех *временно* вводимых органов земского и городского самоуправления, прямо

объявлены действующими лишь «до восстановления общего государственного порядка в пределах государства Российского». ¹⁴ Подобным образом позднее формулировал свои задачи и А.В. Колчак, принимая в ноябре 1918 года всю полноту власти. ¹⁵

В процессе самоутверждения новой власти речь могла идти об организации распорядка жизни, основанного на некоторых важнейших принципах. В воззвании 6 июля они определены: это предотвращение «покушений на личность и частную собственность», отмена «препятствий торговле и передвижению», восстановление в правах «частного торгового капитала».

В дни восстания предпринимались немалые усилия для того, чтобы эти принципы утвердить на практике. В одном из приказов А.П. Перхуров категорически требовал не допускать «самовольных стеснений и ограничений в отношении жителей, поставленных и без того в крайне тяжелое положение». ¹⁶ Сразу были приняты решительные меры для предотвращения самосудов; поэтому количество жертв самосудов оказалось минимальным. В своем объявлении 12 июля А.П. Перхуров и его заместитель, помощник по гражданской части А.М. Кизнер предостерегали от необоснованных арестов и обысков, предупреждая о строгой ответственности виновных: «Приказываю твердо помнить, что мы боремся против насильников за правовой порядок, за принципы свободы и неприкосновенности личности». ¹⁷

Гражданское самоуправление постоянно апеллировало к сознательности граждан Ярославля. Так, объявлялся сбор добровольных пожертвований для потерявших кров и имущество вследствие интенсивного обстрела Ярославля красными. Запись в Добровольческую армию также применялась без применения насилия. ¹⁸ Касательно лишь офицеров мы находим в одном из приказов А.П. Перхурова следующую формулировку: «Офицеры, уклоняющиеся от честного выполнения долга перед Родиной и не принимающие активного участия в борьбе, подвергаются лишения офицерского звания». ¹⁹ В то же время с 10 июля ввиду непрекращающегося обстрела Ярославля была создана независимая от Добровольческой армии городская самооборона для охраны своих домов, «защиты своих очагов» «от вторжений противника и мародеров», причем в условиях военного положения устанавливалось, что «членом самообороны должен быть каждый честный правоспособный гражданин независимо от его общественного положения и национальности». ²⁰ Но и тут не устанавливалось жестких мер против тех, кто захотел бы уклониться от участия в самообороне. Они должны были, согласно инструкции по самообороне, привлекаться «к принудительным общественным работам» ²¹, что на практике едва ли было осуществимо.

Важной составляющей идеологии восстания были религиозные мотивации социальной активности. В обращении ярославского отряда Северной Добровольческой армии и городской управы к гражданам Ярославля 15 июля (когда уже мало оставалось надежд на успех) есть такие фразы: «Перст истории указал на наш город, и нужно верить, что Бог спасет нашу родину в настоящую тяжелую годину (...) Бог да поможет нам и Ярославлю с его святынями и от него пойдут здоровье и сила в тело нашей несчастной родины». ²² Характерно, что ярославское духовенство в первые дни восстания отслужило в Успенском соборе молебен о победе Белого воинства и в целом оказывало моральную поддержку восставшим (за что потом поплатилось, подвергнувшись репрессиям).

Помимо манифестальной части в самосознании восставших были и элементы, не требовавшие ответственного публичного выражения, но принимавшие характер поступков, рядовых высказываний, суждений и т.п. Фиксировать их, к сожалению, не просто. Очень немного таких простых подробностей осталось в памяти или в печатных материалах. Укажем на одно свидетельство. Коммунистка Е. Розанова, которая провела дни восстания в городе,

Разрушенные ярославские храмы.

де, была интернирована и вспоминала потом о «георгиевском кавалере» из конвойных, который «бредил об учредительном собрании, об освобождении России от иностранцев, о восстановлении ее и т.д.». Она же передавала слова арестованного ее офицера, сказавшего ее матери: «Не беспокойтесь, ничего страшного нет: мы не большевики».²³

Трудно сказать, насколько активное участие принимали ярославские крайние правые и члены «Союза русского народа» в восстании. Неясна и судьба их лидера-врача Кацаурова. Но, вероятно, именно на их совести - бессудная расправа над Давидом Закгеймом и Сменом Нахимсоном - двумя единственными коммунистическими руководителями, казненными в утренней неразберихе первого дня восстания. В то же время те, кто подавил восстание, позднее констатировали, что в городе раздавались призывы к еврейским погромам. Однако, погромов не случилось.²⁴ Документы показывают, что в восстании принимали участие представители разных народов России, в том числе и евреи.²⁵

Обстановка восстания оставляла мало места для формулирования внешнеполитической программы восстания. В целом восставшие придерживались здесь традиционной идеи о верности союзническим обязательствам России. Ярославский отряд Добровольческой армии 8 июля объявил себя в состоянии войны с Германией, не признав унизительного Брест-Литовского мира. В тот момент в Ярославле находились 1500 бывших германских военнопленных, которых не успели отправить на родину. Для организации их эвакуации была после подписания мира создана германская Комис-

сия № 4 во главе с лейтенантом К. Балком. В июльские дни восставшие реально не вели никаких военных действий с немцами, поскольку те и не предпринимали попыток вступить в борьбу. Немцы были интернированы и все дни восстания провели в городском театре. 21 июля штаб восставших сдался германской Комиссии.²⁶ В.Н. Козляков полагает, что, пойдя на это, офицеры штаба добровольцев рассчитывали на то, что, став германскими военнопленными, они создадут дипломатический казус для большевиков.²⁷ Он цитирует обнаружившего донесения Балка из Ярославля историка У. Германиса: «Эта идея могла появиться в голове интеллигентного русского офицера, но она была безнадежно далека от реальных условий гражданской войны. Мы можем сказать, что этот шахматный ход имел определенный шарм, но это ничего более, как худший вариант русской рулетки».²⁸ Думается, этот жест в безвыходной ситуации имеет не столь однозначное объяснение. Кроме призрачных юридических резонансов его заставил совершить кодекс офицерской чести, в соответствии с которым сдача «официальному» военному противнику достойнее, чем капитуляция перед той властью, которую восставшие не признавали. В этом смысле участники восстания были идеологически последовательны. (Но это был драматический и парадоксальный выбор, который, конечно, не мог довести до добра. После резкого разноса со стороны одного из руководителей подавления восстания Ю.С. Гузарского К. Балк счел за благо выдать красным членов штаба восстания, которые были поголовно расстреляны в 2 часа дня 21 июля 1918 года у стен городского кладбища, откуда и началось восстание).

Ярославское восстание закончилось поражением восставших. Однако, оно имеет важный исторический и духовный смысл. Это исключительный пример антикоммунистического самоопределения граждан России (в масштабе города). Значение Ярославского восстания связано с утверждением силой общественной гражданской инициативы в обстоятельствах, менее всего к тому располагавших, идеалов народоправства, законности и прав личности - путем уничтожения деспотического режима и преодоления партийных разногласий, достижения разумного консенсуса. Именно на такой основе предполагали участники Ярославского восстания строить новую Россию.²⁹ Эта транскрипция белой идеи сохраняет значение и по сию пору, как завет для современных и будущих реформаторов.

¹ Обоснование этого факта см. в: Козляков В. «Служба эта была для России...»// Волга. 1993. №3. Впрочем его охотно признавали и раннесоветские авторы, напр.: Королев В. Под властью белых.//Ярославский сборник, посвященный годовщине Великой октябрьской революции и июльским событиям в Ярославле. Ярославль, 1918. С. 61; Малинин Д. У белых под пятой.// Шестнадцать дней. Материалы по истории ярославского белогвардейского мятежа (6-21 июля 1918 г.). Ярославль, 1924. С. 60-62.

² См.: Ярославский сборник, посвященный годовщине Великой октябрьской революции и июльским событиям в Ярославле. Ярославль, 1918; Из истории ярославского белогвардейского мятежа (6-22 июля 1918 года). Сборник 2. Ярославль, 1922; Шестнадцать дней. Материалы по истории ярославского белогвардейского мятежа (6-21 июля 1918 г.). Ярославль, 1924; Генкин Л.Б. Ярославские рабочие в годы гражданской войны и интервенции. Ярославль, 1958; Балашов Р.В. Пламя над Волгой (Ликвидация белогвардейского мятежа в Ярославле летом 1918 года). Ярославль, 1984.

³ Дмитриев С., Первухин Н. Шестнадцать дней.//Октябрь. Историко-революционные экскурсии. М.;Л., 1924. С. 44.

4 Козляков В.Н. 1) «Граждане! Теперь вам всем ясно, кто такие большевики...» (Листовки Ярославского восстания 1918 года) // Ярославская старина. Из архива русской провинции. Ярославль, 1992; 2) «Служба эта была для России...» // Волга. 1993. №3; 3) Новые источники по истории гражданской войны в России (Документы Ярославского восстания 1918 года) // Ярославская старина. 1997. №4. См. также: Ермолин Е., Козляков В. Русская Герника // Золотое кольцо (Ярославль), 4 июля 1992; Ермолин Е. Они хотели спасти Россию // Золотое кольцо (Ярославль), 15 июля 1994.

5 Козляков В. Н. «Граждане! Теперь вам всем ясно...» С. 42.

6 Малинин Д. У белых под пятой... С. 65, 67.

7 Здесь и далее цит. По: Козляков В.Н. «Граждане! Теперь вам всем ясно...» С. 43

8 К населению города Ярославля // Козляков В.Н. «Граждане! Теперь вам всем ясно...»

9 Цит. По: Козляков В.Н. «Граждане! Теперь вам всем ясно...» С. 44

10 Постановление Главнокомандующего Ярославской губернии, командующего вооруженными силами Северной Добровольческой армии ярославского района // Козляков В.Н. «Граждане! Теперь вам всем ясно...» С. 49-50.

11 Балашов Р.В. Пламя над Волгой... С 51-52.

12 Цит. По: История России, 1917-1940. Хрестоматия. Екатеринбург, 1993. С.101-102.

13 Балашов Р.В. Пламя над Волгой... С. 51.

14 Постановление Главнокомандующего Ярославской губернии, командующего вооруженными силами Северной Добровольческой армии ярославского района // Козляков В.Н. «Граждане! Теперь вам всем ясно...» С. 50.

15 В обращении Верховного Правителя к населению мы находим следующую программу деятельности: «Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевиками и становление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру» (цит. По: История России, 1917-1940... С. 106.)

16 Приказ №12. По ярославскому району Северной Добровольческой армии // Козляков В.Н. «Граждане! Теперь вам всем ясно...» С. 48.

17 Листовки Ярославского восстания 1918 года (новые поступления в Ярославский музей-заповедник из архива КГБ). Публикация Е. А. Ершова // Ярославская старина. 1994. №1. С. 57.

18 См.: Приказ №9 о сборе войск Добровольческой армии. Приказ №10 по ярославскому району Северной Добровольческой армии // Козляков В.Н. «Граждане! Теперь вам всем ясно...» С. 45-46.

19 Цит. По: Козляков В.Н. «Граждане! Теперь вам всем ясно...» С. 46.

20 Городская самооборона. Приказ квартальным Комитета по г. Ярославлю №7 // Козляков В.Н. «Граждане! Теперь вам всем ясно...» С.47.

21 Листовки Ярославского восстания 1918 года (новые поступления в Ярославский музей-заповедник из архива КГБ) // Ярославская старина. 1994. №1. С.55.

22 К населению города Ярославля // Козляков В.Н. «Граждане! Теперь вам всем ясно...» С.50.

23 Розанова Е. Воспоминания коммунистки // Из истории ярославского белогвардейского мятежа... Сб.2. Ярославль, 1922. С. 44, 42.

24 Красная книга ВЧК. Т.1. М., 1989. С. 163.

25 Архив ЯФСБ. Историческая коллекция. Ф.22. Оп.1. Д.1-8; Д.10. Л.2, 2 об.; Д.11; Д.12. Л.268-293, 308-331; Д.13. Л.261-276.

26 См. обращение К. Балка к гражданскому населению Ярославля: Архив ЯФСБ. Историческая коллекция. Ф.22. Оп.1. Д.15. Л.111.

27 Козляков В.Н. Новые документы по истории Ярославского восстания 1918 года (в печати).

28 *Germanis U.* Some observations on the Yaroslavl Revolt in July 1918 // *Journal of Baltic Studies.* 1973. Vol.4. №3. D. 241.

29 « Об актуальности подобных идей в более позднее время см.: Каграманов Ю. Белая идея на пороге XXI века // *Континент.* №78. С. 191 -205.

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ ЯРОСЛАВСКОГО ВОССТАНИЯ 1918 ГОДА (К ВЫХОДУ В СВЕТ СБОРНИКА МАТЕРИАЛОВ)

Приступая к своему сообщению, сделаю две существенные оговорки.

По сути, этот обзор новых документов представляет собой презентацию книги документов и материалов по истории Ярославского восстания. Появление этого сборника стало возможно благодаря Вячеславу Николаевичу Козлякову, еще в 1991 году ставшему «возмутителем спокойствия» в среде ярославских историков, впервые заговорившего о необходимости пересмотра старых оценок «мятежа». И по сей день продолжая активно исследовать восстание, именно им, в составе общественной исследовательской группы, возглавляемой Ю. Б. Марковиным под эгидой общества «Мемориал», проделана основная работа по выявлению подготовленных к публикации документов.

«Ярославский мятеж» - одна из тех страниц гражданской войны, известность которых сегодня основана на ввевшихся в память общества идеологических клише, а отнюдь не на знакомстве с документами и беспристрастными исследованиями историков. Такой подход к теме восстания, конечно, малопродуктивен, он основан не на стремлении понять и осмыслить ярославскую трагедию 1918 года во всем ее объеме, а лишь на сиюминутном желании сфокусировать на теме свои политические пристрастия и амбиции.

Сборник документов и материалов о Ярославском восстании как раз и есть та первая попытка дать читателю и исследователю в новом объеме вновь выявленные источники, существование которых традиционно либо замалчивалось историками темы, либо они были засекречены. Эти подлинные тексты документов должны помочь в устранении существовавших в прошлом идеологических и нравственных перекосов, при которых во внимание принималась только одна «правда» - победителей.

Документы сборника можно условно разделить по их происхождению на две большие группы: во-первых, на те, которые возникли в лагере восставших, в том числе воспоминания уцелевших участников и очевидцев восстания; и, во-вторых, на источники, появившиеся в результате действий большевистских властей по подавлению восстания и затем при судебном преследовании его участников (в основном, из фонда ЧК).

Раздел «В осажденном городе» впервые полно представляет подборку листовок Ярославского восстания, выпускавшихся штабом отряда Добровольческой армии и гражданским управлением при штабе, городской управой и торгово-промышленным союзом. Ранее они уже составили две публикации: первая (1992 г.) В. Н. Козлякова - материалов из собрания ГАЯО, и вторая - Е. А. Ершова, из переданных после появления первой публикации в Ярославский музей-заповедник материалов из архива ФСБ. Общее число этих документов теперь составляет 27 листовок, выходявших с 6 по 19 июля 1918 года в осажденном Ярославле.

Эти листовки дают ясную картину относительно намерений и действий восставших, раскрывают порядок записи в отряд Добровольческой армии, размеры денежного содержания участников восстания, не оставляя места утверждениям о бесконтрольном разграблении денег штабом добровольцев, что нередко вменялось им в вину советскими историками.

До того, как эти документы стали известны в полном объеме, практически не упоминалось о работе в осажденном городе возрожденной городской управы, квартальных комитетов самообороны, пешей милиции. Некоторые из выявленных в ярославском бывшем партийном архиве также представлены в этом разделе. Красноречивы документы, показывающие, как городская управа под руководством ее головы В.С. Лопатина брала на себя заботу о погорельцах во время восстания. Несмотря на отрывочный характер обнаруженных документов, их значение трудно переоценить, так как они представляют уникальное свидетельство о деятельности управы в дни восстания.

Другие документы, связанные своим происхождением с деятельностью восставших, относятся к организации штаба и управления в дни восстания. Прежде всего это две тетради из архива ярославского ФСБ, в которых полностью расписан состав штаба, указаны имена людей, возглавлявших его структурные подразделения.

В этом же разделе сборника будет представлен и список заключенных на так называемой «барже смерти». В нем 82 фамилии. Он снимает долго существовавший миф о 200 и более здесь заключенных. Список был составлен 14 июля 1918 года судебным следователем и адресован коменданту города для того, чтобы по нему были переведены из плавучей тюрьмы в город перечисленные в документе люди и зачислены содержанием за военным судом.

В разделе сборника «**Подавление восстания**» представлены телеграммы и записи разговоров по прямому проводу с военно-оперативным отделом Наркомата обороны, документы военно-революционного комитета Северных железных дорог, оперативные сводки, приказы и распоряжения Чрезвычайного штаба Ярославского фронта и коменданта Ярославского железнодорожного узла. Многие из этих документов из центральных архивов (Российского Центра Хранения Документов Новейшей Истории, Российского Государственного Военного Архива). Все эти материалы позволяют теперь в полном объеме реконструировать источники происхождения и характер информации о ярославских событиях, бывшей в распоряжении большевистского руководства. Более того, именно из этих документов становится яснее масштаб и характер репрессий против участников восстания. Чего стоит заявление командующего красными войсками в Ярославле Ю. Гузарского, требовавшего от Москвы 16 июля 1918 г. присылки химических и зажигательных снарядов: «Если не удастся ликвидировать дело иначе, придется срыть город до основания».

Вторая часть сборника будет документально раскрывать события, последовавшие сразу после восстания и, прежде всего, конечно, связанные с репрессиями против участников восстания. Открывает этот блок следственное дело городского головы в дни восстания В. С. Лопатина, расстрелянного 26 сентября 1918 года. Совсем недавно это рассекреченное дело было передано из архива ФСБ на хранение в ГАЯО. Следует признать, что и на сегодняшний день это одно из немногих доступных для исследователей дел. Сохранившиеся в ФСБ «списки белогвардейцев» с тысячами имен и выявленные по протоколам ЧК и другим источникам «расстрельные» фами-

лии с формулировкой «за участие в белогвардейском мятеже» до сих пор никак документально не обеспечены.

Выявленные в ходе изучения восстания показания начальника одного из боевых участков Н. Н. Вологодского и члена костромской офицерской организации В. Л. Шокальского также войдут в сборник.

Безусловно интересным читателям и исследователям будет дело о выступлении крестьян близлежащей к Ярославлю Диево-Городищенской волости, принявших участие в Ярославском восстании. Оно подтверждает то, что было известно из воспоминаний генерала К. Гоппера: крестьяне в большинстве своем хотели не воевать в городе, а просили оружие для защиты своих сел и деревень. Многие крестьяне, кто на велосипедах, кто пешком добрались до Ярославля, но большую часть времени провели в бесконечных прениях в «Доме народа», поддерживать или нет начавшееся восстание. В итоге, это было сочтено серьезным основанием для расстрела крестьян села Диево-Городище.

Безусловный интерес на страницах книги представляют протоколы допросов потенциальных с точки зрения ЧК участников Ярославского восстания и свидетелей по их делам. Эти материалы доступны в копиях в архиве ФСБ. Из нескольких десятков таких дел в качестве примера приводятся три: показания Николая Петровича Дружинина, бывшего редактора ярославской газеты «Голос», все дни восстания просидевшего с семьей в подвале своего дома, а затем проведенного несколько месяцев под следствием; показания жителей Ярославля А.И. Слежинской и Г.И. Комина, кого голод привел в июльские дни в штаб Перхурова. Вскрытый факт работы Слежинской в штабе Добровольческой армии, где она была задействована в выдаче на паек селедки, стоил ей концентрационного лагеря, где она пробыла с мая по декабрь 1919 года.

Особое значение имеет стенограмма суда над Перхуровым, во время которого подробно рассматривалась история организации восстания и его ход с самых первых дней. В показаниях обвиняемого и свидетелей подробно освещены деятельность самого Перхурова и штаба добровольческого отряда, раскрыт состав гражданского управления при штабе, приведены сведения о городском управлении в дни восстания, подробно рассмотрены сюжеты, связанные с организацией обороны города и записи добровольцев (по сведениям штаба восставших их было около шести тысяч человек).

Существенно дополняют перечисленные источники мемуарные свидетельства тех участников восстания и его очевидцев, которым удалось вырваться из осажденного города. К ним относятся воспоминания Бориса Савинкова, Карла Гоппера, артиста Юрия Морфесси. Все они так или иначе уже были известны в литературе, но никогда еще, естественно, не были сведены вместе.

Хотя и здесь у составителей сборника имеется довольно показательное наблюдение, сделанное при подготовке текстов к печати. К примеру, до сих пор текст воспоминаний генерала Карла Гоппера был, в основном, известен по публикации в книге «Начало гражданской войны» (М.:Л: Госиздат, 1926). Как оказалось, составитель этой книги С. А. Алексеев поместил не оригинальный текст, написанный К. Гоппером, а перевод с латышского издания его книги, сделанный достаточно тенденциозно и с сокрытием некоторых неприятных для большевиков деталей в воспоминаниях Гоппера. В предпринимаемом издании текст будет опубликован по русскому оригиналу, вышедшему в свет в неподцензурном большевикам изда-

тельстве в Риге в 1935 г. Курсивом отмечаются те фрагменты текста воспоминаний Гоппера, которые вообще не вошли в советское издание перевода его книги.

Осмысливая позднее то, чему был свидетелем в Ярославле Ю. Морфесси, он писал: «Ярославское восстание — наглядный и поучительный пример того, что могла сделать в борьбе с большевиками маленькая горсточка отважных бойцов, почти без артиллерии 22 дня (здесь он неточен) выдерживавшая осаду громадных красноармейских скопищ, с десятками батарей лёгких и тяжёлых орудий».

Разрушенный Ярославль бомбардировкой красных войск - это особая тема и боль ярославцев. Виды выжженного города впервые будут представлены в большой подборке фотографий, причем еще неизвестных, обнаруженных в январе этого года в Москве в личном архиве профессора МГУ С.С. Дмитриева, ныне покойного, а в ту пору подростка и жителя Ярославля.

В конце сборника будет представлена библиография новейших публикаций по истории Ярославского восстания, свидетельствующая об исследовательском накале интереса к этой теме прежде всего среди ярославских авторов. И хочется надеяться, что обнародование в подготовленной книге многих ранее недоступных документов повысит уровень этих исследований.

Будущее, думается, за теми исследователями истории Ярославского восстания, кто объективно готов принять правду двух противоборствовавших сторон, кто непосредственно обращается к документу, озабочен поисками (и, надо признать, многотрудными, в силу специфики темы) новых материалов в различных архивохранилищах, источниковедчески корректно обращается с той информацией, которую предлагают заведомо «ангажированные» источники (к примеру, протоколы допросов ЧК, многочисленные воспоминания участников подавления сопротивления). Все последующие работы, если они претендуют на серьезный разговор о теме, безусловно, неминуемо должны лежать в источниковедческой плоскости, то есть быть нацеленными на привлечение новых документов и интерпретацию уже выявленных в ходе изучения восстания предшественниками, на критическое осмысление материалов.

Мне же, в заключение, остается выразить надежду, что это исследование, как и подготовленный общественной исследовательской группой сборник документов по истории Ярославского восстания, вскоре придут к читателям. В этом залог успеха дальнейшего изучения темы и утверждения в сознании общества более взвешенного и лишенного, прежде всего, идеологических наростов представления о тех трагических и героических днях Ярославля.

Вышли из печати 1 и 2 номера исторического альманаха

БЕЛАЯ ГВАРДИЯ

Под редакцией В. Ж. Цветкова

97 и 104 страницы, мягкая обложка, цена 35 р. + стоимость
рассылки.

Заказы направлять по адресу:

103031, Москва, К-31, Амосову Ю.К. Тел./Факс (095) 925-9248

РЕЗОЛЮЦИЯ ПО ИТОГАМ РАБОТЫ КОНФЕРЕНЦИИ, ПРИНЯТАЯ ЯРОСЛАВСКИМ ГУБЕРНСКИМ ОБЩЕСТВЕННЫМ СОБРАНИЕМ 23 ИЮЛЯ 1998 Г.

80 лет назад в Ярославле началось антикоммунистическое восстание. Горожане с оружием в руках поднялись против узурпации власти большевиками. 16 дней они боролись с превосходящими силами противника, 16 дней город находился в осаде, подвергался обстрелу зажигательными снарядами и бомбардировкам с воздуха. Восстание было жестоко подавлено. После подавления выступления победители развернули массовые репрессии.

«Ярославский мятеж» - и сегодня, к сожалению, одна из тех страниц гражданской войны, известность которых в массовом сознании основана на вьезшихся в память общества клише, а отнюдь не на знакомстве с документами и беспристрастными исследованиями историков. В настоящее время, однако, происходит пересмотр сложившихся стереотипных взглядов на события, преодолеваются мифы советского времени, в соответствии с которыми восстание выглядело авантюрой в ряду интервенционистских планов стран Антанты. Такому пересмотру способствуют как вновь открывшиеся документы и материалы, так и возможность непредвзято оценить значимость событий. Формируется новый, более соответствующий исторической истине, взгляд на явление.

Отчетливее определяется сущность событий как народного восстания, антикоммунистического движения граждан Ярославля и Ярославской губернии.

Однозначно формулируется идейная платформа восстания, участники которого боролись за уважение прав личности, за реальное народоправство, за возвращение к законности; эта платформа в 1918 году в городе позволила преодолеть межпартийные разногласия и стала основой общественного согласия, единства действий в критических обстоятельствах.

Осмысливаются масштабы утрат, причиненных массированным обстрелом города, применением красными при его штурме тактики выжженной земли.

Открываются новые факты широких и длительных репрессий против участников восстания и тех, кто был заподозрен в принадлежности к восставшим. Репрессии, продолжавшиеся до 40-х годов, так или иначе затронули несколько тысяч человек.

Мы, участники «Круглого стола», посвященного событиям 1918 года в Ярославле, обобщив и осмыслив накопленную новую информацию о восстании, пришли к общему мнению о том, что нельзя, как нам представляется, и дальше оскорблять умолчаниями и искажениями память тех людей, чье законное право на протест против насилия и беззакония большевиков было попрано и оклеветано, кого уничтожили без жалости. Реабилитированные недавно участники «кронштадтского мятежа» и «антоновщины» - крестьянских выступлений в Тамбовской губернии - из того же «антисоветского» ряда, что и ярославские «мятежники».

Все это позволяет нам ставить вопрос о политико-исторической реабилитации этого события, как это было сделано Указом Президента Российской Федерации в отношении Кронштадтского восстания.

Это позволило бы в последующем реабилитировать и всех его участников.

От имени участников «Круглого
стола»:

Б.Н.Колодич - председатель комитета
по гражданским инициативам Ярославско-
го губернского общественного собрания;

Ю.Б.Марковин - председатель комите-
та по правам человека Ярославского губер-
нского общественного собрания, председа-
тель Ярославского областного историко-
правозащитного общества «Мемориал»

ВОСПОМИНИЯ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА А.П. ПЕРХУРОВА'

Глава 1.

Слишком тяжелы были моральные переживания в конце 1917 г., чтобы можно было выразить их словами на бумаге.

Все происходившее казалось настолько сумбурным, настолько не укладывалось в понимание, что являлась потребность отойти в сторону и оглядеться.

Выполнить это было тем проще, что, за упразднением офицерского звания в армии, я как «солдат, достигший 40-летнего возраста», имел право на увольнение от службы.

Поэтому в январе 1918 г. я с соответствующими документами в кармане был уже в дороге, направляясь через Петроград и Москву в Екатеринославскую губернию, куда я перевез свою семью на время войны из Владивостока.

Хотя я сжал по официальным документам как солдат, но остатки офицерской одежды, бывшей на мне, сразу же показывали каждому, что я „солдат из офицеров».

А этого было вполне достаточно, чтобы во многих случаях подвергнуться неприятностям до лишения жизни включительно.

Трудно передать все затруднения, опасности и лишения, которые пришлось испытать в пути, пока я добрался до семьи.

Невесёлую картину застал я дома: большая жена, дочь, лишившаяся места учительницы только потому, что у нее отец-офицер, и маленький сын, ютящийся в одной только комнате. Полное отсутствие денежных средств и сколько-нибудь ценного имущества.

Найти работу бывшему офицеру в маленьком уездном городке почти на линии фронта оказалось невозможным.

Я решил вернуться обратно в Москву, проездом через которую я слышал 'о каких-то рабочих артелях из бывших офицеров, союзах и т. п.

Однако в Москве оказалось, что „бывшему офицеру» трудно найти не только работу, но даже и пристанище. Время шло. Постоянной работы не находилось, остаток денег от дороги приходил к концу,

Положение становилось критическим. Примерно в первых числах марта я встретился со своим знакомым Д. В. Кошелевым, который сказал мне, что в Москву приехал Б.В. Савинков и хочет познакомиться со мной, так как затевает какое-то дело.

Знакомство это меня не привлекало. Эсер, террорист, комиссар в армии при Керенском,- все это не располагало в пользу знакомства.

*Генерал-майор А.П. Перхуров
(одна из последних фотографий).*

Однако через несколько дней, при вторичной встрече с Кошелевым, я решил познакомиться с Б. В. Савинковым. Он произвел на меня самое отрадное впечатление, как человек в высшей степени разумный, энергичный и решительный, любящий Родину.

За первые две-три встречи Б. В. Савинков высказал мне свои взгляды, познакомил с положением дел и набросал мне план намеченной работы. Сущность выказанного сводилась к следующему.

Немцы перешли в наступление, угрожают Петрограду, продвигаются к Москве. Старая армия распушена, - новой силы для противодействия вторжению - нет. В Псковской, Петроградской губерниях крестьяне сами формируются в партизанские отряды для борьбы с немцами, но этого, конечно, мало.

Во-вторых, заключен сепаратный мир, Россия теряет право голоса при заключении мира союзниками, после окончательной победы, в неизбежность которой мы твердо верили.

В-третьих, оставив союзников без своей поддержки, Россия тем самым оттягивает решительный конец войны и вместе с этим затрудняет устройство внутри себя, так как немцы, угрожая своим продвижением, путают все карты.

Следовательно для парализования таких вредных влияний необходимо создать хотя бы небольшую, но надежную и дисциплинированную армию, с которой могли бы считаться и немцы и союзники. Начало такой армии заложено уже на Дону, и крайне выгодно создать то же и на севере России, в районе Москвы и Петрограда.

В основу такого формирования должны поступить офицеры и солдаты старой армии, плюс все те элементы из населения, которым дорога честь и прочное благоденствие России и которые понимают, что решение о внутреннем устройстве России принадлежит всему народу, а не отдельной какой-либо партии или какому-либо одному классу.

Поэтому, кроме желания борьбы с немцами, необходимо еще наличие убеждений в следующих положениях:

1) Необходимость Учредительного собрания, правильно избранного (Учредительное собрание первого созыва считается недействительным).

2) Земля—народу.

3) Преданность интересам всех народностей составляющих Россию. (...)

Я согласился со всем высказанным и изъявил полную готовность работать в этом направлении. Этим было положено начало организации, носившей название «Союза защиты Родины и Свободы».

Глава 2.

Вначале вокруг Савинкова сгруппировалась кучка людей, в состав которой входили полковники Страдецкий, Гейер, Бредке и я, капитаны Клементьев и Осколков, военный врач Григорьев и юнкер Клепиков.

Несколько позднее я познакомился и с журналистом Дикгоф-Деренталь.

Людей было немного, а работы очень много. Поэтому первоначально точного распределения работы и обязанностей между нами не было, и каждый делал то, что нужно было выполнить в данное время.

Сущность работы этого периода (март 1918 г.) сводилась к тому, что мы отыскивали подходящих для организации лиц, знакомили их с задачами Союза и, в случае согласия вступить в Союз, - создавали из них известные единицы формирований.

В основу формирований была положена схема организации командного состава отдельной части соответствующего рода войск.

Каждому согласившемуся вступить в организацию предлагалось набрать себе по возможности не меньше четырех человек, лично ему знакомых и вполне надежных.

Эти пять человек составляли кадр роты, эскадрона и батареи.

Сумевший набрать большее количество людей распределял их по должностям, по своему усмотрению, в зависимости от личных качеств и вместе с тем сам занимал соответственно высшую должность.

Работа была трудная и утомительная. Денежных средств не хватало иногда на пропитание, не говоря уже об извозчиках или трамваях.

Приходилось из - за этого путешествовать при всякой погоде пешком, делая громадные концы.

При этом приходилось вести дело крайне осторожно, чтобы не нарваться не только на провокатора, но даже просто на болтливого человека, не умеющего держать язык за зубами.

С Савинковым мы имели свидания не чаще 1-2 раз в неделю, обыкновенно в какой-нибудь гостинице, адрес которой сообщал нам Клепиков, равно как и время для сбора.

Для получения этих сведений, а также для передачи Б. В. Савинкову наиболее важных донесений, у каждого из нас были назначаемы определенные места и время, где происходили встречи с юнкером Клепиковым, который таким образом поддерживал связь, числясь в то же время адъютантом Савинкова.

Отсутствие денежных средств до крайности затрудняло работу, так как многие из согласившихся вступить в организацию уезжали из Москвы, не имея возможности прокормиться в Москве за свой счет.

Лично мне неоднократно приходилось ночевать на вокзале, так как постоянной квартиры не было, а устраиваться в гостиницах встречалось много затруднений.

Как общее правило было - не посещать друг друга на частных квартирах и даже, по возможности, не знать их адресов.

Местами для встреч и переговоров назначались вокзалы, бульвары и т. п.

В апреле дело несколько улучшилось. Савинкову удалось получить откуда-то первую денежную субсидию, при помощи которой явилась возможность нанять квартиру и в ней вполне легально, через врача Григорьева, открыть, лечебницу для приходящих больных.

Квартира эта была нанята в Молочном пер., д. 12, кв. 7.

Несмотря на то, что эту лечебницу посещали настоящие больные, в ней в то же время фактически работал и штаб организации.

1	9	
2		
3	8	
4	5	7
	6	

1,2,3 - комнаты штаба

4 - кухня

5 - уборная

6 - прихожая

7 - комната штаба

8 - приемная для больных

9 - кабинет доктора

Распределение комнат в квартире и принятые меры делали то, что ни больные, ни даже врачи, приглашенные врачом Григорьевым по специальностям, не могли и подозревать, что они находятся на конспиративной квартире.

Порядок был заведен такой: в квартире в качестве служителя при лечебнице был помещен капитан Клементьев.

По документам он значился демобилизованным солдатом, а по наружности и по добросовестному выполнению обязанностей слуги - подозрений не вызывал.

Когда раздавался звонок в передней, Клементьев отворял дверь и спрашивал у прибывшего: - Вы к доктору? На это должен был следовать ответ: - Да, меня прислал доктор Попов. — Вам прописали массаж? - Нет, электризацию...

Правильно произнесенный диалог указывал, что прибывший свой, и его проводили в одну из комнат 1, 2, 3 или в 7, в зависимости от того, которая была свободна.

Не давший правильной явки проводился в комнату 8, откуда и принимался врачом как действительно больной.

В этом штабе я мог уже более спокойно ночевать, приходя туда незаметно.

С апреля начальником штаба был я, а полковники Страдецкий, Гоппер и капитан Осколков выбыли из Москвы. Первый - для устройства своих дел, а два других - по болезни.

Но состав штаба к этому времени пополнился и представлялся в следующем виде: кроме меня, были начальники отделов:

- 1) иногороднего-врач Григорьев;
- 2) разведки и контрразведки-полковник Бреде,
- 3) сношения с союзниками-Дикгоф-Деренталь;
- 4) конспиративного - В. В. Никитина;
- 5) заведующий пехотным формированием—капитан Пинка;
- 6) кавалерийским - корнет Виленкин;
- 7) артиллерийским-капитан Жуковский;
- 8) инженерным-подполковник Никольский;
- 9) резервным-подполковник Сахаров.

Фактически вся работа штаба выполнялась до самого конца только этими лицами. Приблизительно в середине апреля образовался еще особый отдел, вернее - отряд, под начальством пор. Пирогова. Отряд этот находился в непосредственном распоряжении Б. В. Савинкова и деятельности ни в чем не проявлял. В нем насчитывалось 7-10 человек, так как за неимением в организации оружия и каких-либо запасов и за невозможностью приобрести их и хранить в безопасном месте - роль начальников отделов мобилизационного, оперативного и снабжения сводилась к нулю, и должности эти числились только на бумаге.

Кроме перечисленных выше лиц, допуск в штаб разрешался только вполне надежным и существенно важным для организации лицам, преимущественно из числа приезжающих от организаций других городов, которые примкнули к союзу.

Для встреч со всеми другими лицами по-прежнему служили нейтральные места - кафе, столовые, бульвары, вокзалы и пр.

В этот период завязались отношения с представителями союзных миссий.

Переговоры велись с ними преимущественно Дикгоф-Деренталем и иногда новым.

Союзников сильно заинтересовала возможность возникновения каких-то сил, могущих действовать против немцев со стороны России и тем удержать на этом фронте возможно большее количество немецких сил, которые могли бы быть при других условиях переброшены на Западный фронт и тем затруднить конечный результат войны.

Со своей стороны союзники предлагали помощь, о виде и характере которой и шли переговоры.

Судя по докладам Савинкову Дикгоф-Деренталя, к союзникам обращались за помощью какие-то возникшие раньше нашей, но не смогшие доказать своей жизнеспособности организации. Между прочим, союзники просили нашу организацию доставать им сведения о положении дел в тылу немецких войск, оперирующих на русской территории, и вообще о состоянии и настроении этих войск.

Задача эта была блестяще выполнена под руководством полк. Бреде.

Это заставило союзников понять, что наша организация не дутая, несмотря на полное отсутствие у нее технических средств и малое количество денег.

После этого переговоры с союзниками приняли более определенный характер, тем более, что силы организации выяснились более точно. В Москве насчитывалось до 2000 чел. и в городах вокруг Москвы и по Волге, от Рыбинска до Казани включительно, более 3000.

Штаб организации принял все меры договориться с местами и удержать их от преждевременных выступлений. В результате стали получаться ответы, что сочувствующие движению согласны ждать и выполнять указания штаба, но при условии, если штаб их снабдит оружием.

Наступил май месяц, и положение оказалось очень обостренным: для выступления не было нужных средств, а ждать было опасно, учитывая настроение на местах и то, что 2000-ная организация уже с трудом конспирируется.

Вопрос о возможности выступления в Москве мною был решен отрицательно, и доводы мои были признаны правильными.

Было решено перенести организацию из Москвы в Казань, как более хлебное и спокойное место, откуда легче было бы сношаться с крестьянами верхнего Поволжья. Союзники обещали дать нужную для выполнения этой операции сумму.

Однако обещания этого своевременно они не выполнили и тем поставили нас в критическое положение.

Вследствие случайности, в середине мая произошел провал организации, открыто местонахождение штаба и выяснен его состав. Были выяснены и другие конспиративные, хотя и второстепенного значения квартиры. Произошли аресты.

Связь между различными частями организации нарушились, и дело стало.

Потребовалось много времени, чтобы восстановить связь и выяснить действительные потери.

На это ушло около двух недель.

Наступил июнь.

Глава 3.

В июне переговоры с союзниками приняли такой характер: союзники обещали не только денежную помощь, но и помощь войсками, оружием и техническими средствами. Помощь эта не могла быть большой и должна была явиться через Архангельск.

Основная цель такой поддержки заключалась в том, чтобы поддержать нас на первых порах и дать возможность из подполья сформироваться надлежащим образом.

Такое предложение для нас казалось приемлемым, так как было стремление действовать главным образом своими силами и не давать преобладающего значения иностранным войскам. Оди какая-нибудь бригада союзников доминировать не могла бы, а помощь ее в самом начале выступления припала бы нам громадную пользу.

Однако, французы ставили условием, чтобы сперва обнаружился размер народного движения, а после этого они подадут без излишних задержек помощь своими войсками.

Это условие, в связи с поступающими в штаб донесениями о нетерпении некоторых групп, настаивающих на скорейшем выступлении и снабжении их оружием, было принято. Работа пошла в направлении подготовки к выступлению в районе верхнего Поволжья.

Был намечен в первую очередь ряд городов для окончательной подготовки к выступлению. Города эти были: Рыбинск, Ярославль, Кострома, Нижний Новгород, Ростов Ярославский, Муром. Организацией были посланы в эти города доверенные лица, чтобы проверить не только готовность военных организаций в городах, но и настроения, взгляды и желания населения в уездах.

Посланные привезли в общем благоприятные известия о населении, но зато выяснили, что с организациями Нижнего, Костромы и отчасти Ростова, Ярославля - связь порвалась и найти их не могли.

Сведения о состоянии организации в Ярославле были настолько хороши, что я усомнился в их справедливости. Высказав это Б. В. Савинкову, я получил приказание поехать лично самому в Ярославль и проверить возможно точнее действительное положение дел. Вместе с тем я должен был отвезти в Ярославскую организацию деньги, в которых она испытывала острую нужду.

В десятых числах июня я приехал в Ярославль, отыскал начальника штаба местной организации и приступил к проверке.

Несмотря на уверения, что в организации должно состоять не меньше 300 чел., я в течение 4 или 5 дней не мог добиться более или менее наглядных доказательств существования такого числа людей, как не мог установить вообще существование организации.

Я вернулся в Москву с докладом, так как не имел разрешения оставаться в командировке дольше.

После моего доклада Савинков вновь послал меня в Ярославль, не стесняя сроком, с поручением выяснить во что бы то ни стало.

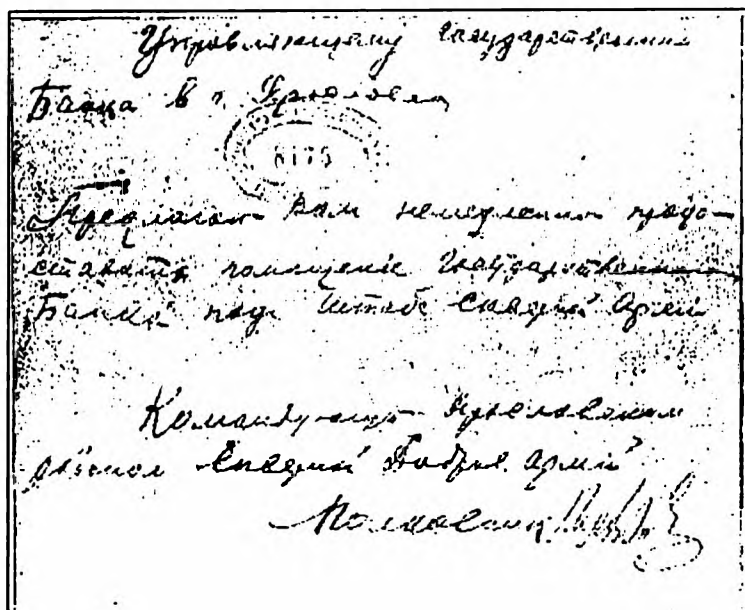
Во второй мой приезд удалось установить, что в Ярославской организации произошел раскол, при чем старый начальник штаба оказался с несколькими членами в одной группе, а все другие, приблизительно человек 200, откололись и образовали новый штаб.

Разбирать причины раскола не было времени, а надо было объединить возможно скорее работу обоих штабов, так как каждый из них имел свои связи, разделение которых останавливало все дело.

Это обстоятельство привело к тому, что я из лица контролирующего-согласно данной мне инструкции-превратился в работника Ярославской организации.

Штаб восставших (здание бывшего городского отделения государственного банка)

Приказ полк. А.П. Перхурова о занятии здания Госбанка под штаб Северной Добровольческой армии

Результатом такой работы получилось то, что мне было заявлено со стороны членов организации, что совместная работа обонх штабов и находящихся в распоряжении каждого из них сил возможна только при условии, если я стану во главе ярославских организаций.

Снесясь с Б. В. Савинковым, я получил от него приказание остаться в Ярославле и руководить всей работой. При этом было указано, что все должно быть готово к 4 июля и выступление во всех намеченных городах должно произойти в ночь с 4 на 5 июля.

Время до назначения срока оставалось немного - дней 10, а работы предстояло еще очень много. Дело осложнялось и тем, что я в Ярославле был впервые, ни города, ни его окрестностей не знал совершенно, и все это нужно было изучить возможно подробнее и точнее.

Затруднение получилось и с квартирами, так как на частной квартире устроиться было нельзя, а в гостиницах не разрешалось жить дольше известного срока, не более, кажется, 3-4 дней.

Кроме работ чисто военного характера, приходилось вести переговоры с представителями местного населения, устанавливать порядок гражданского управления и те меры, которые нужно принять для предупреждения вредных и нежелательных явлений, неизбежных при вооруженных выступлениях.

Характер органов гражданского управления и личный его состав был выработан в Ярославле еще до моего приезда, и мне оставалось только ознакомиться с ним.

Помощником моим по гражданской части был выбран служащий железнодорожных мастерских (Савинов, который приходил ко мне несколько раз то один, то с другими железнодорожниками. Никаких разногласий у нас с ним не получалось, и мы быстро договаривались, вырабатывая постепенно план действий, в зависимости от накопления у меня проверенных сведений.)

Но с военной организацией дело шло хуже. Цифра 200 человек боеспособных членов для первоначальных действий оставалась для меня сомнительной. Количество войск ярославского гарнизона было значительно.

Учитывая, что в нужную минуту выйдут на улицу далеко не все, изъявившие согласие, вероятнее всего не более 1/3 состоящих на учете, я видел, что сил будет совершенно недостаточно.

По моим расчетам, насколько я успел ознакомиться с обстановкой в Ярославле, надо было не меньше 190 чел. Допуская же возможную убыль при первом же столкновении, надо было иметь в запасе процентов 10, всего, следовательно, около 200 человек.

Я сообщил об этом Савинкову, прося выслать возможное число свободных людей из Московской организации. На большую поддержку не рассчитывал, так как появление сразу большого количества новых людей в незнакомом для них городе могло испортить дело, а в вопросе подыскания подходящих помещений для размещения прибывших в городе и около него местным штабом было сделано мало, а вернее - ничего. Помещения намечались, но ни одного нанято не было.

С войсковыми частями гарнизона связи не было, на их поддержку в первый момент мы не рассчитывали и все основывали на их моральном состоянии.

Только один броневой дивизион определенно обещал сразу же выступить вместе с нами, о чем заявил мне начальник его Супонин.

Дня за три до выступления мне удалось связаться с председателем полкового комитета 1-го Советского полка «товарищем Владимиром». Он говорил мне, что полк, в котором насчитывалось около 1000 человек, настроен сочувственно, но

очень боится своей интернациональной роты и поэтому примкнуть к нам сразу не сможет. Но, во всяком случае, он гарантирует полный нейтралитет полка.

Полк этот помещался в здании быв. Ярославского кадетского корпуса, на отлете от других частей гарнизона, расположенных в самом городе. Для обезоружения его требовалось выделение, части наших сил, которая должна была бы действовать далеко от главных сил. Обещанный нейтралитет до известной степени облегчал положение, но уверенность и стойкость нейтралитета была сомнительна.

В конце концов план и порядок наступления вкратце был выработан такой: сборный пункт на кладбище у артиллерийских складов. Караул при складах в день выступления подчинен членам организации, которые и дадут возможность открыть и взять оттуда оружие не только без сопротивления, но и без шума. Вооружившись, люди распределяются по намеченным мною отрядам и идут окружать казармы в городе, учреждения и захватывать городскую телефонную и телеграфную станцию. Задача отрядов, посланных к казармам (в каждом 10-15 чел.), - не позволять обитателям казарм выходить на улицу до прибытия резерва с броневиком и орудием, после чего советским войскам будет предложено сложить оружие.

Для разбора дел был составлен суд из местных юристов, при участии представителей от населения и от военного ведомства.

Для дальнейших действий командный состав распределяется по полкам, согласно выработанной заранее схеме. Полки эти пополняются добровольцами после объявления о добровольной мобилизации населения. Обязательной мобилизации подлежат только офицеры и медицинский персонал. Рабочие железнодорожных мастерских должны подать к артиллерийскому складу вагон, как только раздадутся первые выстрелы. В вагон нагружается оружие и отвозится к ним в депо. Вооружившись, железнодорожники захватывают вокзалы, усиливая высланную группу для первоначального захвата железнодорожного телеграфа; отправляют от себя поезда для порчи пути в обе стороны от Ярославля, а остальные двигаются в город, разоружив по дороге, 1-й Советский полк. Каждому полку был назначен боевой участок, изучать который командный состав должен до выступления. Запас снарядов был очень незначительный, использовать его с первой же минуты мы не могли, за неимением лошадей. Решено было использовать в первую минуту лошадей городского ассенизационного обоза, помещавшегося недалеко от артиллерийских складов.

От Савинкова я получил уведомление (он сам приезжал в Ярославль за 5-7 дней до выступления), что он посылает мне более 200 чел. из Московской военной организации и подтверждает необходимость выступления в ночь на 4- 5 июля.

На мой вопрос: «сколько же времени надо удерживать город до подхода подкрепления и присылки артиллерии и снарядов из Рыбинска», он ответил, что союзники категорически обещали не позже как через 4 дня после начала восстания высадить десант в Архангельске и двинуть его через Вологду на Ярославль. Из Рыбинска помощь будет двинута немедленно. Условия для выступлений в Рыбинске вполне благоприятные и несравненно лучше ярославских. Переговорив с представителями гражданского населения, Савинков уехал из Ярославля.

Примерно с 1 июля в Ярославль стали прибывать члены Московской организации. Прибыло их до 4 июля не более 10 человек. Положение их было тяжелое. Квартир для них не было подготовлено, и им приходилось ночевать в канавах за городом и на берегу Волги, рискуя быть задержанными милицией или патрулями.

В ночь 4-5 июля я назначил выступление. Прибыть на сборный пункт участники должны были к 2 часам ночи.

К этому же времени должен был туда же прибыть и броневой дивизион.

Однако, когда я пришел на сборный пункт и зашел в дежурную комнату артиллерийского склада, то узнал, что дивизион не прибыл и о причинах задержки никому неизвестно.

Бывшие в дежурной комнате человек 10-12 были очень взволнованы и заявили, что дело очевидно проиграно, так как среди кладбища пускают сигнальные ракеты, из чего они заключают о продвижении войск, которые нас окружают. Сколько собралось людей на кладбище, - они не знают.

Послав двух человек на разведку по направлению, где были замечены ракеты, и двух человек для счета собравшихся, мы стали ждать результатов и прибытия броневика.

Лично у меня закрадывалось сильное сомнение в искренности Супонина и возможности с его стороны провокации.

Конечно, об этом говорить вслух не приходилось, дабы не усугубить и без того подавленного от неизвестности настроения собравшихся.

Время шло... Начало светать. О броневике ничего не было слышно, донесений не прибывало.

Уже совсем рассвело, когда пришли с докладом, что собралось всего 70 чел. Это было меньше, чем можно было предположить даже при самых худших условиях.

Однако, причина такого явления до известной степени выяснилась тут же: оказалось, что из-за нераспорядительности штаба не все участники могли быть уведомлены о времени и месте сбора. При этом же выяснилось, что два командира полка в последнюю минуту отказались и вышли из организации.

Последнее обстоятельство сильно осложнило дело, так как мы потеряли двух наиболее опытных в военном деле лиц.

Привязанность к семье оказалась сильнее данного обещания.

При наличии малого числа людей, при отсутствии броневиков и сведений о значении сигналов ракетами - я решил выступление перенести на следующую ночь, исправив за день упущения штаба. Отдав соответствующие приказания, мы стали расходиться. Собравшиеся расходились, как и собирались, по 1-2 человека.

Из разговоров тех, которые меня обгоняли, я понял, что люди страшно возмущены отсрочкой выступления. Были даже такие голоса: „Если и завтра выступления не будет, то уйдем из Ярославля. Быть может, в других местах примут более энергичные и решительные меры».

Впереди меня застучал мотоциклет. Навстречу мчался гардемарин Ермаков, который должен был прибыть вместе с броневиком.

Увидев меня, он остановил мотоцикл и, не обращая внимания, что дело происходит на улице, что уже появляются проснувшиеся жители, подошел ко мне с приложенной к фуражке рукой, громко назвав меня «господином полковником», и стал докладывать о причинах невыхода броневика.

Объяснение было странное и неосновательное, что опять-таки возбудило во мне сомнение в той роли, которой будет держаться дивизион.

Тем не менее, когда Ермаков предложил мне довести до квартиры на мотоцикле, я почувствовал такую усталость, что, забыв о риске путешествия по городу на военном мотоцикле в такой неподходящей одежде, какая была на мне, согласился и поехал.

Мы проехали мимо нескольких спавших на постах милиционеров и часовых и доехали до гимназии Корсунской.

Здесь оказался рабочий, высланный из депо, чтобы узнать, почему в городе тишина. Гимназия Корсуновой была назначена как пункт, куда присылать донесения после начала выступления. Она занимала центральное место в отношении боевых участков. Объяснив происшедшее рабочему и новый срок выступления, я передал Ермакову, чтобы он прислал ко мне на квартиру Супонина, с которым мне хотелось окончательно договориться, чтобы не оставалось сомнений.

Вернулся я в те меблированные комнаты наикось Государственного банка, в которых я жил последнее время и где я уже расплатился с вечера, уходя на сборный пункт под предлогом отъезда из Ярославля.

Объяснив удивленной моим возвращением прислуге, что опоздал на поезд, я прошел в номер и лег отдохнуть.

Глава 4.

Отдыхать пришлось не долго. Рано утром ко мне пришел подполковник Петров с известием, что заменить дежурных в артиллерийском складе своими людьми на сегодняшний день не удалось. Дежурить будут люди, на сочувствие которых рассчитывать нельзя. Следовательно, захват артиллерийских складов безболезненно не пройдет. Обстановка изменялась в худшую сторону во много раз. Я просил подполковника Петрова зайти ко мне еще раз, часам к 12 дня, когда я приглашу еще нескольких лиц, чтобы обсудить положение.

Вскоре после ухода Петрова ко мне явились один за другим два эсера. Один с докладом, что из Москвы прибыло еще 5 человек, которые ждут па вокзале, а другой-посланный Савинковым из Рыбинска, с уведомлением, что в Рыбинске выступление откладывается на несколько дней, а потому надо подождать и в Ярославле.

Я ответил, что ждать не могу, так как некуда девать прибывших людей, а люди вообще против дальнейших промедлений.

Кроме того в городе носятся слухи о прибытии в Ярославль каких-то новых советских частей, поэтому выступать будем обязательно сегодня ночью, если только соберется достаточное количество людей. С этим ответом офицер уехал. К 12 часам, когда собрались приглашенные мною начальники будущих боевых участков, подполковник Петров принес новое известие, что с сегодняшнего дня караул при артиллерийских складах будет усилен почти вдвое. Я подсчитал, что если соберется не меньше 100 человек, то можно дело начать, хотя и с очень большим риском, так как некоторые важные пункты придется первоначально не трогать.

В число таких пунктов пришлось отнести и 1-й Советский полк, положившись на его обещание соблюдать нейтралитет. Если же будет меньше 100 чел., хотя бы 99, - я от выступления в Ярославле отказываюсь и предлагаю желающим направиться на присоединение в Рыбинск. Это решение я высказал на заседании и стал делать перераспределение сил сообразно минимальному числу людей.

На заседании выяснилось, что посланные на разведки установили причину появления ракет: это был домашний фейерверк, который пускали в каком-то садике (видимо, по случаю семейного торжества). Но вместе с тем было получено определенное сведение, что на станции Всполье стоят прибывшие эшелоны с конными советскими частями. Когда будут эшелоны разгружаться - неизвестно.

Я послал начальнику штаба приказание распорядиться принести на сборный

пункт винтовки, которых, по его сведениям, было изготовлено штук 30, но они находились на хранении в разных местах.

Пришедший позднее Супонин оправдывался каким-то недоразумением, что он не привел к назначенному времени свой дивизион, и настойчиво уверял, что сегодня ошибки не произойдет, - дивизион прибудет, как назначено мною, к двум часам ночи, так как сбор остальных людей я назначил на 1 час. Появление дивизиона раньше, чем соберутся люди, было бы неудобно.

Часов в 10 вечера я был в городе и встретил снова Супонина. Взволнованный, он доложил мне, что очевидно в городе известно о готовящемся выступлении, так как он только что слышал разговор между какими-то двумя лицами, что на колокольне церкви поставлены сейчас пулеметы, которые будут стрелять, как только они двинутся.

Кроме того около казарм, где содержатся военнопленные австрийцы и германцы, стоят вооруженные люди; военнопленным, очевидно, выдано оружие, с которым они выступают против нас.

Я сейчас же пошел вместе с ним к указанной колокольне. Осмотрев все, насколько было возможно, я ничего подозрительного не заметил.

Пришли в казармы военнопленных, там стоял только один вооруженный. Ни во дворе, ни в самой казарме не было никаких признаков других вооруженных людей, и там жизнь шла по-видимому совершенно нормально.

Я тогда отдал категорическое приказание Супонину не распространять ложных тревожных слухов, а без отговорок привести дивизион на сборный пункт к 2 часам ночи. Он обещал, и мы расстались. Я зашел к себе в номер, снова расплатился, взял свой дождевой плащ и пошел на сбор. Было около 12 часов, и некоторые кафе еще торговали, Я зашел в одно из них, там поужинал и напился чаю, оттуда пошел дальше.

В городе было повсюду спокойно, и жизнь на улицах шла нормально. Только на пустынных не освещенных улицах на окраине города тянулись редкие одинокие фигуры, движущиеся все по одному направлению к артиллерийским складам. Я обогнал некоторых из них, выйдя за город, засел в канаве между артиллерийским складом и кладбищем. Узнавая кое-кого в темноте, я окликал потихоньку, и вскоре около меня собралось человек 6. А темные фигуры все двигались и двигались мимо.

Из открытых дверей дежурной комнаты пробивался свет, и видно было, что там тоже не спят и ходят люди. Подошел начальник штаба, которого я не видел целый день, так как он был занят оповещением всех для сбора.

Он был, видимо, сильно утомлен и находился в подавленном настроении духа. Он сказал, что оповестил всех, а потому должно собраться людей больше, чем в прошлый раз.

Наконец я пошел на кладбище, чтобы выяснить число собравшихся. Было уже больше часа ночи.

Долго я бродил, отыскивая притаившихся людей, пока не наткнулся на кого-то.

Началась проверка. Оказалось, что налицо 106 человек; кого не хватало - в темноте было трудно определить, тем более, что проверка шла счетом, а не поименно.

Но тут же выяснилось, что ни одной винтовки не принесено с собой. - «Не было приказа». Набралось у всех не более 12 револьверов, разных систем и калибров с очень ограниченным количеством патронов. Решили действовать и с такими средствами.

Люди стали выходить и волной подвигаться на часовых у склада.

В темноте казалось людей гораздо больше, чем было в действительности. Наконец часовой заметил и окликнул: «Кто идет?»... В ответ раздался чей-то веселый уверенный голос: «Свой! Не вздумай чудака стрелять... своих побьешь». Часовой снова спросил: «Да кто такие». В ответ опять: «Да говорят же - свои!» - «Своих не узнаешь.» С такими разговорами люди подвигались на часовых все больше и больше. И когда подошли вплотную, то сказали: «Мы повстанцы, клади винтовки и не бойся. Никто вас не тронет».

Часовые у крайних сараев беспрекословно положили винтовки. Тотчас же были открыты принесенными ключами сараи и стали разбирать оружие. Имевшие при себе револьверы отправились в дежурную комнату и тоже без выстрела и без шума обезоружили дежурных. В это же время назначенные люди перервали телефонные провода в город.

Перед началом движения из кладбища к складу, когда выяснилось, что винтовок у нас нет, я понял, что дело плохо.

Я предложил желающим уйти домой. Желающих не оказалось, и только начальник штаба по моему настоянию согласился и пошел домой.

Я видел, что ему тяжело и физически и морально, как очень немолодому, грузному и семейному человеку, и я не хотел, чтобы он рисковал собой без всякой пользы,

Получив в руки оружие, люди стали действовать энергичнее, и через несколько минут весь склад был в наших руках, без какого-то ни было кровопролития, без выстрела и без шума. Сопrotивления не было оказано никем.

Был уже третий час, а броневики не шли. В сараях шла лихорадочная работа по разбору оружия и снаряжения. Артиллеристы уже вели с ассенизационного двора лошадей, спешно аммуничили их, седлали, запрягали. Лошадей хватило только на 4 запряжки, почему и запрягли только два орудия и два зарядных ящика. Хотя я расставил вокруг склада часовых для наблюдения за дозорами, но душа была неспокойна, так как в сараях перемешались и, забыв всякую осторожность, сильно шумели.

Стоило больших трудов собрать всех, выстроить и вновь пересчитать. Людей оказалось немного больше, так как часть караульных сразу стала на нашу сторону.

Уже сильно светлело, а броневики не шли. Я обратился к построенным людям, высказал им свои сомнения относительно броневиков и предложил на выбор - идти и брать Ярославль или же сразу двинуться на Рыбинск. Ответ был один: «брать Ярославль». Тотчас же были двинуты в город назначенные по плану отряды, почти одновременно с этим прибыл броневой дивизион, но привел его не Супонин, а другой офицер. Куда делся Супонин-неизвестно, но розыски его задержали выступление дивизиона.

Сейчас же был послан на поддержку ушедшим броневик и несколько грузовиков с пулеметами. Остальные остались при складе.

Так как захват склада произошел без выстрела, то рабочие не могли узнать о начале действий и подать вагон под оружие, - как было условлено, поэтому я послал туда мотоциклиста.

В ожидании прибытия вагона и для охраны открытых складов я оставил 15 человек с начальником склада во главе. У них были винтовки, пулеметы, орудия, но я им дал приказание: оставаться до тех пор, пока не будет угрожать опас-

ность им. В последнем же случае они, не ввязываясь в бой для защиты склада, должны идти на присоединение в город. Для быстроты движений им было оставлено два грузовика.

После этого я с оставшимися у меня в виде резерва 30 чел. и двумя орудиями с ящиками и оставшимися двумя легковыми автомобилями двинулся в город к гимназии Корсунской.

Артиллерию я не выслал раньше в силу малочисленности ушедших вперед отрядов. Было совершенно светло, но город еще не начинал просыпаться.

Из города не слышалось ни стрельбы, ни шума. Но только что резерв втянулся в город, с левой стороны из-за забора, окружавшего какой-то пустырь, замелькали головы быстро несущихся всадников.

Я приказал рассыпать стрелковую цепь поперек улицы и снять орудия с передков, но запретил открывать огонь. Стали ждать.

Скоро всадники выскочили из-за пустыря, развернулись лавой и пошли на нас. Мы молчали, цепь лежала неподвижно. Всадники надвигались, их было человек 30. Кто-то не выдержал и выстрелил; один всадник упал с коня, видимо раненый; остальные остановились.

Я немедленно остановил стрельбу и спросил у всадников, кто они такие. Оказалось - конная милиция.

Я в свою очередь объяснил им, кто мы такие, и предложил отдать нам оружие, а после этого или присоединиться к нам, или же идти домой. До гимназии Корсунской они должны доехать с нами, где от них примут лошадей и седла.

Милиционеры сразу согласились, только просили при выдаче им оружия вернуть им те же револьверы, которые они сейчас сдают.

Просьба была уважена, и каждому тут же была выдана записка с номером отобранного револьвера за подписью начальника штаба.

Начальником штаба был назначен полковник Петров. Сданное оружие уложили на автомобиль, на другой уложили раненого и отправили в ближайшую аптеку для первоначальной перевязки (у нас не было ни одного врача, ни одного фельдшера), а оттуда в госпиталь.

До гимназии Корсунской дошли без дальнейших задержек. Там уже сделали донесение, что взяты без выстрела дом Лопатина и др. пункты, занятые советскими войсками и учреждениями, представлявшие для нас наибольшую опасность. Захват города продолжался.

Вскоре раздался один орудийный выстрел, а затем пришло донесение, что стреляли по гостинице Кокуева, после чего находящиеся там сдались. Убитых и раненых ни с одной стороны нет.

Гимназия Корсунской, которую я наметил для занятия штабом, оказалась загроможденной как классной обстановкой, вынесенной из классов в коридоры и на лестницу, так и обстановкой советского учреждения, занимавшего до этого гимназию. Многие комнаты были запорты. Пришлось временно расположиться в сенях.

Скоро сени были переполнены толпой обывателей всех видов и возрастов. Добровольцев записывали.

Тут же они получали оружие и шли на укомплектование полков.

В городе расклеивали воззвания к населению и объявления о добровольной и обязательной мобилизации. Все это было заготовлено заранее, то же было послано в волости.

Часов около 10 утра ко мне явилась депутация от 1-го Советского полка. Прибыл какой-то молодой человек южного типа и еще несколько человек. Выслушав мои объяснения о цели восстания, депутация заявила, что полк будет держать нейтралитет, если мы их не будем разоружать. Но у меня не было в это время и сил, чтобы разоружить полк.

Депутация уехала обратно. К часу дня 1-й Советский полк выступил против нас, преградив рабочим дорогу с вокзала в город.

Пока происходило описанное в городе, у артиллерийских складов разыгралась, приблизительно, следующая картина: вскоре после нашего ухода, на склад со стороны Всполья стала наступать цепь. Оставшаяся при складе команда приготовила пулеметы, но огня не открывала, так как у церкви раздавались крики: «Не стреляй... свои, мы с вами». Когда же цепь подошла вплотную, то бросилась в штыки, переколола всех, кроме двух, которым, хотя и сильно пораненным, удалось ускользнуть и принести известие о гибели команды.

Таким образом от выступления 1-го Советского полка образовался сразу фронт примерно от Туговой горы до артиллерийских складов. Вся часть между вокзалом и Которослью была в руках советских войск. Штаб оказался не в центре, а почти на линии боевых участков этого фронта.

Высылая части для занятия этих участков, я приказал им только обороняться, сдерживая наступление противника, так как части не были пополнены, а для наступления и контратак были слишком слабы. Я рассчитывал подкрепить их несколько позднее, когда прибывшие добровольцы будут приведены в полный порядок. Иначе пришлось бы пустить в дело последний резерв, с которым я пошел в город.

Однако очень скоро я получил донесение, что часть, действовавшая по направлению артиллерийских складов, оттеснила противника, продвинулась вперед и попала в тяжелое положение. Просит поддержки. Я бросил туда резерв.

Сдерживать противника со стороны вокзала помогала наша артиллерия (одно орудие), а действия орудия в направлении на склады были до крайности стеснены, так как приходилось стрелять из города, где мешали стрельбе здания. Из сформированных вновь частей я поспешно заполнял свободные участки, где до тех пор были только наблюдательные посты, и к вечеру образовался фронт вокруг всего города, исключая часть за р. Которослью.

Участок на левом берегу Волги был занят отрядом не больше 200 чел. Ночь прошла в перестрелке и мелких стычках, так как многие участки не выдерживали и переходили в наступление, попадая в результате в тяжелое положение, из которого приходилось выручать высылкой сил из накапливающегося за это время резерва, который я берег для более решительных действий.

Глава 5.

С утра 7 июля бои разгорелись с большей силой, так как за ночь к советским войскам подошли подкрепления и с тех пор прибывали безостановочно.

Железное кольцо охватывало Ярославль все крепче и крепче. Против двух легких орудий в Ярославле с количеством снарядов не более 180 штук на каждое орудие, т. е. всего запаса, которым мы могли располагать, - около 300 трехдюймовых шрапнелей и гранат, - быстро выдвигались новые и новые батареи, преимущественно крупных калибров до шестидюймовых включительно.

Условия для действия артиллерии с обеих сторон были совершенно различны:

насколько удобно было стрелять советской артиллерии из поля в город, настолько же трудно было стрелять из города в поле.

По моему подсчету, против Ярославля работало в конце концов не меньше 10 батарей.

От обстрела этими батареями города начались пожары, которые с каждым днем все усиливались. Положение обороняющихся в горящих кварталах города было крайне затруднительно.

8 июля была получена радиотелеграмма из Рыбинска, в которой сообщалось, что на Рыбинск наступают «чехи» (?) с пулеметами. Рыбинск просит для поддержки выслать из Ярославля броневики.

Из этой радиотелеграммы я понял, что восстание в Рыбинске тоже произошло и, следовательно, можно ожидать оттуда помощь. Уверенность в успехе рыбинского выступления у меня была полная.

Уже на третий день, т. е. 8 июля, было ясно, что штабу оставаться в здании гимназии невозможно. В здание стали залетать не только пули, но и снаряды. Были случаи ранений внутри здания, не говоря уже о таких же случаях при входе в штаб.

На четвертый день к вечеру штаб перешел в помещение Государственного банка. Здесь явились ко мне два француза в форме французских офицеров-летчиков и заявили мне, что они прибыли в Ярославль в качестве квартирмейстеров для тех французских войск, которые должны высаживаться в Архангельске.

Они показали несколько телеграмм за подписью Нуланса и Лаверена. Из телеграмм ничего определенного вывести было нельзя, а на словах офицеры объяснили, что десант будет высажен непременно и нужно ждать прибытия его главных частей со дня на день. На следующий день они просили дать им пропуск через Заволжский участок, чтобы они могли продвигаться навстречу частям десанта и поторопить их прибытие. Пропуск был дан, французы уехали, и больше сведений о них я не имел.

Между тем из волостей стали прибывать крестьяне через Заволжский участок (Тверицы), положение которого в эти дни было более легкое и допускало проход через линию осаждающих с севера.

Крестьяне, по слухам, объявили добровольную мобилизацию, захватывающую и молодые и старые возрасты, насколько помнится - от 21 до 50 лет.

Часть мобилизовавшихся крестьян ушла для занятия пунктов вниз и вверх по Волге от Ярославля, чтобы не пропускать подхода парходов к городу, другая же часть пришла в Ярославль и поступила на усиление и расширение Заволжского участка.

На ст. Уроч или Филино своими средствами был устроен импровизированный броневой поезд, который очень облегчал положение участков на обоих берегах Волги и способствовал удержанию моста через Волгу.

Но через несколько дней положение ухудшилось. Среди крестьян, занимавших Заволжский участок, кто-то пустил провокационный слух, что красные жгут деревни.

В результате крестьяне без всякого предупреждения снялись ночью с позиции и разошлись по домам, чтобы спасти свое имущество.

Позднее я получил известие, что крестьяне, убедившись в целостности своих деревень, вновь собрались в отряды, но пробиться в Ярославль не могли.

После их ухода с позиции в освободившиеся места продвинулись войска красных и сильно потеснили весь участок.

Крестьянские отряды стали действовать, как партизаны, но, не имея руководства и пополнения патронами, большой пользы принести не могли.

Между тем в самом городе продолжались пожары, и город пронизывался снарядами советской артиллерии со всех сторон.

На фронте оставалось фактических бойцов не более 600 человек, так как вследствие окружения города советскими войсками подход каких бы то ни было подкреплений прекратился.

Убыль ранеными и убитыми пополнялась только добровольцами города, которые продолжали понемногу прибывать. Наблюдались случаи, что люди, записавшиеся и получившие оружие, уходили по квартирам, обезличивая участки.

Правда, оставшиеся на позициях держались стойко, но физическое утомление от многодневного, не прекращающегося ни днем, ни ночью боя сильно давало себя знать.

Давая оценки с чисто военной точки зрения, должен сказать, что стойкость и выносливость этих людей была поразительная, превышавшая самые смелые расчеты.

Нельзя не упомянуть о крайне вредных явлениях, наблюдавшихся еще и в германскую войну, но особенно резко сказавшихся на тесной территории осажденного со всех сторон города. Это - шпиономания и прожектерство. Приходилось бороться всеми силами со стремлением некоторых элементов видеть предательство в самых обычных явлениях.

Приходилось выслушивать всевозможные доклады о подозрительных людях, какой-то сигнализации и т. п. и тратить время на доказательства их нелепости.

Не меньше приходилось тратить времени на выслушивание фантастических проектов для скорейшего и вернейшего достижения успеха.

Сказывалось, по-моему, влияние комитетов времен Керенского, когда каждый получал право рассуждать о предметах, в которых он ничего не понимал.

Положение на береговых участках ухудшилось. На правом берегу боевой участок был оттеснен от моста через Волгу и от водокачки, а некоторое время спустя потерпел крушение броневой поезд на левом берегу.

С потерей водокачки город остался без воды, тушение пожаров прекратилось. Боевые запасы в нашем распоряжении оставались только те, которые были в арсенале. Запасов этих было немного, в особенности же трехлинейных патронов, но артиллерии снарядов не было вовсе. Были винтовки старых образцов однозарядные и магазинки были только обр. Витерли. К этим винтовкам запас патронов был значительный, но винтовки Витерли были без штыков.

Поэтому, кажется на 10-й день боевых действий, когда пришлось выдать на фронт винтовки Витерли, чтобы сохранить оставшийся запас трехлинейных патронов для пулеметов, у каждого бойца оказалось 2 винтовки - русская со штыком для штыкового боя и Витерли без штыка, но с патронами для стрельбы.

Из Рыбинска же не было никаких сведений. Выяснить положение дел в Рыбинске по радио не удалось. Посланные туда люди для связи не возвращались.

Не помню, на какой день была перехвачена радиотелеграмма о восстании в Москве; впоследствии оказалось, что это было выступление левых эсеров, но подробностей узнать не удалось. Больше ни откуда никаких сведений не поступало. Мы были отрезаны от всего мира. Я решил пробиться со всеми силами из окружавшего нас в городе кольца и, оставив город, уйти в леса и потом двигаться на восток, к более хлебным районам.

В этом направлении был разработан план перевозки оставшихся запасов и раненых и приступлено к разработке боевой диспозиции.

Но в это время ко мне явились вновь появившиеся в Ярославле Супонин и

гардемарин Ермаков и заявили, что они присланы делегатами от находящихся на фронте, которые не хотят покидать Ярославль.

Я поехал на боевые участки, прозондировал настроение и взгляды бойцов и вынес впечатление, что люди исполняют любой мой приказ.

Вернувшись в штаб, я получил донесение о крайне тяжелом положении Заволжского участка.

Убиты один за другим два начальника этого участка; общее управление нарушено, и противник сильно теснит этот участок. До прочного закрепления вновь на этом участке нельзя было думать о намеченной ранее операции.

Я послал туда полковника Масло с 2-3 десятками людей резерва.

Переправа через Волгу была крайне тяжелая, так как берега и фарватер находились под постоянным ружейным и артиллерийским обстрелом.

На следующий день полковнику Масло удалось остановить нажим противника, но положение все же было серьезное. Начался нажим и на других участках.

Пришлось бросить все резервы и там парализовать нажимы.

Но в это время с Севера вновь стали нажимать подошедшие части противника, в числе которых были латышские стрелки. Я послал туда полк. Гоппера для общего руководства действиями на левом берегу Волги.

Это было, кажется, на 12-й день, а через 2 дня полк. Гоппер доносил, что дольше держаться ему трудно и он оттеснен почти к самой реке.

Я собрал военный совет, объяснил положение на всех участках и то, что патронов у нас хватит по среднему расчету не более, как на неделю. Значит, в этот срок должно быть принято и приведено в исполнение определенное боевое решение, со всеми вытекающими из него последствиями.

На совете присутствовал генерал Карпов, ярославский старожил, пользовавшийся большим авторитетом среди ярославцев. Он предложил перейти исключительно к инженерной обороне, заплестись в городе проволокой, устроить ряд опорных пунктов и держаться в Ярославле, отнюдь не оставляя его.

На мое возражение, что без патронов не поможет никакая проволока, а на подкрепление извне надежды вполне определенной нет, генерал Карпов продолжал настаивать на своей идее. Других предложений никем сделано не было. Только один голос высказался за необходимость выкинуть белый флаг. Остальные же были склонны к мнению генерала Карпова, что Ярославля оставлять нельзя, хотя не знали, каким путем устранить недостаток патронов.

Тогда я высказал свое решение: во что бы то ни стало прорваться частью наших сил через линии обложения. Там соединиться с партизанскими отрядами, которые, по сведениям, были ближе всего к Ярославлю в юго-восточном направлении, и вместе с ними действовать в тыл противника, чтобы заставить его хоть местами отодвинуться от города и тем облегчить положение. Кроме того, при успехе таких действий отбить запас патронов в свою пользу.

Желающим взять на себя выполнение этой задачи я предоставляю право выбрать по своему усмотрению направление для прорыва и способ самого прорыва. Для выполнения задачи могу дать не более 200 чел., чтобы не чрезмерно ослабить остающийся фронт, и все имеющиеся в моем распоряжении средства.

Желающих взять на себя такую задачу не нашлось.

Я высказал вкратце свой план: прорваться на пароходе вверх по Волге. Затем зайти в тыл противнику с севера и действовать для облегчения левобережного участка, положение которого особенно тяжелое.

Последовали возражения, что прорваться на пароходе невозможно, а особенно вверх, так как мост занят красными, а фарватер пристрелян артиллерией, так что не дадут ни одному пароходу сдвинуться с места.

Тогда я сказал, что беру эту задачу на себя. После горячих дебатов пришли к следующему плану.

Для обороны Ярославля остается вместо меня генерал Карпов, которому население очень доверяет. Полк. Гоппер должен продержаться до следующего вечера, т. е. сутки, за это время я должен прорваться и зайти в ближний тыл противнику. При удаче устанавливаю связь с Ярославлем и развиваю действие извне.

Но когда коснулся вопрос числа людей, которые пойдут со мной, генерал Карпов категорически заявил, что он слагает с себя ответственность за судьбу города, если с фронта будет снято не только 200, но даже и 100 человек.

Взвесив всю обстановку, я решил, что могу взяться за исполнение намеченного плана с 50 чел. в надежде, что за линией обложения найдутся новые добровольцы, которые усилят мой отряд. Надо только захватить с собой запас оружия для вооружения новых добровольцев.

Был уже 1 час ночи, до рассвета оставалось не более 3 часов, а за это время надо было собрать людей для отряда из числа находившихся на фронте, сделать все остальные приготовления и успеть проскочить на пароходе под мостом через Волгу в том месте, где фарватер был идеально пристрелян артиллерией красных, а по мосту стояли их караулы.

Глава 6.

Весь расчет успеха зиждился на прикрытии темнотой. Для сбора охотников идти со мной я послал мотоциклистов к начальникам боевых участков, а на дальние от штаба участки послал автомобиль для ускорения доставки оттуда охотников.

В это же время приказал выделить из числа пароходов, подготовленных для общего прорыва, который проектировался раньше, небольшой, но возможно быстроходный пароход и погрузить на него трехдневный запас продовольствия по расчету на 200 чел., а также 100 берданок с патронами, 10.000 трехлинейных патронов, считая в том числе и набитые ленты для пулеметов, 2 пулемета «Максима», один «Лима», несколько разных гранат (в Ярославле их было самое незначительное количество) и запас спасательных кругов, собранных с других пароходов.

С участков стали поступать донесения, что охотников набирается много больше, чем потребовано. Я приказал сделать выбор, хотя бы и жеребьевкой, но прислать только указанное число. Этот выбор вероятно задержал высылку людей.

Был в начале 3-й час, а собралось только 30 чел. с ближайших участков и от штаба. Ждать дольше было нельзя. Я назначил без выбора 20 чел. из числа отдохавших в резерве и с собранными таким образом 50 чел. (я 51-й) отправился на пристань.

В назначенном месте парохода не оказалось, и никто из посланных для приготовления его нас не встретил.

Весь берег обстреливался ружейным огнем вдоль реки. Я оставил отряд за закрытием, разослал несколько человек на розыски парохода, а потом пошел и сам.

Свет начинал брезжить, когда мы нашли пароход. На него было все погружено, но прибывший медицинский персонал из трех человек явился без перевязочных материалов.

Пришлось вновь посылать за материалом и ждать, пока его принесут. За это время капитан парохода, узнав о назначении парохода, распорядился устроить прикрытие на капитанском мостике. Стук топоров и визг пилы разносились далеко и могли привлечь внимание противника. За это же время люди отряда искали лодки, подводили их к пароходу и прицепляли к нему. Из массы лодок нашлось только две не пробитых осколками снарядов или пулями. Совсем рассвело, когда окончились эти приготовления и был принесен перевязочный материал.

Над рекой вился легкий туман, и только на прикрытие им я возлагал надежду.

Осторожно пробрались между стоящими у пристаней судами и, выйдя на открытый фарватер, пошли полным ходом вверх по Волге. Все люди были спрятаны в трюм, на верхней палубе лежал я и еще 2-3 человека. На капитанском мостике, забранном досками, находились капитан и штурвалы.

Самое опасное место для нас было при подходе к мосту. Здесь река была идеально пристреляна несколькими батареями. После прохода под мостом положение сразу улучшилось: попасть в движущуюся цель на непристрелянном пространстве было уже много труднее.

Пароход проскочил благополучно. Я видел фигуру часового, стоявшего на мосту, но он по нас не стрелял. Только с правого берега один какой-то стрелок выпускал пулю за пулей по пароходу, задерживаясь только при перемене обойм.

Пули попадали в различные части парохода, но существенного вреда не принесли.

Поднявшись выше Толгского монастыря к пароходной пристани, мы причалили к левому берегу и высадились при помощи лодок.

На пароходе я оставил небольшую команду с пулеметами впредь до дальнейших распоряжений, а с остальными людьми пошли в ближайшую деревню.

Было уже 8 час. утра, и крестьяне большей частью уже работали в поле. Чтобы собрать сход, потребовалось неожиданно много времени.

Только около 12 часов сход собрался и при том неполный. Собравшиеся заявили, что поддержать сразу большим числом людей не могут, так как надо собрать волостной сход. А на это потребуется времени не меньше, как до следующего дня. Раньше этого времени они начать действия не могут.

Ждать я не мог, так как надо было во что бы то ни стало выручить Заволжский участок, и потому решил двигаться только со своими людьми. Крестьяне пригнали подводы из монастыря и на них уложили привезенные на пароходе оружие и запасы и доставили его в деревню, вместе с оставшейся на пароходе командой.

Здесь крестьяне попросили не оставлять оружия в деревне, опасаясь обысков, а отвезти его в потайное место в лес. Оттуда они разберут оружие завтра.

К нам все-таки присоединилось человек 5 добровольцев, нам дали проводника, который должен был узнать, где будет сложено оружие, и провести к нему крестьян завтра.

Подводы остались монастырские, но возчики были из крестьян, так как «монастырским» они не доверяли.

Мы вышли из деревни с большим опозданием против моего расчета. Пройдя верст 10, мы свернули в лес, сложили и укрыли оружие. Подводы и проводника я вернул обратно.

В лесу мы отдохнули около 1 часа и двинулись дальше по лесным тропинкам, которые хорошо знали двое из присоединившихся к нам добровольцев. За ночь мы должны были дойти до линии железной дороги севернее Уроча и Филино,

успеть отдохнуть, произвести разведку и начать свои действия в направлении на юг по линии железной дороги.

С закатом солнца стал подниматься густой туман, который мешал проводникам ориентироваться.

Около 1 часа ночи выяснилось, что мы заблудились в лесу. Люди утомились до крайности, и многие были в подавленном настроении; оставшись без серьезной поддержки крестьян, мы заночевали в лесу.

Утром солнце взшло, но туман рассеивался медленно. Проводники ушли на розыски нужной нам тропинки, и мы ждали их возвращения. Среди отряда нашлись люди, начавшие доказывать весь риск нашего положения, а некоторые высказывали, что необходимо вернуться пройденной дорогой обратно в Ярославль.

Я напомнил отряду о тяжелом положении Заволжского участка, который ждет нашей помощи. Возвращаться назад невозможно, тем более, что пароход сел на мель и сняться не может. С 50-ю человеками можно сделать в тылу многое.

В конце концов люди решились продолжать задачу. Вскоре вернулись проводники, выяснившие, что мы сильно уклонились на север и что до железной дороги осталось еще 10 верст. Двинулись дальше.

Движение было очень медленное, так как плохо отдохнувшим людям приходилось пробираться сквозь лесную чащу, зачастую по очень болотистой местности, и тащить на руках пулеметы. К тому же запас продовольствия, который мы оставили по дороге в лесу вместе с лишними патронами, не подospel ко времени выступления, и посланные за ним люди не возвращались. На месте отдыха я оставил на видном месте записку, с указанием посланным за продовольствием, куда мы пошли и куда им нести взятое из запасов.

С небольшими остановками мы шли часов до 4 дня, когда проводники сказали, что линия железной дороги должна быть недалеко.

Мы остановились, и я послал 3 дозора, чтобы обследовать происходящее на дороге и местность по ту сторону полотна. Разведав требуемое, дозоры должны остаться для наблюдения за дорогой, и прислать донесения.

Прошло часа 2, а от дозоров донесений не было. До слуха доносился шум проходивших где-то недалеко поездов. Я выслал новый дозор, который вскоре вернулся и доложил, что до линии железной дороги версты 1-1,5, но до нее они не дошли, побоявшись оторваться от отряда. Первых дозоров нигде не видали.

Подведя отряд ближе к полотну, я выслал дозор, чтобы он осмотрел дорогу и местность за ней. Люди замаялись. Тогда я поехал сам вместе с поручиком Березовским.

На полотне все было спокойно. Путевая сторожка виднелась саженьях в 300. За полотном поднимался тоже лес. Перейдя полотно, я выбрал в лесу удобное для отдыха место и перевел туда отряд.

Надвинулись тучи; пошел дождь, сильно стемнело.

Было уже часов 8, когда я приказал отряду собираться, чтобы приблизиться к Заволжскому участку.

Люди стали ссылаться на усталость, которая была несомненна. Чтобы не терять времени даром, я вызвал охотников идти со мной на разведку, пока отряд будет отдыхать. Вышли 4 человека. Впятером мы пошли на юг. Оказалось, что мы все-таки были много севернее, чем предполагали. Пришлось пройти верст 6, пока не подошли к тылу войск, действовавших против Заволжского участка.

Нас поразила сравнительная тишина в этом районе. Артиллерия молчала, ору-

жейная стрельба была редкая. Гул артиллерийских выстрелов и ружейной трескотни доносился, по-видимому, с правого берега.

Попав сперва в какую-то одинокую избушку, а потом пробравшись в село, где по нас было дано несколько выстрелов, мы узнали, что на левом берегу «белых» уже нет. Они ушли вечером. В селе красные войска и есть конница.

Спасаясь от небольшого разезда, показавшегося на дороге, по которой мы пытались продвинуться дальше вперед, мы попали в какое-то болото, поросшее мелким березняком. Пробираясь через него, неожиданно вышли к полотну железной дороги где стоял какой-то эшелон, там разговаривали люди.

Из разговоров мы узнали то же, что нам говорили жители перед этим. Несомненно, мы опоздали с помощью. На рассвете мы вернулись к отряду. Отдохнув немного, я поднял отряд и повел его лесами на восток. Людей у меня осталось меньше, так как не вернулись ни посланные за продуктами, ни вчерашние дозоры.

Попросился уйти и медицинский персонал, так как одежда, а главное обувь не годились для ходьбы по лесам, и я их отпустил.

К вечеру мы опять приблизились к Волге и попали в деревню, где узнали, что отряд крестьян, охранявший Волгу ниже Ярославля, попал в плен. Говорили, что часовые проспали. Кроме того, говорили, что Ярославль занят красными войсками.

На другой день эти слухи подтвердились. Действительно, от Ярославля не доносилось звуков стрельбы, которые перед этим были слышны хорошо.

Тогда я окончательно решил двигаться на восток, предоставив желающим уйти из отряда. При подходе к Костроме у меня было не больше 35 человек. Остановившись под Костромой в верстах 12, я послал 2 человек в город узнать о происшедшем в Ярославле и принести, если возможно, газеты.

Посланные ушли, а на рассвете мы были атакованы кавалерией красных, силой с эскадрон. После небольшой перестрелки нам удалось уйти в болото без потерь. Через это болото, пробираясь в некоторых местах в воде по пояс, мы вышли к деревне, около которой, по условию, должны были ждать посланные в Кострому.

На следующий день они вернулись и принесли проверенные сведения о падении Ярославля.

После этого известия из отряда ушли еще несколько человек, считавших более удобным пробираться на восток по одиночке. Осталось 17 человек. С ними я дошел до первой пристани на Волге ниже Костромы. Здесь я отпустил еще 14 человек. Остались я, пор. Березовский, подполк. Ивановский. Мы купили 4-весельный ялик и на нем поплыли вниз по реке. Вначале мы решили плыть только по ночам, скрываясь днем: в прибрежных кустах. Но в первый же день это пришлось нарушить. Поиски ялика затянулись до вечера, вечером поднялся туман, и не могли найти места, где я ждал с оставшимися вещами.

Только восход солнца помог ориентироваться; и найти меня.

Медлить на месте было опасно, и мы поехали при дневном освещении. Из Костромы Березовский привез 17 фунтов колбасы, хлеба мы купили в каком-то постоялом дворе и к ночи были в Плессе.

Утром купили в городе кое-какие припасы и вещи, - дождались темноты верстах в 6 ниже Плесса, в кустах, и двинулись дальше.

Таким порядком мы плыли до Васильурска. Провизию покупали в приречных поселках, но отдыхали исключительно вдали от жилья, несмотря на очень дождливую погоду и встречный ветер. Из-под Васильурска выехали днем: миновав город,

наткнулись на сторожевые пароходы, стоявшие на фарватере в нескольких верстах. Пароходы эти приказали нам почему-то вернуться в числе других лодок, бывших в то время на реке.

Мы вернулись, но ночью, когда поднялась сильная буря, мы поплыли опять, до рассвета, когда и пристали к берегу для отдыха.

Вблизи оказались рыбаки. Покупая у них рыбу, мы узнали, что ниже есть какое-то село, в котором застава не пропускает ни одной лодки без осмотра.

Действительно, на другом берегу мы видели конный разъезд, который остановил плывшую вниз лодку, а потом куда-то повел ехавших на ней.

Мы решили идти дальше пешком. В мешки взяли только белье и провизию и захватили котелок, остальное и лодку подарили рыбакам.

Пошли мы левым берегом, преимущественно лесными дорогами, держась верстах в 10-15 от Волги, так как карты, у нас этой местности не было и Волга служила в некоторых случаях ориентиром.

Мы хотели пристроиться на какую-нибудь лесную работу вдаль от жилья. В нескольких местах нам отказали, ссылаясь на то, что работы большой и постоянной нет, а для мелкой уже есть нанятые рабочие.

В одном месте мы наткнулись на таких рабочих, занятых укладкой дров и бревен. По виду они были тоже из офицеров. На эту тему разговоров приходилось избегать. По дороге нам говорили, что ближе к Казани в лесах правого берега можно скорей найти работу. Туда мы и решили идти, все же держась пока левого берега.

Вскоре стали носиться слухи, что Казань кем-то захвачена и что красные войска уходят оттуда вверх по Волге.

Действительно, через некоторое время появились войсковые части, шедшие по лесной дороге нам навстречу. Нам пришлось уклониться далеко в сторону и сделать большой круг, чтобы разминуться с ними.

В деревне уже определенно говорили, что Казань захвачена чехами, а в некоторых местах говорили про Уральцев и «деникинцев», которые будто бы уже появились в тех районах, через которые мы проходили. Но мы никого не встречали и шли, не зная в точности, кем захвачена Казань.

Наконец, мы попали в чешскую заставу, которая препроводила нас в штаб полка, откуда в штаб боевого участка. Документов у нас настоящих не было, а те, которые мы имели, вызывали подозрение.

В штабе боевого участка оказался случайно приехавший туда офицер, знавший меня по германской войне, который удостоверил мою личность. Тогда нас накормили, дали подводы, на которых мы и поехали в Казань, где и явились в штаб округа.

Это было в начале сентября. Приведя себя в порядок, мы на другой день явились к командовавшему войсками Северной группы Народной армии капитану Степанову.

Назначения мы сразу не получили, а остались при штабе. В тот же день я неожиданно встретился с Б. В. Савинковым, доктором Григорьевым и Клепиковым. (Клепиков был в тот же день ранен.) В штабе от Савинкова мы узнали, что захват Казани отрядом Степанова, в состав которого входили и чешские части, произошел совершенно неожиданно не только для всех находившихся в Казани, но и для самарского правительства (Комуча), которое приказа о захвате Казани не отдавало.

Несмотря на то, что Комуч далеко не является тем правительством, во имя которого мы работали и бились, все же, в силу сложившейся обстановки, мы подчинились беспрекословно.

«Союз защиты Родины и Свободы» как организация прекратил свое существование.

Следующий день прошел у меня в ходьбе по магазинам для покупки форменной одежды и необходимых вещей. С Савинковым я увиделся только поздно вечером.

Едва он начал рассказывать подробности взятия Казани, о настоящем положении, как меня вызвали к капитану Степанову в штаб. Там я узнал, что правый берег очищен чехами и казанскими частями и оборона переносится на левый берег.

Начальником боевого участка от устья р. Казанки до озера Бакалы назначаются я. В мое распоряжение даются части городского ополчения, которое сейчас особым приказом собирается.

Необходимо занять участок до рассвета, так как у противника командующие высоты и ему легко затруднить продвижение войск днем. Ночь была темная, дождливая. Я выехал на участок с поручиком Березовским, которого взял в качестве адъютанта и как человека беззаветной храбрости. На участке никого не оказалось. Целую ночь мы с Березовским ходили по берегу, отыскивая части, которые, по сведениям штаба, должны были ожидать меня на участке.

Только когда взошло солнце, показались из города первые дружины ополчения. Ни по силам, ни по возрасту, приведенные на участок люди боевой ценности не представляли. Большинство из них впервые держало винтовку в руках, - это была та категория людей, которых капитан Степанов хотел призвать в последнюю минуту и только для непосредственной защиты города.

Не только офицеров, но и унтер-офицеров или отбывших воинскую повинность в строю среди прибывших не было. С большими осложнениями пришлось распределить людей для занятия участка и растолковать их обязанности.

В качестве надежной силы ко мне в течение дня прибыли полроты чехов, 16 человек офицеров, 26 смешанных кавалеристов и несколько офицеров-пулеметчиков. Из 1200-1500 дружинников к следующему утру осталось на участке 900-1000 человек. Много разбежалось после взрыва снарядов от зажженных артиллерией противника пристаней, а многие просто ушли. Убыль ранеными и убитыми, несмотря на крайне неблагоприятную обстановку, в смысле укрытия, местности, была незначительна.

Артиллерии на участке у меня не было. Связи со штабом почти никакой, проводы беспрестанно перебивались снарядами, держать конных офицеров на открытой местности около штаба невозможно, мотоциклистов было мало, и они плохо работали. В такой обстановке находился участок. Положение осложнилось еще более после того, как участок правее моего был сильно оттеснен назад, а наше расположение стало обстреливаться фланговым огнем, и в то же время к нашему участку пытались подойти пароходы, чтобы высадить десант.

В течение всего дня 10 сентября я получал записки от штаба группы, в которых указывалось, что с отходом правого участка «устье» приобретает особое значение для обороны города, и предписывалось держаться во что бы то ни стало. Мы держались.

В ночь с 10 на 11 совершенно неожиданно был получен приказ об оставлении Казани. Накануне заезжал ко мне Савинков и сказал, что в городе расклеены объявления от штаба Северной группы, что Казань сдана не будет.

Приказ получен был мною около 12 часов ночи, тогда как по приказу мы должны были сняться с участка в 11 час., - кроме того приказ был подписан в 6 часов вечера, а у меня имелась записка из того же штаба от 8 часов вечера с приказанием принять все меры для завтрашнего боя.

Все это заставило меня послать в штаб за подтверждением приказа, но вскоре пришла связь, высланная мною на соседний участок, и доложила, что там уже никого нет. На сбор людей потребовалось часа 2. Собранным людям я объявил приказ и предложил желающим идти домой, так как они по приказу Степанова были обязаны выходить только для защиты города.

Со мной пожелали идти 150 человек (чешская полурота была взята с моего участка еще раньше).

В глубокой темноте, без карты, только с одним компасом мы стали пробираться по назначенному маршруту. Ни денег, ни продовольствия, ни подвод у нас не было, утомленным боями людям приходилось тащить в руках запасные патроны и 6 пулеметов. Никаких вещей ни у кого не было, все осталось в городе.

Верстах в 40 мы соединились с остальными частями левой (южной) колонны и нашли штаб группы. На следующий день капитан Степанов, сдав мне командование колонной, уехал со своим штабом дальше, приказав держаться на позиции до ночи, а потом двигаться по остальному маршруту.

Порученная мне колонна состояла из переметавшихся остатков более 20 различных частей Северной группы. Управление ими было крайне затруднительно, тем более, что в мое распоряжение было оставлено только 7 весьма слабых лошадей.

Я воспользовался остатками 2 и 3 Казанских офицерских батальонов и Уржумского отряда, у которых сохранились командиры, хозяйственная часть и обозы, и распределил остальных людей по этим частям.

Получилась Казанская стрелковая бригада из 2 и 3 Казанских и Уржумского полка с легким дивизионом артиллерии.

Все эти части имели правильную организацию, имели отчетность, обозы, кухни и кое-какие запасы продовольствия и обмундирования.

С этой бригадой я прикрывал переправу остальных войск через Каму и деревню Епанчино.

После переправы мы дошли походным порядком до района станции Нурлат Волго-Бугульминской ж. д., где находился штаб капитана Степанова. Здесь в состав Казанской бригады был включен 1-й Казанский стрелковый полк, штабной полуэскадрон и телефонная рота (в полках было от 250-450 штыков, в дивизионе 11 орудий), с остальными войсками и своим штабом капитан Степанов уехал в Новониколаевск.

Казанская же бригада была включена в состав отряда полковника Каппеля, занимавшего район между станцией Нурлат и Симбирском, где происходили мелкие бои с красными войсками.

В первых числах октября полк. Каппель уехал в командировку в Екатеринбург или Пермь, а меня оставил своим заместителем.

Вскоре я получил донесение, что красные войска большими силами наступают от Чистополя на Бугульму. В том районе действовал только конный отряд полковника Нечаева, шашек 140. К нему была послана капитаном Степановым конная батарея, которая, судя по донесению, еще не прибыла. Потеряно под дер. Епанчино в полуэскадроне - 29 шашек, в телеграфной роте 100 человек.

Отряд полк. Нечаева отходит к Бугульме и просит поддержки. Бугульма была у нас в тылу верстах в 200. Охрана железнодорожной линии мне поручена не была.

В Бугульме войск почти не было, и мне они не подчинялись. Кроме Казанской бригады и отряда полковника Нечаева, все казанские части отошли через Ланшев в Уфу, где формировались уфимские части.

В Уфу были переведены и все запасы из Казани. Туда же переехал и Комуч из Самары.

Учитывая, что противник может отрезать нам тыл, так как он находился к Бугульме ближе, чем мы, я распорядился собрать подвижной состав и стал перебрасывать свои войска в Бугульму.

На мое донесение командующему фронтом генералу Чечеку о сложившейся обстановке и принятом мною решении - я получил от него телеграмму, в которой одобрялось мое решение, но указывалось на необходимость удерживать район станции Нурлат.

Выполнить две задачи, имея не более 3000 штыков и 600 шашек при 24 орудиях, я не мог и стал очищать район Нурлата совершенно.

Когда я прибыл с первыми эшелонами в Бугульму, советские войска были в верстах 15-12 от города.

Наступление их сдерживали первый батальон чехов, отряд полковника Нечаева и отряд из остатков Симбирской бригады. Всего на фронте было с приведенными мною первыми эшелонами не более 2000 штыков и 140-200 шашек.

Переброска остальных войск задерживалась недостатком подвижного состава из-за загроможденности путей на ст. Бугульма преимущественно чешскими эшелонами, занятыми их имуществом, мастерскими и пр.

В первые же дни боев выяснилось, что войска противника, наступая с севера, стремятся охватить Бугульму с запада и востока, перерезая линию ж. д.

Уже были случаи порчи пути и обстрела шедших из Нурлата следующих эшелонов.

Разведкой определялось красных войск тысяч 10, т. е. втрое больше бывших на фронте с нашей стороны.

Были критические моменты, когда ушли чехи, не ожидая эшелонов, которые должны были заменить их на фронте, потом ушел Сербский эшелон, охранявший линию ж. д. восточнее Бугульмы. Чехи и сербы получили приказание от своего командования идти в тыл для отдыха и формирования.

Я решил держаться, пока не вывезут из Бугульмы всего, подлежащего эвакуации. Это время совпало с прибытием последних эшелонов из Нурлата. Им пришлось высаживаться под обстрелом. Из-под Бугульмы я двумя форсированными переходами увел свой отряд за р. Ик, чтобы выиграть время для большого отдыха.

Здесь нас встретил полк. Каппель, вернувшийся из командировки. Привезенные известия были неутешительны: между Директорией и Комучем шли серьезные трения. Комуч, принимавший участие в избрании Директории, все же не хотел подчиниться Директории и вел свою политику.

Получилось двоевластие.

Появились даже особые деньги, выпущенные Комучем, которые ходили в районе Уфы, но не принимались в Сибири.

Получилось какое-то раздвоение в армии: мы, находившиеся на фронте, числились Народной армией, а те, которые сформировались в тылу, числились Сибирской армией. В части Народной армии не присылались ни подкрепления, ни снабжение, ни даже деньги, несмотря на то, что в Уфе были склады имущества и продовольствия, вывезенного Народной армией из Казани, Самары и Симбирска.

Комуч и Директория оспаривали друг у друга право распоряжаться этими запасами, а в результате находившиеся на фронте, за спиной которых Комуч чувствовал себя в безопасности, оставались раздетыми.

Положение войск на фронте было настолько тяжелое и ненормальное, что я послал офицера с особым докладом к члену Директории генералу Болдыреву (эсер), прося его объяснить причины такой забывчивости о нуждах находящихся на фронте. Забывчивость эта наводит сомнение в нужности работы войск.

Генерал Болдырев обещал сам приехать на фронт, но пока собирался и ехал— произошёл переворот, и у власти оказался адм. Колчак.

Но во всяком случае за время пребывания ген. Болдырева во главе вооруженных сил Народной армии мы не получили ни пополнения, ни одежды, ни снаряжения. Все это приходилось добывать своими средствами, отдавая из строя для хозяйственных надобностей большее число людей, чем это допускала обстановка. Правда, хлеба, мяса было достаточно, так как денег на покупку еще оставалось из прежних сумм, но не было сахара, крупы, табаку, не было зимнего обмундирования, обуви.

А становилось уже холодно. Бои же начинали разгораться с новой силой. Пополнений мы почти не получали, но в ноябре подошли подкрепления из тыла - батальон Учредительного собрания, польский отряд полк. Румпа и чешские части. В Казанской бригаде едва насчитывалось 1000 бойцов.

После нескольких удачных операций, чехи вновь ушли без предупреждения с фронта, обнажив левый фланг Казанской бригады.

Вновь весь фронт отошел за р. Ик. В это время произошёл переворот в Омске: вместо Директории стал верховным правителем адмирал Колчак.

В декабре я заболел и уехал лечиться в Омск. Там я просил о смене и отводе на отдых Казанской бригады. Вначале февраля 1919 г. весь отряд Каппеля был отведен на переформирование в район Челябинска и Кургана.

В мае не закончив формирования, мы опять были двинуты на фронт. Отряд Каппеля получил название 1-го Волжского корпуса, а входящие в состав его бригады переформированы в стрелковые дивизии: 1 Самарская, 3 Симбирская, 13 Казанская.

Успеху формирования сильно повредил тиф, занесенный пленными красноармейцами, поступившими на укомплектование корпуса. Бои для дивизии начались с Белебея и продолжались до Белорецкого завода, откуда дивизия была снята и отправлена вновь к Челябинску, на отдых и формирование.

Это было в середине июля. Я же в это время был вызван в штаб III Армии в Челябинск, где и получил назначение начальником партизанских отрядов 3-й армии. Фактически же пришлось действовать на фронте с одним только отрядом в составе около 400 шашек. Другие же отряды, носившие почему-то название партизанских, обслуживали линии полевой почты или же были в зачаточном состоянии.

После распада Южной армии началась переформировка казачьих частей, вследствие чего у меня осталась одна сотня и 1 эскадрон. С этим отрядом я был отправлен походным порядком из-под Кустаная в Омск, где и должен был сформировать из этих кадров новый конный отряд.

В Омск отряд прибыл в начале ноября 1919 года и до сдачи Омска не успел пополниться. Отсюда отряду было приказано двинуться для продолжения формирования сперва в Мариинск, потом в Кольвань. Предполагалось, что на Оби встретит армия ген. Попеляева, но он распустил армию по домам до нашего подхода. Во все эти пункты отряд приходил перед самой сдачей, так как приходилось идти все время в арьергарде, севернее Сибирского тракта и ж.-д. линии.

Под Красноярском, где произошло восстание генерала Зиневича под эсеровским флагом, я свернул в числе других войск на север, чтобы избежать разоруже-

ния эсерами. Часть войска пошла в обход Красноярска по р. Кан, а я, получив от командующего армиями генерала Войцеховского, в ведении которого я состоял, приказ пробиваться за Байкал по своему усмотрению, пошел по Енисею до устья Ангары, потом по Ангаре и р. Илим.

Под Илимским нам перерезали путь красные войска. Местность для боя была очень для нас невыгодная. Чтобы избежать боя, я свернул с отрядом в тайгу, держа направление на северную окраину Байкала.

Я рассчитывал отдохнуть в селениях по р. Киренге, чтобы выяснить обстановку, так как доносившиеся до нас слухи о судьбе колчаковской армии и вообще о происходящем были крайне неопределенны и разноречивы. В тайге проводник сбился с дороги, и вместо 4 суток мы проходили 8 суток, пока не вышли к реке Лене у с. Подымахинского.

Здесь нас встретили делегаты от крестьянских красных партизанов, а затем и помощник командующего Ленским фронтом. Это было 11 марта 1920 года. Они предложили мне разоружиться, гарантируя полную неприкосновенность всем людям отряда, и показывали газету об отмене смертной казни. При этом было сказано, что всем желающим будет предоставлена работа и занятие, а с открытием навигации могут быть все отправлены на родину. Меня же лично они все-таки должны будут отправить в Иркутск по начальству. Я согласился на эти условия.

Но в Подымахинском взяли под стражу не только меня, но и всех сдавшихся со мною. Отсюда отправили нас пешком в Иркутск, до которого считалось более 700 верст.

В Иркутск я был привезен в бессознательном состоянии, так как заболел сыпным тифом в дороге.

Едва я пришел в сознание после кризиса, меня отправили в Иркутский военный городок, а оттуда в Челябинск, потом в Миасс, потом опять в Челябинск, потом в Екатеринбург, где меня освободили и дали работу по специальности при штабе Приурво (Приуральского военного округа - прим. сост.).

Через 2-2 1/2 месяца я был вновь арестован и из Екатеринбурга привезен в Москву.

¹ *Перхурова судила в 1923 году Военная коллегия Верховного трибунала; он был расстрелян. Его воспоминания были впервые напечатаны в книге С. и М. Бройде «Ярославский мятеж. По запискам генерала Перхурова». Госюриздат, Москва, 1930.*

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА К. И. ГОППЕРА О ЯРОСЛАВСКОМ ВОССТАНИИ 1918 ГОДА

Воспоминания одного из активных участников ярославских событий генерал-майора Карла Ивановича Гоппера (бывшего командира запасных частей латышских стрелков Российской императорской армии на Северном фронте) показывают особенности подготовки и проведения восстания, военных действий на различных участках городского фронта. Примечательны оценки участия крестьян и рабочих в восстании, отношения горожан к восставшим, а также участия в организации восстания подпольных офицерских центров поволжских городов. Впервые воспоминания К. Гоппера были опубликованы в Риге (Ген. К. Гоппер. Четыре катастрофы. Воспоминания. 1935 г.). События в Ярославле описаны в двух главах этой книги: «Ярославль» и «От Ярославля до Уфы», фрагменты из которых предлагаются читателям.

(...) События в Ярославле разыгрались иначе, чем я предполагал, собственно говоря, они разыгрались слишком поспешно, благодаря выступлению чехов в Самаре. По своему прибытии в Ярославль, я отыскал комокруга генерала Ливенцова, который жил в вагоне на вокзале. Он был рад моему прибытию, сказал, что о моем назначении начальником дивизии он говорил в штабе формирования в Москве и там это одобрили, велел потом подать на его имя заявление и высказал надежду, что дня через два-три, я буду утвержден приказом и смогу приступить к формированию штаба и частей по уже выработанному плану. Я желал быть поскорее утвержденным, чтобы, заняв легальное положение, иметь возможность, не вызывая никаких подозрений, сноситься с нужными мне лицами под видом приглашения их на службу. Однако прошла неделя и о моем утверждении не было и речи. На вопрос мой по этому поводу, генерал Ливенцов ответил, что этого утверждения не желает окружной комиссар. Этим комиссаром был некто Аркадиев, о котором я не имел ни малейшего понятия и который, по моему, решительно ничего не мог иметь против меня. Тем временем я уже успел собрать справки о месте жительства некоторых своих старых сослуживцев и знакомых, находившихся кроме Ярославля преимущественно в Костроме, Шуе и в Рыбинске, и которых мне надо было повидать; кроме того необходимо было съездить в Москву, чтобы восстановить обрванные связи и подробно ориентироваться в настоящем положении нашего союза. Поэтому я попросил у ген. Ливенцова выдать мне хоть временное удостоверение личности, впредь до моего утверждения. Запасшись этим удостоверением, я собрался было прежде всего поехать в Москву, но неожиданно приятно был поражен, встретив в Ярославле на бульваре д-ра Григорьева вместе с капитаном Скраббе, бывшим начальником хозяйственной части 2-го Латышского Стрелкового полка, который еще летом 1917 года так энергично боролся с большевицкими ораторами на собраниях полковых комитетов. От них я узнал много новостей, еще более поразивших меня, которые, в общем, сводились к следующему: Союз за последние месяцы сильно вырос, преимущественно за счет провинциальных городов. Чудодейственную силу оказали также средства, полученные Савинковым в достаточном количестве. По словам Н.С. в союзе в настоящее время числилось до 3000 организованных офицеров. Я этим цифрам особенно не верил, так как Москва меня уже научила, что далеко не все, числящиеся на бумаге, могут считаться за настоящую

боевую силу, а точной проверки, особенно в провинциях, конечно, никто не производил. От деятельности в Москве союз окончательно отказался - к этому решению пришли после провала нашего штаба на Молочном переулке, где было арестовано в мае месяце несколько близко к штабу стоящих офицеров, в том числе мой бывший помощник кап. Рубис и деятельный член организации шт. Кап. Пинка - тоже 2-го Латышского Стрелкового полка. Одновременно с провалом нашего штаба был арестован также генерал Довгерт, стоявший во время моего пребывания в Москве во главе одной из самых сильных организаций, с которым мы поддерживали связь, но которого отчасти побаивались, подозревая его также в базировании на немцев, так как не могли никак выяснить откуда эта организация берет средства, в которых она видимо не нуждалась. Теперь же, как нам сообщил Н.С., ген. Довгерт, отпущенный большевиками, сидит в штабе у Мирбаха. Прекращая деятельность в Москве, союз эвакуировался в Приволжские города и постановил, в связи с выступлением чехов, в самом близком времени произвести восстание одновременно в целом ряде Приволжских городов - образовать, таким образом, Поволжский фронт, облегчая тем самым движение чехов вдоль Волги и французского десанта из Архангельска. На этот последний возлагались большие надежды, и самое решение о таком спешном выступлении было принято под диктовку французских властей. Большая часть союза во главе с генералом Рычковым, принявшим на себя командование всеми вооруженными силами союза, эвакуировалась в Казань. Часть Московской организации и Калужский отряд, во главе с полк. Перхуровым эвакуировались в Ярославль. Небольшая группа во главе с полк. Бредисом - в Рыбинск. Часть Московской организации во главе с д-ром Григорьевым - в Муром. Не выработанными остались еще планы относительно Костромы, Вологды, Шуи и Иваново-Вознесенска, где также предполагались восстания, но где еще не были созданы местные организации. Такое решение было вынесено уже окончательно и, как мне потом говорил Б.В.Савинков, в связи с решением объединившихся политических партий. Следовательно, оставалось напрячь все силы, чтобы обеспечить успех в рамках этого плана. Времени для этого оставалось не много, так как выступление предназначалось в конце июня. Этим и объясняется приезд Н.С. в Ярославль, так как надо было посвятить во все это представителей Ярославской организации и приступить к выработке предварительных соображений и планов выступления, а А.П.Перхуров сам приехать не мог. С тем же самым Н.С. должен был ехать еще в Кострому, а А.П.Перхуров в Вологду. Так как Н.С. нашел меня в Ярославле, то часть этих поручений я взял на себя и в этот же вечер отправился в Кострому, чтобы войти в связь с местной Костромской организацией по данному адресу и паролю.

В Костроме я первым делом разыскал своего старого боевого товарища подполк. Калпака, впоследствии погибшего геройской смертью в Латвии. Калпак также недавно вернулся с Румынского противогерманского фронта, где этот фронт все-таки держался вплоть до самого Брестского мира. Ни о каких офицерских организациях в Костроме он ничего не знал. Переночевав у него, я на следующий день отправился по данному адресу. Я позволю рассказать себе маленькую подробность, чтобы показать, как легко неопытному в конспиративных делах нарваться иногда на гибельные неприятности. Дверь в означенной квартире открыл мне седой старичок, который на мой вопрос, здесь ли живет шт. Кап. П, провел меня через гостиную и указал на дверь причем предупредил, что может быть П. еще спит.

Я постучался и, получив разрешение войти, действительно, нашел П. еще в кровати. Поклонившись, я назвал пароль, но П. удивленно спросил, что это значит. Я повторил пароль еще явственнее, но П. только пожал плечами и ответил, что ничего не понимает. Только тогда я догадался спросить действительно ли он П., на что он ответил, что он поручик С. Тогда я досадуя, что мне дали неверный адрес, извинился за беспокойство и хотел было удалиться, но поручик С. сказал, что в этой же квартире живет еще один офицер и может быть, тот и нужен мне. Действительно, так и оказалось. Квартирный хозяин сдал две из своих комнат квартирантам, фамилии которых сам не помнил. Слава Богу, что недоразумение не повлекло за собой никаких дурных последствий, что так легко могло случиться в то время. Шт. Кап. П., с которым, как оказалось, я был знаком еще на фронте, мало мог мне сообщить утешительного. Организация, которой он являлся представителем, состояла всего на всего из 8 человек - сила, которую, понятно, нельзя было и во внимание принимать при серьезных намерениях. Тогда я решил сделать попытку создать в Костроме что-нибудь на скорую руку. Через некоторых своих знакомых мне удалось нащупать еще одну организацию и познакомиться с двумя представителями ее, но и эта организация была незначительна и насчитывала всего около 20 человек членов. Обе эти организации стояли вне всяких политических платформ и готовы были работать под флагом ген. Алексева, но об активном выступлении в ближайшее время не помышляли без солидной посторонней помощи. Последняя из организаций была хорошо осведомлена о силах красных в Костроме, их настроениях и о боевых запасах с оружием.

В Костроме в это время был один советский полк, но очень слабого состава, так как он был послан на Екатеринбургский фронт, потерпел ужасное поражение от чехов и разбежался. Остатки его, собравшись на другой день после сражения по своей инициативе, выехали поездом обратно в Кострому. Мой приезд в Кострому совпал как раз с возвращением этого полка. Была довольно жалкая и комическая картина. Полк в составе около 150 штыков, по прибытии на ст. Кострому, не пожелал оставить вагоны, пока ему не привезут фуражек и мундиров, так как храбрые воины растеряли эти вещи на поле сражения. Кроме того, они потребовали на вокзал музыку. Когда все это было исполнено, полк во главе с оркестром музыки торжественно проследовал со станции в казармы.

Кроме этого полка в Костроме грозной опорой большевизма были организованные коммунисты, состоявшие по большей части из рабочих двух эвакуированных с бывшего фронта фабрик. По сведениям, имевшимся в организации, они могли выставить до 600 штыков и, кроме того, в их распоряжении находилась единственная в городе артиллерия - один тяжелый дивизион. Батареи были поставлены против города на правом берегу Волги, недалеко от станции, где была расположена одна из эвакуированных фабрик. В костромских складах было много разного оружия и очень много снарядов и ружейных патронов. Обо всех этих припасах в организации имелись подробные ведомости.

Представители обеих костромских организаций, которых я свел вместе, обещали приложить все свои усилия, для развития численного состава организации, я со своей стороны обязался позаботиться о денежных средствах и с этими результатами вернулся в Ярославль. Д-ра Григорьева я в Ярославле уже не застал. Все, что ему нужно было передать мне (адреса, пароли и часть денег), он передал уже капитану Скраббе, а в Вологду послал молодого офицера Березовского.

На следующий день Березовский вернулся из Вологды и привез еще более печальные сведения. Офицера, которому было поручено проявить там инициативу и создать организацию, он совершенно не нашел, удалось ему лишь собрать справки, что этот офицер из Вологды выехал, но куда, неизвестно.

По сведениям, полученным из Рыбинска, там дело обстояло гораздо лучше, и там имелась хорошая офицерская организация, во главе с капитаном Г. (я его знал лично), которая бралась совершить в Рыбинске переворот без посторонней помощи, имея в виду, что в Рыбинске в данное время почти не было большевицких воинских частей. Там же была сосредоточена в большом количестве артиллерия, которой не было ни в одном из приволжских городов. Команда и офицеры, обслуживавшие эту артиллерию, были настроены против большевиков и некоторые из них входили в состав нашей организации. По всем данным, успех в Рыбинске считался обеспеченным и, кроме того, можно было рассчитывать, что рыбинская артиллерия подаст помощь Ярославлю. Я лично не был в Рыбинске и не имел возможности проверить эти данные, которые привожу здесь со слов Б.В.Савинкова, полковника Бредиса и полк. Перхурова, с которыми я неоднократно встречался до ярославского выступления.

Обстановка в Ярославле была следующая: в городе, в здании кадетского корпуса, был расквартирован один советский полк, в составе 4-х рот, общим числом штыков около 600. Три роты считались мало стойкими, и в них были ставленники из организаций, которые утверждали, что эти роты едва ли даже попытаются оказывать сопротивление. Одна же рота, при том самая многочисленная, состояла из мадьяр, и считалась стойкой. В центре города, в особняке, был расположен особый коммунистический отряд, в 200 штыков, считавшийся самой надежной опорой большевиков. Кроме того, был отряд в 30-40 человек конной милиции, который по настроению можно было считать на нашей стороне. Наконец, автопулеметный отряд, состоявший из двух броневиков и пяти пулеметов. Вся команда этого авто-отряда - 25 человек, состояла из офицеров, входивших в нашу Ярославскую организацию, а ее начальник - поручик Супонин, являлся одним из деятельных членов офицерской организации и одновременно пользовался большим доверием и даже авторитетом в военных делах у большевиков, они приглашали его на все важнейшие заседания и не имели от него почти никаких секретов.

Офицерская организация Ярославля, во главе с полковником Лебедевым, насчитывала до 120 членов, не считая авто-пулеметчиков. Члены организации были разделены на отделения по 5-6 человек, отделения сводились в 2 батальона. Большинство из членов состояли на службе у большевиков, преимущественно в различных артиллерийских, инженерных и интендантских складах, поэтому через них были собраны самые подробные данные обо всем военном материале, имевшемся в распоряжении большевиков. Учитывая силы обеих сторон, можно было надеяться на некоторый успех в случае переворота, особенно, если он будет произведен вполне внезапно, и, имея в виду, что будет оказана помощь присылкой отрядов из Москвы и Калуги, а также впоследствии и из Рыбинска.

Все приведенные данные мы имели в руках в 20-х числах июня. За все это время я посещал и большевицкий штаб формирования. Прошло уже 3 недели со дня подачи мною заявления в этот штаб, но моего утверждения все еще не было. В настоящее время я и не желал его, т.к. в нем не было уже никакого смысла. Впрочем, теперь я уже понял истинную причину этого, как думал, уже полного

Палачи и результаты их «работы»

отказа. Я узнал, что окружной комиссар Аркадьев, выбранный на эту должность местным советом, имеет еще помощника, назначенного московским народным комиссариатом, а этим помощником оказался Нахимсон, бывший в свое время фактическим редактором «Окопной Правды» и душой всего дела разрушения Рижского противогерманского фронта, а в конце 1917 года самозвано назвавшийся избранным представителем латышских стрелковых полков в исκοςол 12-й армии, будучи сам сврсем и никогда не служившим в латышских частях. Несомненно, что он отлично помнил меня по 17-му году в Риге, почему я, конечно, ничего хорошего для себя не мог ожидать тут. Генерал Ливенцов, впрочем, обнадеживал еще меня, говоря, что им, помимо комиссара, послана еще телеграмма в Москву, где он настаивает и т.д. Однако, через несколько дней был отчислен от должности и сам генерал Ливенцов, будто за слишком категорическое требование утверждения представленных им проектов, а на его место был назначен начальник его штаба генерал Зайченко. После этого я уже совершенно перестал этим штабом интересоваться, и заходил туда только изредка для отвода глаз, причем иногда мне удавалось по документам и по приказам штаба проверить те данные о силах нашего противника, которые имелись у нас. В конце июня пересел совсем в Ярославль А.П.Перхуров, назначенный командующим Ярославским отрядом. С его приездом устроено было два общих заседания нашего штаба, где были еще детально проверены силы обеих сторон, разработан план выступления и составлен приказ о выступлении. В первых числах июля приехал Б.В.Савинков, от которого зависело определить точно день выступле-

ния. В эти же дни, по одиночке, прибывали из Москвы и Калуги члены нашей организации, которых ожидалось около 200 человек.

При перечислении наших сил я не упомянул о солидной поддержке, которая нам была обещана и которая, по моему мнению, должна была лечь в основание нашего выступления, а именно поддержка со стороны рабочих. Недовольство большевистским режимом среди рабочих в Ярославле было большое. По сообщенным нам данным рабочие железнодорожных мастерских были поголовно готовы выступить против советов. Почти такое же настроение было среди рабочих фабрики Корзинкина. В разговоре с Савинковым, который, кстати, остановился у меня, я пытался выяснить подробнее этот вопрос, и настаивал на том, что рабочие в деле выступления должны подать инициативу, а наша организация явится только поддержкой им и главной боевой силой. Если будет наоборот, то в итоге получится тот же результат, какой был уже в Тамбове и Пензе, то есть, избиение офицеров и интеллигенции, оставленных в критическую минуту широкими массами. Савинков по существу согласился со мной, но указал, что это практически невыполнимо, т.к. за рабочими слишком сильная слежка со стороны рабочих же большевиков и что организовать их для выступления нет никакой возможности. Во время своего пребывания в Ярославле он беспрерывно совещался с видными и влиятельными представителями рабочих, которые в конце концов гарантировали, конечно, только «словом», свою помощь в следующем виде: через полтора часа после нашего выступления присоединяться к нам 150 человек рабочих одной железнодорожной мастерской, через 4 часа прибудет еще 300 человек железнодорожников. Кроме того, еще надеются, что на следующий день присоединятся и рабочие фабрики Корзинкина, а рабочие остальных фабрик, если и не выступят на нашей стороне, то, во всяком случае, останутся нейтральными и ни в коем случае не выступят на стороне красных.

Днем выступления было определено 5-е июля. Накануне этого дня еще раз собрался наш штаб в номерах, в комнате Перхурова для окончательного принятия плана и выяснения могущих встретиться вопросов и недоразумений. При окончательном подсчете наших сил для начала выступления выяснилось, что имеется всего 300, вместо ожидаемых 400 офицеров, т.к. не все ожидаемые прибыли. Приехало 30 чел. калужцев, 12 чел. костромичей и только около 50 чел. москвичей. (Моя вторая поездка в Кострому выяснила невозможность что-либо предпринять в настоящее время в Костроме, почему и было решено костромичей привлечь также для Ярославля). Приходилось удовлетворяться этими 300 чел., которых было решено разбить на 3 отряда. Половина, то есть 150 чел., при двух орудиях должны были разоружить советский полк в кадетском корпусе, 80 человек с броневиками разоружить и арестовать коммунистический отряд и запереть его в большом театре. Остальным 70 чел. захватить большевистский штаб в доме губернатора, почту, телеграф, радиостанцию, казначейство и выставить там караулы. После этого два первых отряда должны выделить заставу за город, а в городе штаб приступает к немедленному формированию отрядов. На сборный пункт собираться к первому часу ночи, т.к. по случаю белых ночей, в Ярославле в это время почти до 12 часов еще светло. Место сборного пункта - кладбище в одной версте от северо-западной окраины города, по близости от которого находились склады оружия и патронов, нападением на которые и должно было начаться выступление.

На этом последнем заседании начальник автоотряда поручик Супонин, о котором я выше уже говорил, сообщил нам интересную новость, что на бывшем в этот

день заседания в совдепе обсуждался вопрос о немедленном аресте нашего штаба, причем было названо пять фамилий: 3 полковников Перхурова, моя и Масло, подполковника П., и капитана С., но что ему, поручику Супонину, удалось уговорить отложить этот арест до более удобного момента, когда можно будет захватить весь штаб полностью. Очевидно, им недоставало Савинкова. Эта новость нас, конечно, поразила. Мы никак не могли ожидать такой осведомленности большевиков, но с другой стороны мы также не могли сомневаться в достоверности сообщенного, т.к. Супонин видел на этом заседании меня и Перхурова в первый раз и, по крайней мере, моя фамилия ему не должна была быть известна. Во всяком случае, это не должно было повлиять на решение о выступлении в завтрашнюю ночь, условлено только было еще перед вечером зайти в столовую общества офицантов около 17 часов, но заговорить между собою только в том случае, если у кого-нибудь явится какой-нибудь важный вопрос. В эту столовую на следующий день кроме меня пришло только двое: капитан С., и начальник автоотряда поручик Супонин. Последний, посидев несколько времени за своим столиком, подошел ко мне и обратился с вопросом, почему на вчерашнем совещании не было ничего сказано о том, что будет предпринято против эшелона красных, стоявшего в поезде на вокзале. Ни я, ни кто-нибудь другой из членов штаба не имели ни малейших сведений о каком-то эшелоне, поэтому я удивленно спросил, что это за эшелон, и почему об этом он не сообщил на вчерашнем заседании. Супонин ответил, что он был убежден, что про это уже нам известно, т.к. эшелон стоит уже 3-й день и отдано уже распоряжение о приискании для него квартир. На вокзале собственно не один, а два эшелона: один в 470 штыков пехоты, а другой в 280 чел. конницы. О цели прибытия этих войск он не знал.

(...) В моих глазах эшелоны на вокзале явились слишком серьезным препятствием, чтобы его игнорировать; с другой стороны я не решался без ведома Перхурова изменить принятые уже решения, а отлагать решение еще далее уже нельзя было, так как не успели бы известить всю организацию о том, что выступление откладывается. Через полчаса офицер, посланный на розыски Перхурова, вернулся ни с чем, так как Перхурова нигде не нашел. Тогда мы решили все-таки немедленно дать приказ, что сегодня выступление не состоится. Это было уже около 8 часов вечера, и распоряжение отчасти запоздало, так как не всех удалось оповестить и все-таки около 60 человек явились в эту ночь на сборный пункт, прождали там до рассвета, а потом разошлись.

На следующее утро я был вызван в условленное место, где я встретил полковника Бредиса, который сообщил мне следующее: он приехал из Рыбинска ночью и уже виделся с Перхуровым, который вчера не показывался нарочно, имея основание предполагать, что будет схвачен. Эшелоны на вокзале хотя и серьезное препятствие, но уже изменено ничего быть не может. В Рыбинске все готово и ждут только Ярославского сигнала.

В следующую ночь начался Ярославский кошмар: непрерывный бой продолжался 16 суток и днем и ночью. Большевики, очевидно, что-то узнали и приняли меры предосторожности, так как по всей окраине города были расставлены посты и по городу разъезжали конные дозоры. Это обстоятельство помешало многим членам организации придти на сборный пункт. Я направился туда вместе с офицером из Московской латышской группы, поручиком Бирк. Для предосторожности мы отправились окружным путем мимо Земской больницы, но на окраине города

за земляным валом мы наткнулись по очереди на три дозора. От первых двух мы отделались большими обходами, но третий, конный, заметив нас, выслал в нашу сторону всадника, который двигался на некотором расстоянии за нами и таким образом заставил вернуться в город; вступить с ним в объяснение было бесполезно, а нападение могло испортить все дело. Мы вернулись в город и присоединились к отряду, только когда последний, уже захватив склады оружия, пришел в город, что было около 5 часов утра. Оказалось, что на сборном пункте собралось всего 100 человек, которые под командой полковника Перхурова и выступили. Но это число было слишком недостаточно, чтобы справиться со всей задачей, которая требовала внезапности и одновременности. Был полностью разоружен и арестован коммунистический отряд, захваченный после короткого боя с караулами; заняты все советские штабы; захвачены на квартирах некоторые комиссары, в том числе и Нахимсон, с которым немедленно на улице же прикончили; но не хватало сил для разоружения советского полка. Поэтому Перхуровым было отдано распоряжение вступить с ним в переговоры о добровольной сдаче и временно занять оборонительное положение против них в сторону реки Которосль, отделяющей пригород, в котором находится кадетский корпус, от города. Переговоры сначала давали было надежду на добровольную сдачу полка, но когда Перхуров потребовал их разоружения, тогда они ответили нежеланием, пока они не выяснят станут ли на нашу сторону рабочие. Но не прошло и двух часов, срок слишком недостаточный, чтобы выяснить этот вопрос, как со стороны их были открыты активные действия. С этого момента и начался настоящий бой.

Я постараюсь по возможности не касаться внешней стороны этих боев и всех ужасов, творившихся в то время в Ярославле, а попробую только осветить весь ход этого дела с точки зрения наших интересов и целей.

Все наши наличные силы были двинуты маленькими заставами по всем улицам в сторону кладбища и железной дороги, ведущей на железнодорожный мост. Не успели заставы дойти до окраины города, как встретились с наступающими красными со стороны железной дороги. Это обозначало, что эшелоны, бывшие на разъезде, при разветвлении железной дороги на Бологое и на Вологду, вступили в действие. Во что бы то ни стало надо было выдержать этот напор. Наше положение, хотя в данный момент и критическое, мы все-таки не считали плохим по следующим соображениям: 1) жители ликовали, с самого утра целые толпы осаждали наш штаб с целью записаться в организующиеся отряды, и можно было надеяться составить из них довольно солидную силу; 2) в течение дня мы ожидали прибытия 700-800 рабочих; 3) можно было рассчитывать на помощь из Рыбинска; 4) большевикам неоткуда было ждать скорой помощи, так как дорогу на Петроград заграждал Рыбинск; дорогу на Москву испортят железнодорожники, взорвав мост в районе Ростова; из Костромы они ничего не могли взять, т.к. могли ожидать восстания и там.

Не могли также и предполагать, чтобы они могли что-либо снять с чешского фронта и привезти по Вологодской железной дороге. Поэтому первый, второй и отчасти третий дни восстания были наполнены радостными надеждами. Но уже вечером первого дня нас постигло первое огорчение: рабочие не явились, но надежда на них еще не была потеряна, т.к. мы узнали, что между ними все еще продолжаются совещания и прения, но зато прибыло с утра 80 человек железнодорожников. Прибывшие ждали с вечера и, видя, что товарищи не приходят, стали постепенно исчезать, а вечером ушли все.

Погибшие повстанцы

Следующий день в этом вопросе не принес ничего нового, определенных сведений мы не имели, но ходили слухи, будто на митинге рабочие вынесли постановление оставаться нейтральными.

К вечеру второго дня пришла делегация от крестьян двух Заволжских волостей просить оружие для принятия участия в перевороте. Эта весть нас сильно обрадовала. Условились, что крестьяне соберутся в селе Яковлевском - в верстах 3-4 за Волгой, а оружие будет для них привезено в Тверицу - Заволжскую часть города. На следующий день в Яковлевское были отправлены офицеры - инструктора и нашли там собравшихся крестьян около 800 человек. Это комплектование уравновесило бы потерю стольких же рабочих, но в моральном отношении не было бы равноценным приобретением, т.к. не произвело бы должного впечатления на красные войска. Но и здесь постигла нас неудача. Крестьяне категорически отказались принять участие в боях в Ярославле, а требовали только оружия, чтобы очистить от большевиков свои деревни. Когда в этом им было отказано, то они разошлись, и только человек 60-70 вступило в наши ряды. Мы, впрочем, не потеряли еще надежды составить из крестьян отряд для активных действий, особенно рассчитывали на Толгобольскую волость, где один энергичный прапорщик из бывших сверхсрочнослужащих фельдфебелей по своей инициативе уже сформировал отрядик в 30 человек, по количеству найденного им же в деревнях оружия, и оказал нам услугу, помешав красным переправиться через Волгу в районе Толги. Мы отправили агитаторов в две ближайшие волости, которые всех набранных должны были направлять в село Яковлевское, в распоряжение назначенного туда офицера. Эта мера начала приносить уже результаты, т.к. дня через 2-3 снова в Яковлевском собралось человек 200-300 крестьян, для которых уже начали отправлять туда оружие. Но тут случился совершенно неожиданный налет красных со стороны Волог-

ды, о котором скажу ниже. Чтобы не возвращаться больше к вопросу о попытках организовать крестьян, отмечу только, что все попытки в этом отношении не увенчались успехом, несмотря на настроение крестьян, бывшее в нашу пользу. Для этого необходимо было более продолжительное время и спокойствие. Сделать же это почти под выстрелами и наспех - дело невозможное.

Я упомянул, что уже с самого утра первого дня восстания наш штаб осаждала целая толпа желающих записаться в наши ряды. Выпущенные в первый же день воззвание и приказ о призыве всех офицеров, оказали свое действие, и запись шла весьма успешно. Я упомянул также, что спешно сформированные маленькие отряды отправлялись немедленно, чтобы занять заставами все улицы на окраинах города. Для этого требовалось немало сил, но этим нельзя было ни на шаг продвинуть вперед наше дело. Обстановка требовала разбить бывшие налицо большевистские войска пока их немного, а для этого нужно было иметь хотя бы небольшой отряд для активного действия. Красные, окружавшие нас тонкой линией, не были сильны и, безусловно, не имели никаких резервов. Отряд в 200-300 человек, напад на какой-либо из их флангов и окружив его, мог легко повернуть все дело в нашу пользу. В виду этого все усилия штаба были направлены к созданию такого отряда, но, увы - оказались тщетными. Первые дни я лично был занят этим формированием, но ни разу не удалось сформировать более 50 человек, так как поступали с фронта такие категорические требования о присылке поддержки, что нельзя было отказать. Это объяснялось двойного рода причинами: среди добровольцев было много элементов, ни разу не нюхавших порошу, которые уже простой артиллерийский обстрел принимали за наступление и поэтому страшно грешили в своих донесениях. Главная причина состояла в том, что большинство явившихся на регистрацию, очевидно, полагали, что весь переворот уже кончен, но когда увидели, что приходится еще драться, постепенно исчезали по своим домам вместе с оружием и уследить за ними в уличных боях не было ни малейшей возможности.

Вместе с подчиненными исчезали иногда и начальники застав и десятков, обнажая, таким образом, целые улицы и кварталы. Вот на затычку таких дырок и уходили положительно все силы, какие только удавалось сформировать. Надо отдать справедливость красным командирам, что они своими непрекращающимися ни днем, ни ночью яростными нападениями обеспечили себя от возможности с нашей стороны атаковать их. Раз не удавалось сформировать отряда для активных действий из добровольцев в городе - мы возлагали надежды, что это удастся сделать из крестьян, либо рабочих, если они изменят свою тактику, но, как выше уже было сказано, усилия в этом направлении не привели ни к чему. Такое - уже безнадежное положение выяснилось на 4 либо 5-й день восстания. Верные принятому на себя долгу офицеры и добровольцы оставались на позициях и показывали очень часто героическую стойкость и выдержку, но не могло же это положение длиться без конца, так как усталость от страшного напряжения давала себя чувствовать. Тогда было созвано совещание для обсуждения вопроса, что предпринять нам дальше. На совещании с достаточной ясностью обрисовывалась необходимость эвакуироваться из города, пока не поздно, хотя были и голоса против. Эти последние все еще возлагали надежду на Рыбинск и на обещанную помощь десанта союзников из Архангельска. На десант лично я никаких надежд не возлагал, так как помощь эта фактически не выполнима вследствие громадной отдаленности. Я в то время еще не терял надежды на возможность организовать крестьянские отряды в Толгобольской волости, кото-

рые, переправившись через Волгу в районе старого лагеря, могли бы напасть на красных с тыла. Решение было принято неокончательное. С одной стороны решено было сделать все подготовительные распоряжения для эвакуации, а с другой, усилить деятельность по созданию крестьянских отрядов.

Мне памятно из этого заседания еще одно обстоятельство. Как меру против постоянной «утечки» нашего фронта, благодаря чему таяли все наши с большим трудом образованные резервы, я предложил немедленное проведение на фронте же строгой военной организации, без которой вообще немислимо управлять участками. Уже в это время было пять участков с их начальниками, но сражающиеся на этих участках офицеры и добровольцы не были разделены на отделения, взводы, роты и т.д. Не было установлено никаких наружных знаков принадлежности к данному участку, люди между собой друг друга конечно мало знали, вследствие всего этого практиковались самовольные переходы с участка на участок, часто самовольные уходы, начальники участков не могли организовать отдыха путем образования резервов и производства поочередных смен отделений на более трудных местах. Штаб также не имел возможности регулировать силы, занимающие участки, по степени их важности. Эта элементарная мера диктовалась крайней необходимостью, между тем предложение ее встретило довольно упорные возражения со стороны двух присутствующих на заседании офицеров генерального штаба - уже не в молодых чинах. Эти офицеры генерального штаба появились у нас не добровольцами, а вследствие приказа о призыве на службу всех офицеров, а до этого времени состояли на службе в красном штабе. В то время я не обратил почти никакого внимания на этот мелкий случай, но теперь, когда в течение двух лет у меня подобных фактов накопилось довольно много, у меня уже сложилось убеждение, что это была не случайность, а то, что эти офицеры работали не в нашу пользу, - почему и упоминаю здесь об этой подробности.

Упомянутую меру мне все таки удалось провести в жизнь. На участках были составлены списки, сделаны соответствующие подразделения, организованы смены, начальники участков наделены правами командиров полков - все это сразу придало стойкость нашему фронту, и штаб только с этого времени начал иметь возможность сколько-нибудь учитывать наши собственные силы. На 6 или 7 день восстания у нас на всем фронте под ружьем было около 700 штыков, что сравнительно с числом выданного оружия было очень немного, так как зарегистрировано и отправлено на фронт было более 2000 человек. Приблизительно в это время случился третий уже более серьезный налет красных на Тверицу со стороны Вологды. По нашим сведениям это была пулеметная команда 1-го Латышского Стрелкового полка, поддерживаемая отрядом коммунистов города Данилова. Свой первый налет они сделали тремя днями раньше. Приехали они поездом, в составе которого были две бронированные платформы с двумя орудиями и несколькими пулеметами. В первый раз они ограничились захватом Фирино и ограблением деревни Яковлевской, где разогнали собравшихся крестьян, а затем уехали обратно. До этого времени у них на восточной стороне Волги были только заставы у деревни Савино, у станции Фирино, ст. Урочь и у железнодорожного моста. Немного спустя, красные повторили свой набег, во время которого пострадала одна наша застава, составленная из группы латышских офицеров. На этот раз удалось прогнать красных благодаря движению начальником участка небольшого резерва в тыл красных, через лес южнее Фирино. В этот же день красным удалось овладеть западным концом железнодорожного моста, где

они установили пулеметы и угрожали нашему сообщению через Волгу. Переезжая в этот день через Волгну вместе с полковником Масло и капитаном Скраббе, мы подверглись обстрелу пулеметом с конца моста, причем смертельно был ранен капитан Скраббе - один из самых деятельных участников Ярославского восстания.

Свой третий налет на Тверицу красные произвели как видно уже с большими силами; они вытеснили наших из ст. Филино и заняли также одно время ст. Урочь почти у самого берега Волги. Это было уже слишком опасное положение, так как Тверица была единственным путем нашего отхода из Ярославля, и с занятием красными Тверицы у нас уже обрывалась всякая связь с внешним миром и прерывалась вся работа по организации крестьян, на которых мы возлагали свои последние надежды. В то время как было получено это сообщение в нашем штабе, меня не было там. Я как раз объезжал весь наш фронт с целью выяснить более пассивные участки, с которых можно было бы снять часть сил для начала эвакуации. Когда я уже вернулся вечером в штаб, то застал там всех в полном переполохе. Полковник Перхуров поставил под ружье почти весь штаб до писарей включительно, а равно и телефонистов, присоединив к ним все сформированные в последние дни резервы, в общем, собралось около 150 человек. Эту роту он поручил генералу Лебедеву с приказом двигаться в Тверицу и восстановить прежнее положение. Но генерал Лебедев отказывался, ссылаясь на то, что он как артиллерист, не достаточно опытен, чтобы справиться с этой тяжелой задачей. Тогда Перхуров поручил это дело полковнику А. - пехотинцу, но и этот отказался. После этого Перхуров поручил это дело мне. Я не возражал и отправился, конечно, не ручаясь за полный успех.

Переправившись тогда через Волгу, мне уже не пришлось вернуться ни разу в Ярославль. Последние 5 дней, которые длился бой в Тверице, я мало знал положение, которое было в городе после моего отъезда. Прежде чем рассказывать дальнейшие события в Тверице, я вкратце упомяну о том, в каком положении я оставил город.

Наш фронт в городе тянулся от устья реки Которосль по берегу этой реки. На высоте Сенной площади он поворачивал к этой площади, пересекал ее и выходил к земляному валу губернской земской больницы. Земская больница, как находившаяся за городской чертой, находилась между фронтами. Оттуда наша линия раньше тянулась к железнодорожной линии и мосту через Волгу, но в последние дни фланг был откинут назад, и находился на высоте сожженного здания городского водопровода. Кварталы к западу от Сенной площади были по большей части сожжены, т.к. красные по ночам подползали и, обливая керосином дома, поджигали их, чтобы заставляя нас этим путем осаживать. Кварталы поблизости водопровода были сплошь сожжены артиллерийскими огнем. Все лучшие дома в городе, начиная с Демидовского лица и фабричные дома, были также разрушены, либо сожжены артиллерией красных. Несмотря на сильное разрушение кругом, защитники города чувствовали себя довольно бодро и уверенно. Когда до них дошли сведения о предполагаемой эвакуации города, то большинство заявило, что они ни за что не оставят города, т.к. не могут бросить здесь свои семьи и родных. Более пассивный фронт со стороны реки Которосль можно было значительно ослабить, усилив соответственно район Сенной площади и район городского водопровода, где красные производили непрерывные атаки. На каждом из наших четырех боевых участков было в среднем около 6 пулеметов. В винтовках недостатка не было, но начинал ощущаться недостаток в патронах, поэтому предполагалось перевоору-

жать участки по очереди японскими винтовками, которых на складе было достаточно, с достаточным количеством патронов, оставшиеся к этому времени ружейные патроны оставались исключительно для пулеметов. Общим резервом для всех участков служил единственный броневой автомобиль (было в начале два, но один испортился), который всегда появлялся там, где положение было критическим и, надо отдать справедливость, своими действиями всегда восстанавливал положение. В этом положении остался город, когда я отправился в Тверицу.

Не знаю, вследствие ли переправы нашего отряда через Волгу, либо по какой-нибудь другой причине, но красные опять оставили занятые ими места в Тверице и уехали на своем поезде в сторону Данилова. Мы воспользовались этим, чтобы восстановить здесь наше положение. Но сил было слишком мало, чтобы весь большой фронт от железнодорожного моста на Филино и далее к деревне Савино занять сколько-нибудь устойчиво, - из всего бывшего тут отряда около 180 человек мне удалось набрать всего лишь человек 40, к которым я прибавил прибывших со мной 150. Поэтому я иначе распределил расстановку наблюдения, ставя заставы в наиболее опасных направлениях, в верстах 2-3 впереди станции Филино велел разобрать рельсы, на расстоянии хорошего обстрела от разобранного места укрыл в двух направлениях, в замаскированных окопах по одному отделению с пулеметами, которые воспрепятствовали бы исправлению пути. Оставшуюся роту, силою около 80 человек, держал в кулаке, для активных действий, пользуясь местными укрытиями, которых тут было в изобилии. При себе на станции Урочь оставил в виде общего резерва остаток калужан - около 20 человек, нуждавшихся в передышке после упорных боев. Такая готовность гораздо более соответствовала обстановке. Однако, к вечеру генерал Л., который по своему желанию был оставлен командиром этой роты у станции Филино, без моего ведома распорядился иначе, даже не донося мне об этом. Он снял две заставы, наблюдавшие разрушенный путь, присоединил их к себе и растянул всю роту по широкому фронту в лесу впереди станции Филино. Утром рано он за это был наказан, т.к. красные нагрянули сосредоточенным кулаком и наша редкая цепь, хотя и встретила их огнем, не могла выдержать их напора и отступила. Насилу, при помощи моего резервика, удалось остановить отступающих уже на самой окраине Тверицы и тут начался снова бой, продолжавшийся еще 4 суток.

Уже с самого начала этого периода боя я видел бесполезность такой обороны, если не будут приняты другие меры. Сносясь по телефону с полковником Перхуровым, я настаивал, чтобы весь отряд был перебросен в Тверицу, и, освободив путь на Данилов, отходил в этом направлении с целью соединиться с французским десантом,двигающимся из Архангельска, но в штабе этого не пожелали, ссылаясь все на новые надежды на помощь рабочих двух небольших заводиков в городе, с которыми будто идут успешные переговоры. Мой отряд таял прямо таки по часам; много выбывало ранеными; многие оставляли свои места самовольно, видя безнадежность положения и чувствуя страшную усталость. В конце второго дня у меня осталось не более 80 человек бойцов. Тогда Перхуров обещал мне помочь «с другой стороны» своими силами, как он выразился по телефону. Из туманных пояснений я понял, что он намерен выехать ночью на пароходе с отрядом вверх по Волге и, пополнив свои ряды крестьянами, напасть на тыл красных в Тверице. Благодаря белой ночи, мы сами убедились, что действительно, пароход отчалил и благополучно проехал под мост, а затем скрылся в потемках. Всю ночь и весь

следующий день, отчаянно борясь со слишком превосходящим противником, мы поджидали обещанной помощи «с другой стороны», но напрасно. В конце следующего дня генерал Карпов, вступивший после выезда Перхурова в командование Ярославским отрядом, на мое донесение о безвыходности положения, убедил меня продержаться еще сутки, т.к. Перхурова могло, может быть, задержать какое-либо неожиданное обстоятельство, а в случае, если до вечера следующего дня ничего не последует, остаткам моего отряда переправиться обратно в город. На мое заявление о бессмысленности такого обратного переезда он напомнил нашу прежнюю совместную службу, где он был моим начальником на западном фронте, и я повиновался. Еще он пояснил, что он переходит на инженерную оборону.

Прождавши опять напрасно весь день, мы вечером стали уже дожидаться прибытия за нами парохода-перевоза. В час ночи отчалил пароход с того берега и, когда он стал приближаться к нашему берегу, я со своим адъютантом побежали, чтобы снять посты. Когда я вернулся с последними бойцами с постов и приближался к берегу, пароход отчалил, несмотря на наши крики подождать нас. Пароход находился под пулеметным огнем со стороны ст. Урочь и, очевидно, не мог больше ждать. Мы остались 16 человек в беспомощном положении на берегу, остальные с постов, более близких к берегу, успели сесть на пароход. В последний день у нас оставалось бойцов человек 35-40 и, кроме того, человек 10, заботившихся по хозяйству и разносивших патроны. Каждую минуту красные, заметивши наш отход, могли подойти к берегу и нас захватить. Мы стояли на месте, не зная, что предпринять. Более спокойная часть нашего участка была к югу, со стороны деревни Савино, откуда сегодня почти весь день не было стрельбы. Мы направились берегом в ту сторону. Но не отошли еще 300 шагов, как заметили, что с того берега снова отчаливает пароход, на этот раз другой, помельше. Мы побежали навстречу. Осталось между нами уже не более 30 саженей, как по пароходу красные снова открыли сильный пулеметный огонь, почему пароход повернул обратно, и мы очутились в еще более худшем положении, т.к. красные, заметив нас, направили свой огонь вдоль берега. Тут уже приходилось бежать под свистом пуль, беспрепятно запутываясь в телефонную проволоку, сброшенную разрывами снарядов со столбов. Скоро, однако, складки берега нас прикрыли от пулеметного огня, и мы могли более спокойно продолжать свой путь, и так дошли берегом, а иногда и развалинами домов, до деревни Савино, где, прикрывшись в маленьком овраге, произвели разведку, как незамеченными пройти от берега в лес. Застава красных, бывшая в Савино, либо спала, либо была снята, так что нам удалось благополучно достичь громадного леса - болота, тянувшегося на несколько верст вдоль и от берега Волги. Тут мы почувствовали себя временно спасенными и задавались уже целью приискать сухое место для отдыха - ночлега. Еще в течение 2-х дней после этого, мы старались установить связь с Перхуровым, но, когда и это не удалось, то пришли к необходимому выводу - распрощаться с Ярославлем. (...)

Когда мы были уже в лесу, вне непосредственной опасности, нас оказалось уже только 14 человек. Куда делись двое остальных, никто не заметил. Мы все были с ружьями, большинство имело еще револьверы, но уже никакого другого снаряжения не имели. Пока мы в течение двух дней искали связи с полковником Перхуровым, от нас при различных обстоятельствах отстало еще 4 человека, в том числе даже посланный для закупки провизии в ближайшую деревню. Оставшиеся 10 человек мы уже не могли говорить о себе, как о боевой силе и стали сообща обсу-

Бритская могила

дать, что каждый хочет делать и куда направиться. Я объявил, что иду в Самару, на присоединение к народной армии и приглашал отправиться со мной. Желающих оказалось немного: 1) Полковник Масло, артиллерист, заведывающий в Твери хозяйством организации и снабжением - один из членов Ярославской организации. 2) Профессор Ключников, который присоединился во время восстания и принимал деятельное участие: он организовал маленький отрядик в 15 человек для сбора оружия и со всем этим отрядиком был зачислен в роту, направляемую в Тверь. В последние дни он исполнял при мне обязанности адъютанта. Впоследствии, во время директории, был министром иностранных дел в Омске. 3) Поручик Кронберг, офицер из латышской группы Московской организации, объединявший в своем лице деятельность целой команды связи и ее начальника. Остальные же пожелали направиться в другие стороны: был один серб, который направился в сторону Архангельска, надеясь оттуда скорее пробраться на родину; один крестьянин из соседней волости, бывший унтер-офицер, пошел к себе домой. Один офицер Калужской группы направился тоже к себе на родину. Два железнодорожника со станции Филино, не решаясь возвращаться, направились в свои деревни: один в Даниловский уезд, другой, кажется, в Нерехту. Был еще один офицер из Костромы, который отправился туда, но не вместе с нами, хотя и мы шли через Кострому, а отделился для безопасности.

В первые дни путешествия мы шли преимущественно ночью, а днем отдыхали где-нибудь в лесу, но потом, поближе узнавши настроения крестьян, убедились, что нет никакой опасности останавливаться в деревнях, и начали пользоваться теми маленькими удобствами, какие могли давать деревни. По всему пути, в Ярославской и Костромской губерниях, нам не удавалось получить нигде ни одного

куска хлеба, несмотря на то, что крестьяне, у которых мы останавливались, узнавши нас ближе, рады были поделиться всем, что у них было, охотно давали нам яйца, картофель, иногда курицу. В одном месте хозяйка расплакалась, расставаясь с нами и сунула нам на дорогу лепешки, выпеченные из муки, добытой у богатой соседки. Мы, понятно, скрывали, кто мы, и крестьяне только догадывались. В одной деревне под Костромой мы услышали, что два дня перед нами прошел отряд человек в 40 и имел стычку с красными разъездами, высланными им навстречу из Костромы, причем два красных было ранено и три лошади убито. Мы догадывались, что это прошел Перхуров со своим отрядиком. Крестьяне же толковали в том смысле, что это чешский авангард, и что скоро появится целая армия, и тогда конец красным разбойникам. Про Кострому рассказывали, что при появлении этого отрядика, в городе среди красных возникла страшная паника, и советский полк большинством голосов постановил сдать без боя, но к общему огорчению, отряд прошел мимо, и никто не знал, куда. Однако в Костроме красными были приняты строгие меры предосторожности: на всех дорогах дежурили заставы и строго контролировали всех проходивших в город. Мы очень хотели пробраться в Кострому, т.к. я надеялся через своих знакомых запастись документами и штатской одеждой, но делать даже попытку было опасно. Поэтому в Кострому отправился один профессор Ключников, ни одежда которого, ни документы не могли вызвать никакого подозрения в принятии участия в Ярославских событиях. Я снабдил его адресом полковника Калпака, у которого он мог бы остановиться. Когда я потом снова встретился с профессором Ключниковым, уже в Омске, то узнал, что ему пришлось претерпеть много мытарств, прежде чем очутиться в Костроме и приобрести там свободу, которой лишили его на заставе.

Мы отправились кругом Костромы и уже на другой стороне города приобрели нового товарища по путешествию, с которым я потом, в течение почти полутора лет делил по-братски удары судьбы, довольно обильно сыпавшиеся на нас. Проходя улицу в одной деревне, я вдруг увидел человека с длинной желтоватой рыжей бородой, в котором узнал старого полкового и боевого товарища, недавно инвалидом вернувшегося из германского плена - капитана Лахтионова. Узнав, откуда мы и куда идем, он без всяких разговоров присоединился к нам. Мы переоделись в крестьянскую одежду, запаслись документами от крестьянского схода, натянули на плечи грубые мешки и отправились дальше под видом мешочников, каковых много ездило и ходило из этих мест за мукой в хлебные губернии. Наш внешний вид не внушал, казалось, никому недоверия.

Потом пробрались мы на реку Вятку, по которой далее проехали на пароходе на Каму. Пассажиры 3-го и 4-го классов Вятских пароходов сплошь состояли из мешочников северных голодных губерний, и их было так много, что места на пароходах брались только с бою. Среди мешочников было много таких, которые ездили уже 3-й и 4-й раз за мукой, обратив это занятие уже в свою специальность. От них мы слышали много полезных сведений, нужных мешочникам, которые могли пригодиться и нам. Толкаясь среди этой крестьянской массы и вслушиваясь в разговоры, мы убедились воочию, какое сплошное и острое недовольство бродит в этих массах против советского режима, но в то же время подтверждались и те наблюдения, какие мне приходилось выносить из встреч с крестьянами в Ярославле, а именно, что это общее недовольство не имеет глубоких корней и дальше вопроса о голоде и свободной торговле не идет.

Добравшись до Камы, мы высадились с парохода и только успели войти в село, как заметили, что к пароходу направляется наряд красной милиции, как нам случайно удалось узнать, с целью захватить переодетых офицеров. Выследил ли нас какой-либо красный агент, либо, кроме нас был там еще кто-нибудь, кого искали красные, - этого я не знаю, но мы поскорее скрылись в громадный сосновый лес, прилегающий к Каме, где провели весь день, и только ночью решились продолжать наш путь. В эту ночь мы в лесу как-то случайно разошлись: капитан Лахтионов и поручик Кронберг, кажется в поисках ягод, уклонились куда-то в сторону, и сколько мы их потом не искали, так и не нашли. Дальнейший путь я совершал только вдвоем с полковником Масло, держа направление на Самару. Капитан Лахтионов и поручик Кронберг, как потом оказалось, пробрались к Симбирску, только что освобожденному от красных, и вступили там в народную армию. Нам же суждено было перенести еще много трудностей, прежде чем папасть в Самару, т.к. еще на пароходе я заболел, как выяснилось потом в больнице, тифом.

(...) Вспоминая теперь Ярославские события, мне приходят на память много подробностей интересных встреч и разговоров, вспоминается много старых боевых товарищей, впоследствии павших жертвой большевицкой расправы в городе, и теперь снова ощущаю жуткость многих минут, но все это уже не имеет отношения к целям моих воспоминаний. Я вспомню здесь только о двух случаях, оставшихся до сего времени для меня не совсем понятными. В первые дни восстания наш штаб наводняла целая масса разных лиц по всевозможным поводам и справкам: не было никакой возможности отделаться от этой толпы, ответить на все вопросы и справки. Пользуясь этим, в наш штаб, конечно, проникали и красные лазутчики, которые пристраивались даже на должностях в штабе. Один из них, ходивший все время обвешанный ручными гранатами, револьверами и кинжалами, случайно потом был изобличен и расстрелян. Но приходили и такие лица, целей посещения которых мы не понимали. Почти 2 дня провел в нашем штабе генерал В. Я не был с ним знаком и даже не знал что он генерал. Как-то, когда я выбрал свободную минуту выпить чаю, он подошел ко мне, отрекомендовался казачьим генералом В. и председателем Петроградского союза георгиевских кавалеров. Сначала я подумал, что он предложит свои услуги в нашей работе и начал придумывать, как отнестись к этому. Но он - начал разговор совершенно на другую тему, о бывших делах на фронте и о том, что делается в Москве и Петрограде, немножко поинтересовался нашими намерениями и положением дел в Ярославле, но затем перевел разговор на то, что ему, как представителю Георгиевского союза очень хорошо известно настроение офицеров в Петрограде, где в настоящее время несколько десятков тысяч офицеров, из которых будто 90% придерживается германской ориентации. Далее, он опять незаметно перевел разговор на свои личные дела, рассказывая, что он тут в Ярославле остановился случайно, проездом на Дон, что он, человек материально независимый, что хотел бы иметь компаньона для поездки туда сейчас, и два раза упомянул о том, что у него сейчас при себе 30 000 совершенно свободных денег. Меня вызвали по делам, разговор оборвался, и я почти забыл о нем, только впоследствии в разговоре с Перхуровым я вспомнил о нем и узнал от него, что генерал В. - человек определенной германской ориентации, деятельно работающий в этом направлении.

Другой случай, о котором я хочу тут вспомнить - это встреча тут же в штабе в эти самые дни с двумя французскими летчиками. Они явились к нам в штабе во

французской форме, чтобы осведомиться, что вообще делается в Ярославле, и могут ли они выехать из города. Они говорили довольно хорошо по-русски. Рассказывали, что они приехали из Москвы и теперь не могут выехать обратно. Когда полковник Перхуров начал их расспрашивать, не имеют ли они каких-либо сведений о десанте союзников в Архангельске, и намекнул на наше желание поскорее встретиться с этим десантом, они, хотя ничего и не могли сообщить нам об этом десанте, но выразили готовность вместо Москвы, куда теперь пробраться трудно, ехать в Архангельск, и, если будет возможно, то чем-нибудь нам помочь. Так как у них были и документы, то сомнений у нас не возникло, и полковник Перхуров предложил им автомобиль до Данилова, откуда они поездом смогут проехать дальше. Так и было сделано, и этот случай забылся, как и многие другие среди напряженной работы. Но вот, много времени спустя, я встретился уже на территории Сибири с французским полковником, занимавшим летом 18-го года высокую должность во французской военной миссии в Москве, и спросил его не знает ли он судьбу этих летчиков, и благополучно ли последние вернулись во Францию. Полковник, расспросив ближе обстоятельства дела, выразил большое сомнение в подлинном существовании таких летчиков, т.к. летчики, бывшие в России, а в особенности в Москве ему известны, и между ними не было говорящих по-русски. Если я теперь сопоставляю время отъезда этих летчиков в Данилов, обещанное ими нам содействие и время налета красных из Данилова на Тверицу, то сомнения французского полковника кажутся мне еще более обоснованными, тем более, что у большевиков Ярославля не было ни телеграфной, ни какой-либо другой связи с Даниловым.

Мне хочется отметить еще одно обстоятельство, поразившее нас в свое время в Ярославле: это необыкновенно точная, меткая и планомерная стрельба большевизской артиллерии по городу. У большевиков в то время не было почти никаких, тем более опытных, артиллеристов. В этом планомерном искусном разрушении всех промышленных сооружений была видна очень опытная и умелая рука.

Меня иногда мучают угрызения совести за эти страшные и ненужные жертвы, принесенные на алтарь Ярославля, и я нахожу некоторое утешение только в том, что я не был инициатором этого дела, а лишь исполнителем, не бывшим в состоянии изменить хода событий. Но нельзя отрицать и того, что Ярославское восстание послужило большим стратегическим плюсом для чешского движения. Ярославль почти в течение месяца сковывал у большевиков руки в важном стратегическом узле, притягивая их слабые в то время силы. Несомненно, положение чехов в Екатеринбурге сильно облегчалось Ярославлем, а также облегчалось и развитие движения народной армии из Самары. Нас, уцелевших участников Ярославских событий, эти последние заставили изменить свои взгляды на многие факты и явления, которые мы раньше неверно оценивали, но об этом скажу впоследствии, при случае. О том, как кончилась Ярославская трагедия, я слышал уже впоследствии в Уфе и в Сибири от товарищей, которым удалось уйти из Ярославля уже после его сдачи и которые отчасти были свидетелями ужасов, творившихся там красными, вопреки данным обещаниям и гарантиям при условиях о сдаче. (...)

ДОКУМЕНТЫ ЯРОСЛАВСКОГО ВОССТАНИЯ

Приказ №1 штаба Северной Добровольческой армии

«1. На основании полномочий, данных мне главнокомандующим Северной Добровольческой армии, находящейся под верховным командованием генерала Алексева, я, полковник Перхуров, вступил в командование вооруженными силами и во временное управление гражданской частью в ярославском районе, занятом частями Северной Добровольческой армии.

2. Впредь, до восстановления нормального течения жизни в городе Ярославле и его губернии, вводится военное положение и на это время воспрещаются всякие собрания и митинги на улицах, в публичных местах.

6 июля н. ст. 1918 г.

Полковник Перхуров.

Обращение к гражданам г. Ярославля (6 июля 1918 г.)

«Граждане, власть большевиков в Ярославской губернии свергнута. Те, кто несколько месяцев тому назад обманом захватил власть и затем, путем неслыханных насилий и издевательств над здоровой волей народа, держали ее в своих руках, те, кто привели народ к голоду и безработице, восстановили брата на брата, рассеяли по карманам народную казну, теперь сидят в тюрьме и ждут возмездия. Люди, свергнувшие эту власть, имеют своей целью установление форм широкого государственного народоправства. Народное собрание, законно, в нормальных условиях избранное, должно создать основы государственного строя, установить политическую и гражданскую свободы и на точном основании закона закрепить за трудовым крестьянством всю землю в его собственность.

Как самая первая мера, будет водворен строгий законный порядок и все покушения на личность и частную собственность граждан, в какой бы форме это не проявлялось, будут беспощадно караться. Вместе с этим будут отменены все запрещения и ограничения, мешающие каждому по мере сил работать на общую пользу. Все препятствия торговле и передвижению будут устранены и к делу снабжения населения предметами продовольствия будет привлечен частный торговый капитал. Долгая война и владычество хулиганов истощили народные богатства, но и до сих пор у нас еще много хлеба и по Волге, и в Сибири. Чтобы получить этот хлеб, чтобы победить голод, нужен только порядок, спокойствие и трудовая дисциплина. Новая власть твердо будет требовать беспрекословного выполнения всех своих распоряжений и будет беспощадно преследовать всех нарушителей правильного хода работ во всех учреждениях и предприятиях.

То, что произошло в Ярославле, произошло в тот же день и час по всему Поволжью. Мы действуем вместе с Сибирским и Самарским правительствами и подчиняемся общему главнокомандующему, старому генералу Алексеву. Северной армией командует старый революционер Борис Савинков. Москва окружена теперь тесным кольцом. Еще немного усилий и предатели, засевшие в Кремле, разорившие страну и морящие народ голодом, будут сметены с лица русской земли. Все, кто способен носить оружие, пусть идет в Добровольческую армию. Как триста лет тому назад наши предки в высоком патриотическом подъеме сумели залечить раны растерзан-

ной Родины, так и мы в дружном порыве спасем нашу Родину и наш народ от позора, рабства и голода.

Главначальствующий, командующий Северной Добровольческой армией Ярославского района полковник Перхуров.

Заместитель, помощник Главначальствующего по Гражданской части, член Управления И. Савинов.»

Организация власти в планах восставших:

«Объявляю гражданам Ярославской губернии, что со дня опубликования настоящего постановления в целях воссоздания в губернии законности, порядка и общественного спокойствия:

1) Восстанавливаются повсеместно в губернии органы власти и должностные лица, существовавшие по действовавшим законам до октябрьского переворота 1917 года, т.е. до захвата центральной власти Советом Народных Комиссаров, кроме особо установленных ниже изъятий.

2) Признаются отныне уничтоженными все законы, декреты, постановления и распоряжения так называемой «Советской власти», как центральной в лице Совета Народных Комиссаров, так и местных, в лице рабочих, крестьянских и красногвардейских депутатов, Исполнительных Комитетов, их отделов, комиссий, когда бы и за чей бы то ни было подписью означенные акты не были изданы.

3) Упраздняются все органы означенной «Советской власти», где бы в пределах Ярославской губернии они не находились и как бы не именовались, как коллегиальные, так и единоличные.

4) Все находящееся у них имущество, все дела и делопроизводства в Ярославле переходят в распоряжение Управления Главначальствующего по гражданской части, а в прочих городах губернии - в распоряжение начальников уездов, коими и распределяются по подлежащим учреждениям и лицам.

5) Отменяются действия положений Временного Правительства: а) о губернских и уездных комиссарах, б) о милиции и в) о губернских, уездных и волостных земельных комитетах. Дела означенных комитетов временно передаются в ведение губернского и уездных земств и волостных старшин по принадлежности.

6) Приостанавливается действие постановлений, изданных Временным Правительством: а) о производстве выборов городских гласных, б) губернских и уездных земских гласных, в) временные положения о волостных земских самоуправлениях, г) о поселковом управлении, правила о волостном обложении, о волостных сметах, раскладках и о волостных сборщиках и д) положение о судах по административным делам.

7) Все могущие возникнуть на практике вопросы и недоумения о применении, приостановлении или отмене действовавших законов разрешаются в срочном порядке распоряжением Управления Главначальствующего Гражданской части Ярославской губернии.

8) Судебная власть в Ярославской губернии восстанавливается в числе окружного суда и мировых установлений, причем мировые судьи в первой инстанции решают все дела, как гражданские, так и уголовные, единолично и институт членов мирового суда упраздняется. Все выбранные в 1917 году уездными земскими собраниями, Ярославской городской думой мировые судьи восстанавливаются в своих правах, причем устранение их и председателя мирового съезда от занимаемых дол-

жностей принадлежит Главноначальствующему Ярославской губернии. Назначение новых мировых судей до полного их комплекта по закону, изданному Временным Правительством, временно производится Управлением Главноначальствующего, из кандидатов по представлении общим собранием отделений Ярославского Окружного Суда, по предварительному избранию Земскими и Городскими Собраниями по принадлежности. Также восстанавливается прокурорский надзор, судебно-следственная власть и вообще все органы судопроизводства.

9) Органами земского и городского самоуправления временно являются Управы с председателями и городскими головами во главе, Земскими и городскими собраниями при них из местных лиц, назначаемых по представлению Управ. Управлением Главноначальствующего по гражданской части в числе, определяемом особым распоряжением.

10) В волостях все полномочия по делам местного управления переходят к волостным старшинам, назначаемым властью начальников уезда. Последние в случае надобности могут назначать помощников волостных старшин. При старшине состоит волостной секретарь, назначаемый той же властью.

11) Все должностные лица губернии, в случае несоответствия их деятельности пользе дела, могут быть временно отстранены и замещены властью Главноначальствующего губернии.

12) Всеми функциями общей полиции ведают органы уездной и городской стражи, во главе коих стоят назначаемые властью помощники Главноначальствующего по гражданской части и начальника уезда, начальники уездные, городские, районные и участковые, а также их помощники и нижние чины стражи, назначаемые по особому установленному расписанию.

Примечание: п.п. 9, 10, 11, 12 вводятся лишь временно до восстановления общего государственного порядка в пределах Государства Российского.

Главноначальствующий Ярославской губернии, командующий вооруженными силами Северной Добровольческой Армии Ярославского района

Полковник Перхуров»

13 июля 1918 года.

Обращение городской управы к населению Ярославля 15 июля 1918 г.

«К населению г. Ярославля.

Уже девятый день ведет свою геройскую борьбу с наседающим на него со всех сторон противником Ярославский отряд Северной Добровольческой армии. Город Ярославль несет эти жертвы и людьми и имуществом, но население города должно нести эти жертвы, веря, что ни одна жертва зря не пропадет, что каждая капля невинно пролитой крови идет на дело строительства новой свободной и великой России, чуждой междоусобной брани и жажды ее.

Разрозненная, разбитая, ослабленная врагом, эта страна будет игрушкой в руках любого ловкого авантюриста. Наоборот, единая, собранная, сплоченная национальной идеей Россия должна выйти победительницей, в начавшемся разгаре борьбы.

Перст истории указал на наш город и нужно верить, что Бог спасет нашу Родину в настоящую тяжелую годину. Воспрянь же, Русь, и крикни клич и принеси еще жертву для ее возрождения. Нужно твердо помнить и отчетливо знать, что выход только в победе, мужестве и самоотвержении. Твердо решившись отстоять свое

благополучие, нужно собрать все свои душевные и телесные силы и довести дело до конца, не предаваясь малодушию и унынию.

Главный враг на войне - это суетливость, нервность. Давайте делать каждый спокойно свое дело, к которому он приставлен в трудную годину, интересоваться им и доводить до самых лучших результатов, доверяя, что и всякий также делает свое дело. Бог поможет нам и Ярославлю с его святынями и от него пойдут здоровье и сила в тело нашей несчастной Родины.

Да здравствует Всенародно-законно-избранное учредительное собрание.

Ярославский отряд Северной Добровольческой армии и Городская управа - 15 июля 1918 года.»

Бюллетень о положении на фронте

17-18 июля 1918 г.

«Сегодня ночью нам удалось вывести с передовых линий один из захваченных броневиков противника. Работы по извлечению двух других машин продолжают-ся. Вчера вечером противник перенес огонь артиллерии на левый берег р. Волги, очевидно потесненный действующими там нашими отрядами.

На передовых линиях минувшие сутки перестрелка и поиски разведчиков. С рассветом противник вновь начал бомбардировать центральные части города. Бомбардировка, не причиняя городу большого вреда, рассчитана только на угнетение духа граждан, утомленных осадой. Благодаря энергичной и сплоченной работе всех общественных организаций снабжение граждан продовольствием, водой и медицинской помощью, несмотря на невероятные трудности работы, успешно налаживается.

Необходимо собрать силы духа еще на немного дней, перенесенные испытания к этому обязывают.

Торжество свободы близко.

Штаб Ярославского Отряда Северной Добровольческой Армии».

Договор о сдаче восставших Германской комиссии военнопленных №4

21 июля 1918 г.

Гражданскому населению города Ярославля

1.

Допущенная на основании Брестского договора правительством Русской Федеративной Республики и уполномоченная тем же правительством Германская Комиссия №4 в Ярославле имеет честь оповестить следующее: 1) Штаб Ярославского отряда Северной Добровольческой Армии объявил 8-го сего июля Германской Комиссии №4, что Добровольческая Армия находится с Германской империей в состоянии войны. Так как военные операции не привели к желательным результатам и дабы избежать дальнейших разрушений города и избавить жителей от неисчислимых бедствий, Ярославский отряд Северной Добровольческой Армии 21 июля 1918 года предложил Германской Комиссии №4 сдаться ей и выдать свое оружие. Германская Комиссия №4 приняла предложение.

2.

Комиссия передаст Штаб в качестве военнопленных Германской империи своему непосредственному начальству в Москве, где дано будет все дальнейшее. Германская комиссия №4 располагает сильной боевой частью, образованной из воо-

руженных военнопленных, и займет для поддержания спокойствия в г. Ярославле до получения решения из Москвы положение вооруженного нейтралитета. Для соблюдения порядка и восстановления нормального течения жизни Комиссия окажет по возможности мирному населению должную поддержку.

Да займутся обыватели многострадального города вновь своими делами и живут с полной надеждой на лучшее будущее.

Ярославль 21 июля 1918 года.

Председатель Германской Комиссии №4 лейтенант Балк».

БОЛЬШЕВИЦКИЕ ДОКУМЕНТЫ

На Ярославском фронте.

Оперативная сводка от 18 июля.

В ночь на 18 июля нашей артиллерией обстреливались важные укрепленные пункты противника.

Мельница Вахромеева загорелась; укрепившиеся там части белых выбиты и в панике разбежались. По ним открыт сильный пулеметный и шрапнельный огонь.

С 7 часов утра ведется артиллерийская подготовка при поддержке артиллерии Геккера, с которым наши оперативные действия согласованы.

На фронте свирепствует сильная буря и проливной дождь.

Оперативная сводка от 19-го июля.

Замкнутые, в кольцо, белые пытаются делать вылазки, но последние отражаются огнем.

Прибыла баржа с нашими пленными из центральной части Ярославля, бежавшая путем снятия с якоря.

Приказ Чрезвычайного Штаба Ярославского фронта.

Чрезвычайный Штаб Ярославского фронта объявляет населению города Ярославля. Всем, кому дорога жизнь, предлагается в течении 24 часов со дня объявления сего, оставить город и выйти к Американскому мосту. Оставшиеся после указанного срока в городе будут считаться участниками мятежников. По истечении 24 часов пощады никому не будет, по городу будет открыт самый беспощадный, ураганный артиллерийский огонь из тяжелых орудий, а также химическими снарядами. Все оставшиеся погибнут под развалинами города, вместе с мятежниками, предателями и врагами революции рабочих и беднейших крестьян.

Ярославль, 20-го июля 1918 года.

Чрезвычайный Штаб Ярославского фронта.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА А.П. ПЕРХУРОВА СУДУ РЕВТРИБУНАЛА В 1922 Г. В ЯРОСЛАВЛЕ

Впервые опубликованы в журнале «Пролетарская революция», 1923, №10.

(...) В июне Савинков послал меня в Ярославль для отвоза денег в ярославскую организацию (кажется, 100.000 р.) и окончательно выяснить силы и средства этой организации, во главе которой стоял полковник Константин Михайлович Лебедев. При этом Савинков поручил мне поторопить работу организации, так как, по его словам—союзники очень важным считали момент, когда должны высадить свой десант на Мурмане и в Архангельске, но требуют, чтобы предварительно русский народ своими выступлениями проявил свою готовность вести борьбу.

Передав деньги Лебедеву, я получил от него весьма сбивчивые ответы о состоянии организации и ее средствах, в силу чего у меня возникло сомнение в готовности организации в Ярославле, несмотря на горячие уверения Лебедева, что все идет у него хорошо. (...)

В конце июня Савинков меня снова командировал в Ярославль с категорическим приказанием Лебедеву ускорить работу и установить с полной точностью численность организации, связь его с рабочими и крестьянами, средства в смысле оружия, которыми она обладает, и приказал мне, не вмешиваясь в работу, наблюдать за ней, попуская к большей энергии Лебедева и проверяя, насколько возможно, правильность его сведений. Все это должно быть сделано с таким расчетом, чтобы к 1-му июля была полная готовность для выступления, так как союзники назначают крайний срок (насколько помнится) 4 июля, к каковому времени их суда будут выжидать результатов на рейдах Мурмана и Архангельска для высадки, так как вопрос о намерении немцев захватить Петроград и двинуться на Москву особенно обострился.

Передав Лебедеву эти приказания, я остался в Ярославле, прописавшись Александром Алексеевичем Погодиным, на имя которого был мне выдан по приказанию Савинкова паспорт. Жил в меблированных комнатах наискось Государственного банка (название улицы не помню, № комнаты 13) Лебедев в конце концов сказал мне, что в организации произошел раскол, организовался новый штаб из молодежи, с которым он и столкнуться не может; переданные ему перед этим деньги лежат неизрасходованными и о наличии оружия на руках он сведений не имеет, а вся надежда на артсклад, который обеспечит оружием. Среди служащих склада много членов организации, но из них он знает только о помощнике начальника склада Петрове, с которым теперь связь потеряна, так как он, вероятно, перешел в новый или, как Лебедев назвал, «Малый штаб». С большим трудом мне удалось связаться с этим штабом, где главным руководителем был кн. Ширвашидзе и Перелин. От них я узнал, что Лебедеву мало кто доверяет, так как он окружил себя неизвестными никому лицами, энергии и распорядительности не проявляет и, видимо, колеблется.

В силу этого, с Лебедевым выступление никоим образом не удастся. Малый штаб насчитывает у себя до 600 членов - офицеров, солдат и вообще военнослужащих, имеет связь с броневой авторотой, связь с железнодорожными рабочими, которые, в свою очередь, не проявляют особого доверия к малому штабу; с артиллерийским складом связь прочная. Там служат многие из членов ярославской организации, на помощь и содействие которых они сильно рассчитывают для овладе-

ния складом, так как через известные дни подбор дежурных рабочих, сторожей и дежурного по складу можно сделать вполне благоприятным, но для этого надо точно знать день выступления. В остальное время можно рассчитывать на сопротивление не только караула, но и внутренней охраны склада.

Я поехал обратно в Москву, доложил обо всем Савинкову и получил приказание вновь ехать в Ярославль и принять все меры, чтобы двинуть, дело и закончить его, насколько помнится, к 4-му июля, после чего я должен приехать в Рыбинск, куда он выедет для общего руководства всеми восстаниями, тем более, что Рыбинская организация является наиболее совершенной, как по численности, так и потому, что даже в данное время все члены имеют оружие на руках до нескольких пулеметов включительно; кроме того, там наибольший склад оружия, - патронов, орудий и снарядов, в то время как в Ярославле все это в очень ограниченном количестве и без поддержки Рыбинска обойтись невозможно. Руководителем военных действий в Рыбинске Савинков намечал Бреду, который может оказать большое влияние на латышей, собранных в значительно большем количестве в Рыбинске. На мой вопрос, через сколько времени можно ожидать в Ярославле поддержки, так как одно дело город захватить и другое - его удержать - Савинков сказал, - не далее как через 4 дня, так как союзники определенно предложили продержаться только четыре дня, после чего они двинут свой десант на общую поддержку, а тогда из Рыбинска можно будет выделить и патроны, и артиллерию, и людей.

Для связи с рабочими Ярославля Савинков обещал дать распоряжение, чтобы ко мне пришел доверенный, человек от них, а равно и от крестьян.

Действительно, после возвращения обратно в Ярославль ко мне пришел рабочий ж.-д. депо Савинов (...) (он был членом 1-й Государственной Думы, меньшевик), который сказал, что можно рассчитывать совершенно свободно на 2000 человек рабочих, дело только за оружием. При этом он говорил, что надо торопиться, так как рабочие нервничают на почве недоедания и могут сорвать выступление преждевременно. У части рабочих есть, по его словам, оружие, но состояние его сомнительно, так как оно хранится большей частью зарытым в земле, а вынуть его для предварительной чистки опасно.

От крестьян ко мне заходил некий Мырнин - эсэр (кажется, земский деятель), который передал мне, что целый ряд волостей, ближайших к Ярославлю, вполне готовы к выступлению и намереваются идти все поголовно. Среди них есть очень толковые руководители из офицеров—местных жителей, так что в посторонних руководителях крестьяне не нуждаются. В некоторых волостях оружие, по крайней мере для первых шагов, есть, но некоторые, как Тиргопольская, Сиреневская, оружие не имеют.

В результате свелось к тому, что малый штаб, рабочие, крестьяне изъявили желание, чтобы непосредственное командование ярославским объединенным отрядом принял я. То же желание было выражено от группы гражданского управления ярославского района, во главе которого стоял Кижнер (из ярославской земской управы) ввиду краткости времени мне пришлось на это предложение согласиться, но я просил все же наметить мне заместителя, - после того как организованное движение вывится наружу и закрепится до подхода поддержек. План действий был таков: в первую голову захватить артиллерийский склад, снабдить рабочих оружием и патронами, для чего к назначенному часу они должны доставить к складу вагоны, пополнить недостающее вооружение в самом Ярославле, переслать оружие для вооружения крестьян на местах. Из числа легких орудий,

имевшихся на складе, можно было рассчитывать использовать после захвата только 2, или 2 зарядных ящика, ввиду недостатка людей и лошадей. Лошадей предложено было взять из ассенизационного обоза, расположенного вблизи артсклада. К этому же времени на сборный пункт к артскладу должна прибыть авторота с броневиком и автомобилями, вооруженными пулеметами, для получения недостающих патронов и пулеметов. После этого все должны были двинуться в город к помещениям, занятым войсковыми частями, войти в них, пользуясь предрассветным сном и небрежным охранением, по возможности без шума, и предложить сдать оружие. При этом 1-й Советский полк, стоявший в кадетском корпусе, заявил через председателя полкового комитета фельдшера Владимира Ивановича (без фамилии), что он будет держать нейтралитет, на который согласен весь полк, но бояться только своей интернациональной роты.

В дальнейшем, для пополнения состава было положено объявить обязательную мобилизацию только офицерам, а остальное население приглашалось исключительно как добровольцы.

Захват артсклада произошел без выстрела, несмотря на то, что состав дежурных и караула был случайный и к организации не относящийся. Броневики опоздали. При захвате помещений был дан только один орудийный выстрел по гостинице Кокуева. После захвата артсклада, когда оружие было разделено наличным участникам, - 2 орудия и 2 зарядных ящика были запряжены. Совсем уж рассвело. Ждать на месте было опасно, а броневики не шли, не приходил и вагон от рабочих.

Ввиду недоверия со стороны участников восстания, я отправил Лебедева домой со сборного пункта, так что он не принимал участия в захвате склада и во всех следующих действиях.

Ввиду вышеизложенного, я предложил собравшимся решить вопрос, брать ли Ярославль или, ввиду неопределенности положения относительно броневиков и рабочих, идти на присоединение в Рыбинск (восстание должно быть одновременно в Ярославле, Рыбинске и Муроме; Кострома не соорганизовалась к сроку: ответ был «Пойдем в Ярославль»). К этому моменту подошли броневики и автомобили, но без своего начальника, поручика Супонина, который неизвестно куда и когда скрылся. Привел эти части его заместитель, офицер-латыш (фамилии не помню, убит в Ярославле). Захват города произошел быстро и бесшумно.

Разослав отряды к намеченным пунктам, я с резервом, которого оставалось 30 человек, штабом и 2-мя орудиями перешел в центр города - в гимназию (названия не помню).

В качестве начальника штаба был назначен мною полковник Петров; больше никаких должностей замещено не было, тем более, что для охраны артсклада до подачи рабочими вагонов за оружием пришлось выделить значительную часть отряда, которая там через 1-2 часа и погибла от высадившихся из эшелона частей, прибывших ночью на станцию. По прибытии в гимназию была открыта запись добровольцев и расклеены по городу заготовленные в земской типографии воззвания и приказ. К вечеру того же дня запись добровольцев достигла 6.000 человек, несмотря на то, что из рабочих в первый день прибыло только несколько десятков человек, ввиду того, что 1-й Советский полк, выслан ко мне делегацию и обещав полный нейтралитет, все же нейтралитет нарушил и перерезал путь рабочим от вокзала в город, из-за чего им пришлось пробираться поодиночке.

Командантом города был назначен генерал-майор Веревкин, начальником городской милиции явочным порядком оказался местный об. Генерал Карпов, кото-

рого мне потом наметили в заместители. Адьютантами были поручик Купахович и Веретенников, начальником 2-й контрразведки капитан (кажется, Нерлин). Был организован суд из членов местного окружного суда (гражданского) с участием двух членов от военного ведомства, допускалось назначение и от населения».

ИЗ ПОКАЗАНИЙ ЧЛЕНА РСДРП (МЕНЬШЕВИКОВ) П.А.БОГДАНОВА-ХОРОШЕВА СУДУ РЕВТРИБУНАЛА 16 АВГУСТА 1923 Г.

(П.А. Богданов-Хорошев был приговорен к расстрелу с заменой (за давностью и по амнистии) 3 г. 4 мес. принудительных работ с лишением на 5 лет активного и пассивного избирательного права и конфискацией имущества). Данные фрагменты его показаний на следствии весьма примечательны, поскольку дают представление о позиции партии меньшевиков по отношению к восстанию и об участии в нем ярославских рабочих. Впервые опубликованы в журнале «Пролетарская революция». 1923, № 10.

В Ярославль я прибыл в августе месяце 1917 г., вернувшись из, ссылки. Перед этим я работал в качестве члена комиссии по выборам в Учредительное Собрание в Саратовской губ., куда я был приглашен Саратовским земством, где одновременно вел партийную работу, чисто с.-д.

Приехавши в Ярославль, очень быстро, благодаря партийным рекомендациям, я поступил в Ярославскую организацию и начал партийную работу. В очень непродолжительном времени я был избран секретарем к-та партии меньшевиков. Потом, через некоторое время я был избран т. председателя губ. и гор. к-тов Ярославля. (...)

Губернским комиссаром Врем. Правительства был Дюшен, меньшевик. Вся Ярославская губ., насколько вам известно, в большинстве была с.-д., меньшевистская. Это один из немногих городов России, где Дума была с.-д. Земство было тоже с.-д., меньшевистское. Таким образом вся руководящая роль в губернии как в земстве, так и в думе находилась в руках партии РСДРП (м). Вначале Дюшен представлял из себя также члена комитета, потом он в силу партийных перевыборов был освобожден от этой обязанности и оставался только губ. комиссаром Временного Правительства.

Председателем нашего к-та был Иван Тимофеевич Савинов. Это - рабочий, металлист, в свое время избранный Моск. раб. группой, если не ошибаюсь, во вторую Думу.

Вам, вероятно известно, что Ярославская губ. была в одно время оплотом с.-д. Туда были приглашены, отчасти случайно собрались, очень ответственные работники партии Р. С.-Д. Р. П. Я не скажу того, чтобы среди наших идейных противников была противопоставлена такая же сила и организация, каковая была у нас. Благодаря тому, что вообще массы в 1918 г. в Ярославле были настроены меньшевистски, а это явствует из целого ряда фактов и вот каких: у нас были произведены выборы Ярославского Совета. Это было в марте м-це 1918 г., и выборы дали 87% меньшевиков, остальные оказались коммунисты. На фракционном собрании было решено выдвинуть в президиум Ярославского Совета кандидатом в председатели Савинова, меня лично - в президиум. Затем было решено дать на паритетных началах место коммунистам. На первом торжественном заседании Совета, не знаю каким гражданином был задан вопрос всему Совету, признает ли Ярославский

Совет власть Советов. На этот вопрос большинство не пожелало дать ответа, и решили, что отвечать на этот вопрос не следует. Ответ был дан в таком смысле, что мы, меньшевики, пришли сюда в Ярославский Совет для плодотворной совместной работы. Этого оказалось мало. Начался шум. После этого, по распоряжению Ярославской Ч. К., были введены войска на заседание Совета и с эстрады Совета было заявлено, что Ярославский Совет этих выборов является незаконным, распускается, назначаются новые выборы, а г.г. Шлейфер, Богданов, Локтев и Коган-Ростов, являются арестованными. Это объявление, конечно, подняло настроение рабочих. Рабочие решили, что не следует выдавать: или повести в тюрьму весь Совет Раб. Депутатов, или мы должны быть выпущены. Началось избивание раб. депутат. прикладами, вырывали нас, потому что мы находились в центре группы депутатов. Вырывали постепенно всех. (...)

На следующий день на фабриках и заводах Ярославля начались крупнейшие волнения на этой почве. Стали требовать немедленного освобождения социалистов: Я лично выступал на нескольких собраниях, очень больших, как на ж. д., так и на ф-ках Ярославля, фактически считается под арестом. Каждый раз, после моего выступления, рабочие находили возможным меня скрыть. (...) Никаких призывов к вооруженному восстанию, никаких призывов к ниспровержению Советской власти ни на одном митинге Р. С.-Д. Р. П. меньшевиков никогда в Ярославле не было(...).

Теперь я перехожу к тем роковым событиям, которые произошли в период 6-го июля. 4-го июля вечером, в 5 час., у нас было обычное собрание к-та партии, после которого было самое обыкновенное общее собрание партии; о том, что такое собрание партии и к-та состоится, было объявлено в газетах. В к-те председательствовал тогда И. Т. Савинов. Собрались все члены к-та Р. С.-Д. Р. П. меньшевиков. Программы дня я не помню. На собрании к-та председатель нашего к-та, И. Т. Савинов, говорит буквально следующее: - Т. т., я должен вам дать сообщение внеочередное и весьма важное. Я только что был на собрании группы лиц, которые предполагают выступить в Ярославле против местного Ярославского Коммун. Совета. Это было в 5 час. вечера. До этого момента ни Ярославский к-т партии Р. С.-Д. Р. П., ни в частности я, т. председателя этого губ. к-та, не знали о том, что может возникнуть в Ярославле. Я ему задал вопрос: «Кем ты был приглашен?»—Я был—говорит приглашен с.-р. Локтевым. С.-р. Локтев был связующим звеном. между с.-р. к-том и к-том меньшевиков для информации. Я говорю ему: «На каком основании, Иван Тимофеевич, без санкции к-та ты был на этом собрании? Кроме того, будь любезен, скажи нам, что это за лица, и что за публика, которая сидела на этом совещании?» Он ответил так: «Я не имел времени вам сообщить. Меня пригласили как председателя к-та меньшевиков. Все равно, я побыв там и сообщаю вам об этом. Запросы сводятся к следующему: какое отношение будет иметь к-т меньшевиков к могущему возникнуть в Ярославле выступлению против местн. Коммун. Совета?» при чем заявляет, что независимо от этого ответа выступление, все равно состоится, и выступление это назначено на эту ночь. На мой вопрос, кто был на этом совещании, он указал, что был, будто бы, Борис Савинков, затем полковник, фамилии он не сообщил, потом к.-д. Кижнер. Кижнер, член управы, гласный Ярославской Думы, к.-д. Когда он нам сказал фамилию Кижнера, то, благодаря тому, что у нас большинство в Ярославском к-те было левого направления, мы хотели так ответить, что совершенно игнорируем этот запрос, нам нечего делать и оставить без ответа этот запрос.

Но потом восторжествовала другая точка зрения, и резолюция была вынесена

такого содержания: «Выслушав доклад г. Ивана Тимоф. Савинова о готовящемся в Ярославле выступлении, к-т партии Р. С.-Д.Р.П.меньшев.; согласно программе и тактики партии и, кажется, директивам Ц. К., отказывается от какого бы то ни было активного участия в этом выступлении, сохраняя за собой нейтралитет». Потом, под влиянием страха, что будет в дальнейшем, было добавлено слово: «оставляя за собой свободу действий». При чем сейчас же было решено организовать рабочие дружины для охраны города, порядка и безопасности, поручить И.Т. Савинову, как председателю к-та, отправиться вновь на это совещание и выяснить точно характер этой группы, дать нам исчерпывающий ответ на общем собрании рабочих. (...)

После этого собрания я пошел домой. Так как все ночи и предыдущий вечер были довольно серьезные в смысле волнения, я лег спать. У меня обычно ночевал кто-нибудь из членов к-та, или кто-либо из приезжих, и на этот раз ночевал один из членов к-та. Наш к-т состоял: Савинов - председатель, тов. председ. - я, секретарь - Пастухов. Фактически весь наш к-т состоял из рабочих. Из интеллигентов был только я. Остальные - представители, выбранные на самих ф-ках. Руководящую роль в к-те играл Иван Тим. Савинов. Надо сказать, что Савинову мы верили так, как можно верить т., как могли верить люди старой партийной работы старому партийцу. Если И. Т. скажет: «Т. т., это так-то и так-то», то в подавляющем большинстве случаев мы с ним соглашались, потому что он - слишком старый, опытный, казалось, работник.

В половине двенадцатого ночи раздается звонок, и вламывается Савинич, говорит: «Ребята, только что узнал, - выступление назначено на- сегодняшнюю ночь. Все это сторонники Учред. Собрания». Влетел, запыхавшись. Мы лежали. Я - на кровати, другой - на кушетке. «Т. т., ребята, выступление в эту ночь, сторонники Учред. Собрания восстанавливают думу, нашу думу, земство и перевыборы Совета!» О том, что там были офицеры, ни слова не было сказано. «Долг, говорит, каждого честного гражданина присоединиться. Богдаша, беги на ф-ки. Уведомляй их. Пускай организуют дружины, потому что, может быть потом поздно!»

Что означала эта фраза, я точно не мог понять. Я думаю, что он боялся, что с этим переворотом мы можем потерять руководящую роль в дальнейшем.

Я ему говорю: «Вот что, И. Т., довольно! Одну ночь тянулась история, теперь вторая ночь. Я этому не верю». Я не буду повторять доподлинных слов потому что слова товарищеские довольно нецензурные.

Я говорю: «Я ложусь спать, убирайся к чорту!» и оба мы мирнейшим образом заснули. Никакого выстрела ни я, ни член к-та не слышали, в полной уверенности, что ничего не будет и что ничего вообще не происходит.

В 6 час. утра опять звонок, опять стук в стекла. Влетает Савинов и говорит: «Ребята, город в руках восставших, сторонники Учредит. Собрания сейчас созидают управу и земство. Дюшен восстановлен в правах комиссара Временного Правительства. Идите скорее в штаб. Штаб помещался в гимназии Корсунской. Я говорю: «Хорошо, давай чаю попьем». Грешным делом, я это сделал для того, чтобы немножко оттянуть время и обдумать положение.

Попивши чайку, я вместе с тов. направился в штаб. Я жил очень недалеко от штаба, на Духовской, а штаб находился в гимназии Корсунской около монастыря, квартала четыре-пять, не больше. Действительно, по всем перекресткам стоят пулеметы, броневики и со всех сторон идут люди, самые разнокалиберные. К физиономии общей массы я не приглядывался. Приходим в штаб. На лестнице нас встречает Савинов, говорит: «Ребята, нужно организовать дружину для охраны

города, порядка и безопасности». Так как у нас ни у кого оружия не было, то тут сейчас же на лестнице было организовано заседание к-та, подошли еще члены к-та партии, и было решено, что эти дружины, которые могут быть нужны нам, вооружить. А для этого использовать то оружие, которое имеется у Перхурова. Мы ресли это оружие дать в руки рабочим на всякий случай.

По постановлению к-та, мне было поручено поехать на ж. д. и объявить о происшедшем рабочим. Я спросил: есть ли убитые и раненые и какова судьба коммунистов? Мне ответили, что никого убитых нет, что переворот прошел бескровно. В октябре в Ярославле революция тоже была бескровная. Я поверил, раз заявляет мне официально Савинов, и потом подтверждает Дюшен, что никого убитых нет.

Я говорил: «Я могу говорить рабочим?» — «Можешь. Поезжай». Я сел на качалку. В качестве пропуска через кордоны была дана георгиевская ленточка. Эта георгиевская ленточка раздавалась всем. Уже шла запись добровольцев. Это был пропуск через оградительную часть. Если кто из вас был в Ярославле, тот знает, что центральная часть города, которая была захвачена, прилегает к Волге и затем отделяется довольно глубокой рекой, через которую проведен один мост, затем дальше, — другой мост ж. д. Кто-то в качалку сунул мне револьвер. Когда меня допрашивали, не Дюшен ли это дал, я ответил что не помню. Может быть, Дюшен, а может быть, не Дюшен. Если бы я точно помнил, то я бы сказал. Прошло уже пять лет. Дал кто-то револьвер. Маленькая курьезная деталь. Револьвер этот оказался незаряженным, так что я схал с пустым револьвером.

Приезжаю на ж. д. Вокзал ж. д. занят дружинниками с.-р. В городе все меня знали, поэтому, конечно, рабочие меня пропустили в мастерские. В мастерских был собран митинг, очень большой, не только ж.-д., но и других рабочих. На этом митинге я по поручению к-та произнес следующую речь: «Товарищи! В Ярославле произошло событие, которого можно было ожидать. Коммунистического Совета нет. Члены Коммунистического Совета арестованы. Тов. Дюшен восстановлен и вступил в исполнение обязанностей комиссара Временного Правительства. Дума и Земство восстанавливаются. Переворот произошел без какого бы то ни было активного участия к-та партии Р. С.-Д. Р. П. От имени к-та Р. С.-Д. Р. П. предлагаю вам организовать дружины для охраны города, порядка и безопасности. Оружие можно получить в штабе».

Это буквальная речь, которую я говорил. Так как это было официальное партийное поручение, я должен был говорить именно в тех выражениях, в каких было решено на к-те. Мне задали вопрос: «Какое управление, тов. Богданов, будет в городе?» Я говорю: я не знаю. Я действительно этого не знал. И на этот вопрос дать что-нибудь исчерпывающее не мог. Я всегда предпочитал на митингах выступать только с определенными данными, с фактическим материалом. И на Верховном Суде, когда я судился, было точно установлено, что я никогда на митингах не врал и не искажал фактов. Если я выступал против какого-нибудь явления нашей общественной жизни, то я всегда выступал с точки зрения марксиста, с цифровыми данными, а цифра — есть цифра.

Затем задают мне вопрос: «Есть ли убитые?» Со слов т.т. Дюшена и Савинова убитых нет никого. — «Какова судьба коммунистов?» — Я говорю: арестованы.

В это время подходит ко мне делегация с другого собрания рабочих и говорит: «Тов. Богданов, вас просят явиться на собрание и сделать доклад о происшедшем». — Хорошо, я сейчас же приду. — Переехал на другое собрание и сделал тот же самый доклад. Оттуда отправился обратно. Шли ли дружины, как они организовались, я не знаю, не видел.

Приехавши в штаб, как говорится в обвинительном акте— «успешно выполнивши поручение», я получил новое задание, опять-таки с ведома к-та партии: отдать в земск. типографию воззвание населению, в котором имелось фактическое сообщение всего того, что произошло. Это было простое воззвание. Так оно и было озаглавлено. Никаких призывов боевых не было. Подписано было так: «Начальник добровольческой армии», что-то в этом роде. Это воззвание держал в руках Савинов И. Т. В это время шло уже заседание Управы. Было это приблизительно часов около 9 утра. Опять-таки по постановлению к-та И. Т. написал: «Т. т., прошу спешно напечатать. И. Савинов». Вот эта бумажка была передана мною в типографию.

В типографии у нас был разговор. Я докладывал о происшедшем споре там, но так как эта бумажка была от имени как будто бы к-та партии меньшевиков, потому что, раз подписывает И. Т. Савинов, которого слишком хорошо знают рабочие, то эта бумажка, вероятно, была напечатана. Насколько мне известно, эта бумажка в печати не появилась, потому что потом уже явился в типографию Кижнер,—это мы узнали спустя часа 2 - 3, и переначил редакцию. Так что вышла ли бумажка та, которую я приносил, или же вышел какой-нибудь другой приказ, который я не приносил, я не знаю. Напечатанного приказа на столбах я не видел. Идя из типографии по площади, я попал под шрапнельные выстрелы красных, осаждавших в это время город. Шрапнель рвалась над головой.

(...) Когда мы приходили в штаб, то подошла рабочая дружина. Эта рабочая дружина обратилась к стоящим здесь офицерам: «Товарищи, пришла рабочая дружина, где нам получить оружие?» На это получился ответ такого сорта: «Здесь нет т. г., здесь есть только солдаты и офицеры. Кто хочет защищать родину, тот становись в затылок и слушайся команды».

По рядам рабочих, человек 200 их было, может, меньше, я точно не помню, это была смешанная толпа: тут были и ж. д., и с Вахромеевской ф-ки; эти слова прошли, как электрическая искра. Они увидели меня и Довнаровича на тротуаре и один из них крикнул: «Т. Богданов, это что-то не то!» Я ему говорю, тоже с тротуара: «Т. т., да это не то. Возвращайтесь немедленно обратно. Вам здесь не место. Мы, к-т, постараемся проникнуть к вам». И они моментально пошли. Я видел, как ряды моментально расстроились. Это единственный случай, когда я видел рабочую, дружину. Я вернулся в к-т. Так как в это время шла очень сильная канонада, уже начались пожары, то надо отдать справедливость, подавляющее большинство членов к-та, в частности почти все бундовцы, разбежались. Их на том собрании не было.

Было постановлено сейчас же Дюшена и Савинова, несмотря на то, что Савинов ушел из правительства, но остался как бы с целью информации, там, исключить из организации с донесением об этом Ц. К. партии, а перед этим Савинов брал деньги. Когда я с ним разговаривал, то, выходя, он взял у меня денег, говоря, «У меня нет совсем денег, мне нужно, я должен буду уйти». Тут собралось несколько членов нашего к-та и решили проникнуть в рабочие массы. Перед этим было постановлено издать листовку и организовать рабочую конференцию с выяснением всех событий, происходящих в Ярославле. Листовку было поручено выработать Рыбальскому. Когда я пришел в к-т к Довнаровичу, тут же было решено, что мы должны обязательно проникнуть в рабочие кварталы и постараться поднять рабочую массу против белых. Все эти события развертывались с молниеносной быстротой. К-т, как я уже говорил, находился на Духовской ул., очень недалеко от моей квартиры, так что можно было туда ходить и получать сведения. Бесперывного заседания к-та не было. Мы заседали 4 июля первый раз. Это было обычное заседание. Затем, в день

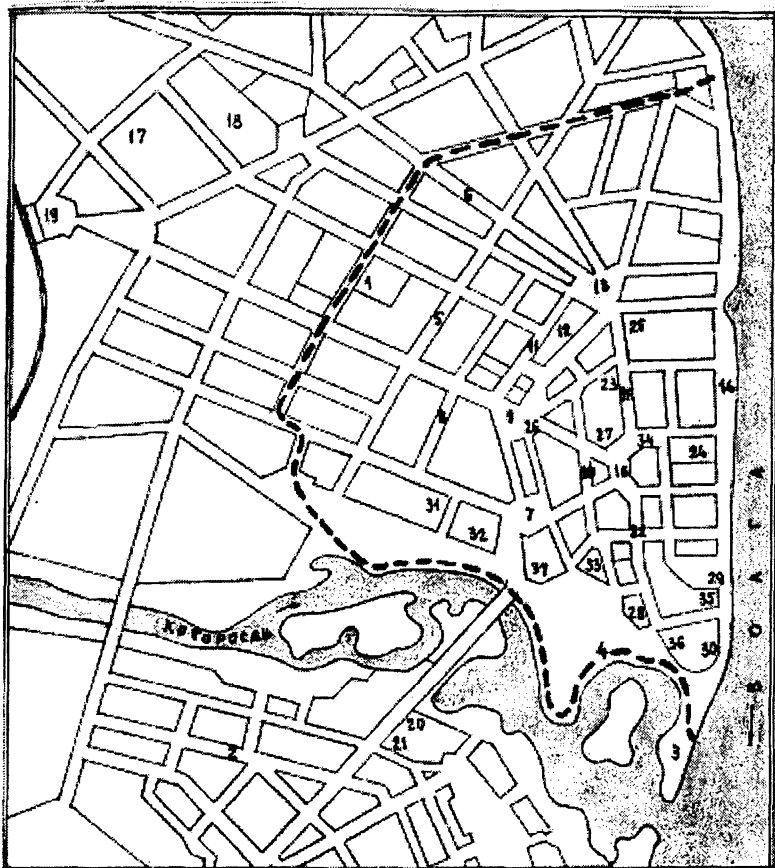
восстания, утром, потом для доклада относительно результатов. Вот эти три заседания к-та, на которых я лично присутствовал. Я вечером попытался проникнуть в рабочие кварталы, не имея ни пароля белых, не имея и фактической возможности, благодаря тому, что было все оцеплено войсками, а я уже говорил, что центр, часть города от рабочих кварталов отрезана рекой. Я два раза подходил к реке, меня окликали. Я возвращался обратно. Вернулся домой утром, на следующий день, во второй день восстания, я хотел пройти в наш клуб. Это, собственно говоря, был клуб бунда, но наш к-т имел там местопребывание наверху, потому что до самого последнего времени наш к-т помещался в Доме Советов, даже и после того, как мы вышли из Совета, я тем более, как член Совета, имел туда доступ. Когда я вышел из квартиры, приоткрывши дверь, как раз произошел разрыв гранаты, меня контузило, я был внесен домой. Меня, кажется, горячими компрессами обкладывали; потом к вечеру пришли ко мне рабочие — человек 5—6 и некоторые члены к-та и говорят: «Т. Богданов, вам надо уходить. Дело в том, что белые вами крайне недовольны, но и от красных, благодаря общей суматохе, вы можете пострадать. Мы просим вас уйти из Ярославля. Вам необходимо поехать в Москву с докладом в Ц. К. партии. Берите все, что можно, и уходите».

Дали мне паспорт монтера, дали мне съестных припасов, и говорят: уезжайте. Я собрал документы, партийную кассу и отправился на следующий день утром, третий день восстания, к Волге. Мне рабочие т.г. сказали, чтобы я путь держал этапный. Первый этап - Плёс, Костромской губ., где можно будет связаться с партийной ярославской организацией. Я же не думал совсем уходить, думал, что я вернусь в Ярославль, пока же, если я в Москву не сумею пробраться, то пробраться в Сормово. В Сормове была тогда крупная организация меньшевиков. Если я в Сормово не попаду, то я должен был попасть в Кинешму. Одним словом, был дан ряд этапов, как идти.

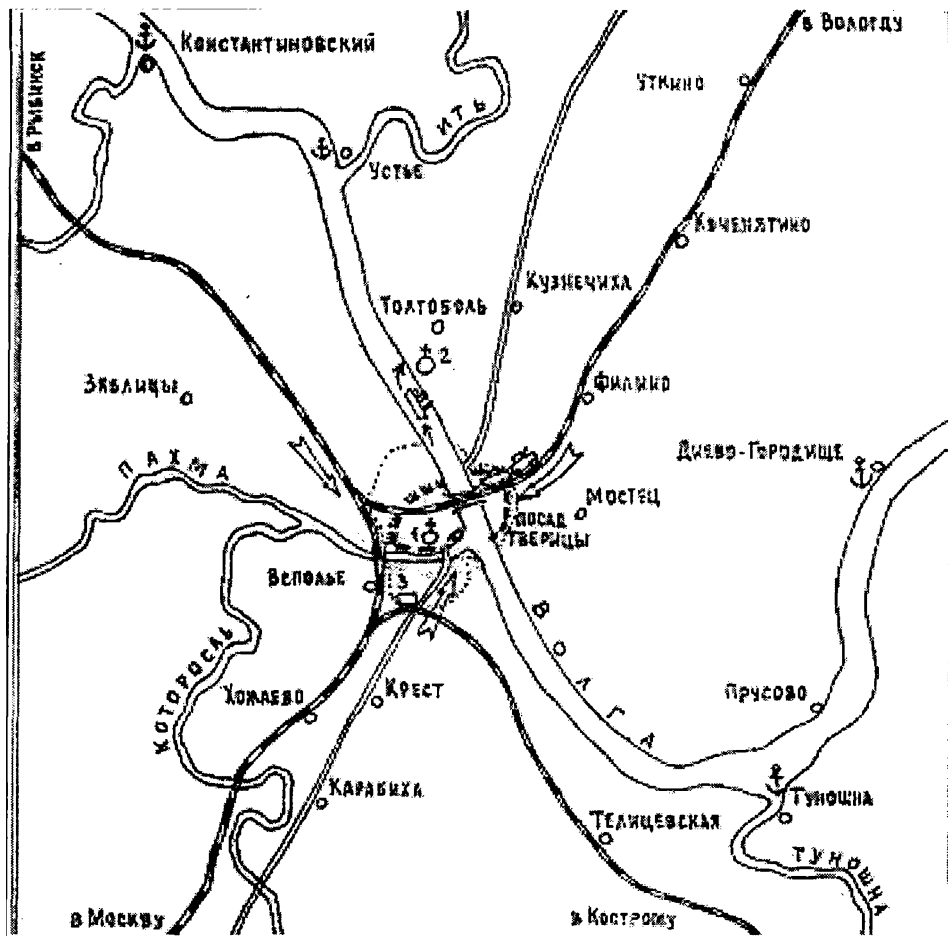
Подхожу к Волге. Мне рабочие сказали, что ходит перевоз и что можно перевозом уйти на ту сторону. Когда я подошел к перевозу, то оказалось, что на перевоз уже не пускают мужчин, уже и этот выход закрыт. Таким образом, я оказался, как мышь в мышеловке. В сторону рабочих кварталов не могу пробраться и через Волгу перехода нет. Я некоторое время подумал и отправился в штаб к Дюшену. Прихожу к нему и говорю: «В память старой партийной работы, я прошу выдачи мне пропуска на ту сторону Волги». — «На ту сторону Волги?» Я говорю; «Да, уходя из Ярославля в Москву». «Я,—говорит,—вам дам пропуск, но только в ту сторону, ни в какие другие районы пропуска не дам», и дал мне беленький билетик: «Пропустить предъявителя сего, гр. Богданова, на ту сторону Волги, на перевоз».

Когда я собирался уходить, он говорит: «Давайте, я вас немного провожу». И немножко проводил. Проводил, по-видимому, для того, чтобы убедиться, что я ушел, потому что штаб тогда уже был в государственном банке.

Он довел меня почти до спуска к пристаням, затем пошел в другую сторону, при чем дорогой мы не разговаривали, шел он немножко отступя от меня, не то ведя меня под конвоем, не то оберегая меня. Выйдя к пристаням, я сел на пароход под пулеметным огнем и пушечной канонадой. Я перебрался на ту сторону и отправился, согласно данным мне указаниям, пешком до Костромы. В Костроме сел на пароход и попал в первый этап - Плес. Я задержался в Плесе, потом явился в Москву. (...)

1. Сенная площадь.	советского полка.
2. Б.Федоровская ул.	22. Гимназия - место расположения штаба Перхурова с 6 июля.
3. Стрелка.	23. Госбанк - место расположения штаба Перхурова с 9 июля.
4. Набережная р. Которосль.	24. Дом народа (бывший дом губернатора).
5. Духовская ул.	25. Пожарная часть.
6. Тутаевское шоссе.	26. Власьевская (Знаменская) башня.
7. Богоявленская пл.	27. Почтамт.
8. Срубная ул.	28. Демидовский юридический лицей.
9. Власьевская пл.	29. Волжская башня.
10. Екатерининская ул.	30. Митрополичьи палаты.
11. Стрелецкая ул.	31. Храм Св. Дмитрия Солунского.
12. Городской бульвар.	32. Храм Богоявления.
13. Семеновская пл.	33. Храм Св. Михаила Архангела.
14. Волжская набережная.	34. Храм Св. Ильи Пророка.
15. Пробойная ул.	35. Храм Спаса на Городу.
16. Ильинская пл.	36. Храм Св. Николая Чудотворца.
17. Леонтьевское кладбище.	37. Спасо-Преображенский монастырь.
18. Артиллерийские склады.	--- Линия фронта к 17 июля.
19. Железнодорожный вокзал.	
20. Кадетский корпус.	
21. Казармы 1-го Ярославского	

Условные обозначения:

1. Спасо-Преображенский монастырь.
2. Толгский монастырь
3. Железнодорожный вокзал.

Линия фронта на момент максимальных успехов восставших.

Бронепоезд восставших.

Основные направления ударов красной гвардии против восставших

Прорыв группы полковника Перхурова к Толгскому монастырю.

ПОСЕВ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1945 г. В ЭМИГРАЦИИ, С 1992 г. ИЗДАЕТСЯ В РОССИИ

Полвека нелегально распространялся в России и слыл в советской прессе «самым антисоветским белогвардейским журналом». Мы не боялись чекистских пуль. Мы не ждали перестройки, чтобы нам разрешили говорить то, что думаем. Мы не сверяли свою линию с извилистой линией партии. Мы не продавались партиям и банковским группам, чтобы выжить в посткоммунистический период. Нас читают во всем мире от Австралии до Бразилии. Среди наших подписчиков - советологи, политики, дипломаты.

Наши рубрики - это основные темы общественной жизни. Среди наших авторов - известные политики, философы, публицисты, общественные деятели, ученые.

Сегодня «Посев» не нужно доставлять в страну в чемодане с двойным дном или выпрашивать у знакомых «на одну ночь».

Сегодня вы можете выписать наш журнал с любого месяца на полугодие, переплатив подписную плату 42 руб. по адресу:

103031, Москва, К - 31, Амосову Ю.К. или посетив издательство «Посев».

Наши тел./факсы: (095) 925-92-48; 925-81-38; (812) 233-09-23.

E-mail: posev@glasnet.ru; posev@mail.wplus.net

Нас можно читать и в интернете <http://www.glasnet.ru/~posev/>

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОСЕВ»

Со дня основания (1945 г.) и до сегодняшнего дня издательство «Посев» видит свою задачу в печатании и распространении вольного русского слова, правдиво отображающего жизнь, мысли, надежды и стремления народов России.

Хотя издательство «Посев» по вине тоталитарной власти десятки лет было вынуждено работать в трудных условиях эмиграции, оно рассматривало свою продукцию как часть культурной, общественной и политической жизни нашей страны. Большое внимание издательство всегда уделяло той ветви российской культуры, которая развивалась в эмиграции.

В соответствии со своей задачей издательство выпускает книги, брошюры, а также периодические издания: общественно-политический журнал «Посев» (12 номеров в год), альманах «Белая гвардия» и «Библиотечка россиеведения».